Клайв С. Льюис

«ПОКОРИТЕЛЬ ЗАРИ», *или* ПЛАВАНИЕ НА КРАЙ СВЕТА

«Покоритель Зари», или Плавание на край света

Клайв Стейплз Льюис

Аннотация
Клайв Льюис. «Покоритель Зари», или Плавание на край света
Глава первая. Картина в детской
Глава вторая. На борту корабля
Глава третья. Одинокие острова
Глава четвёртая. Что делал на острове Каспиан
Глава пятая. Буря и её последствия
Глава шестая. Приключения Юстэса
Глава седьмая. Чем закончились приключения Юстэса
Глава восьмая. Два чудесных спасения
Глава девятая. Остров и голоса
Глава десятая. Волшебная книга
Глава одиннадцатая. Охлотопы обретают счастье
Глава двенадцатая. Тёмный остров
Глава тринадцатая. Три спящих лорда
Глава четырнадцатая. Там, где начинается край света
Глава пятнадцатая. Чудеса Последнего моря
Глава шестнадцатая. Самый край света

Аннотация

Лучший нарнийский корабль «Покоритель Зари» был построен по приказу короля Каспиана. И вот уже ветер надувает паруса – неустрашимая команда во главе с королем, Люси, Эдмундом и их племянником Юстэсом отважилась отправиться на поиски семерых лордов, изгнанных диктатором Миразом, к далеким Восточным островам.

Там, где заканчивается мир, – все самое интересное только начинается!

Клайв Льюис
«Покоритель Зари», или Плавание на край света

Посвящается Джеффри

Глава первая
Картина в детской

Жил-был мальчик по имени Юстэс Кларенс, а по фамилии — Вред. И, надо сказать, он её почти заслужил. Родители звали его Юстэсом, учителя — Вредом. Не могу сказать вам, как звали его друзья, их у него не было. Сам он называл родителей не «папа» и «мама», а Гарольд и Альберта, поскольку они считали себя очень современными и передовыми. Они не ели ничего тяжёлого, не пили, не курили и не носили синтетического белья. Мебели у них почти не было, спали они без подушек, окна держали открытыми в любую погоду.

Юстэс Кларенс любил животных, точнее — насекомых, но только в мёртвом и засушенном

виде. Любил он и книги, но лишь такие, где много таблиц и на картинках изображены машины или толстоватые дети, занимающиеся гимнастикой.

Не любил же он двоюродных братьев и сестёр — Питера, Сьюзен, Эдмунда и Люси Пэвэнси. Однако он обрадовался, узнав, что двое младших приедут погостить, так как хотел кого-нибудь помучить. Сам он был хилым, не одолел бы даже Люси, не говоря об Эдмунде, но знал немало способов поддеть и обидеть человека, особенно если он у тебя гостит.

Эдмунд и Люси вовсе не хотели ехать к тёте Альберте, но ничего поделать не могли. Их отца пригласили в Америку читать лекции, маму он взял с собой, потому что она десять лет не отдыхала, а Питер готовился к вступительным экзаменам у старого профессора Кёрка, в чьём доме все четверо детей пережили увлекательнейшие приключения. Если бы профессор жил всё

там же, они бы тоже туда поехали, но он сильно обеднел и переселился и крохотный однокомнатный коттедж. Взять с собой четверых — слишком дорого, и в путешествие отправилась только одна Сьюзен. Родители считали её красавицей, училась она неважно (хотя в остальном была очень умна), и мама решила, что она «почерпнёт больше, чем маленькие». Эдмунд и Люси старались ей не завидовать, но страдали сильно, особенно Эдмунд. «Тебе что, — говорил он, — а мне с ним жить в одной комнате!..»

Повесть наша началась под вечер, когда брату и сестре удалось побыть немного одним. Говорили они, естественно, о Нарнии, своей заповедной и любимой стране. Почти у всех есть такая страна, но чаще всего — в воображении. Эдмунду и Люси повезло больше, чем нам, — их страна существовала на самом деле. Они побывали там дважды — не в игре, не во сне, а наяву. Конечно, попали туда они чудом, иначе в Нарнию не попадёшь, и надеялись снова там очутиться (собственно, им это было обещано или почти обещано). Сами понимаете, они говорили о ней, когда только могли.

Сидели они у Люси, на кровати, и смотрели на картину, которая висела прямо напротив них.

Только она одна и нравилась им из всех здешних картин. Тёте Альберте она, напротив, не нравилась (поэтому её и повесили в комнате наверху), но выбросить её не решались, ибо это был свадебный подарок от кого-то, с кем не хотелось ссориться.

На картине был корабль, и казалось, что он летит прямо на тебя. На носу у него сверкал позолотой дракон с открытой пастью, мачта была одна, и парус один, квадратный и малиновый. За золотой головой дракона виднелся зелёный борт, а высокая волна, на которую корабль взлетел, сияла синевой. Чем дольше ты смотрел, тем ближе всё это было, и казалось, что тебя вот-вот обрызгает пеной. Ветер, как видно, был хороший, и корабль нёсся легко, чуть накренясь вправо (замечу, кстати, что это называется *правый галс*). Солнце светило тоже справа, и с этой стороны вода отливала зеленью и пурпуром. Слева же (от зрителя — справа) она была потемней.

— Знаешь, — сказал Эдмунд, — очень тяжело смотреть на такой корабль, если не можешь попасть в Нарнию.

— Нет, всё легче, когда хоть посмотришь, — сказала Люси. — А правда, он совсем как там!

— Играть не надоело, а? — спросил Юстэс Кла-

ренс, который подслушивал за дверью, а сейчас вошёл, ухмыляясь как можно гнуснее. Прошлым летом он жил у Пэвэнси, много слышал про Нарнию и любил поддразнивать ею своих нынешних гостей. Конечно, он считал, что они её выдумали; поскольку же ему самому не хватало ума на выдумки, Нарния чрезвычайно его раздражала.

— Чего тебе надо? — грубо спросил Эдмунд.

— А я стишок сочинил, — сказал Юстэс. — Вот такой:

Тот, кто в Нарнию играет,
Идиотом скоро станет.

— Во-первых, «играет» и «станет» — не рифма, — сказала Люси.

— Это ассонанс, — важно ответил Юстэс.

— Не спрашивай, что это такое! — сказал Эдмунд. — Он только и ждёт, чтобы его спросили. Сиди и молчи, может, он тогда уйдёт.

Любой мальчик, встретив такой приём, или ушёл бы, или хотя бы обиделся. Но Юстэс был не таков. Усмехаясь, как прежде, он заговорил снова.

— Что, картинкой любуетесь? — спросил он. — Неужели нравится?

— Ради бога, не отвечай, а то он начнёт спорить

об искусстве! — поспешил вставить Эдмунд, но правдивая Люси уже ответила:

— Да, очень.

— Вот уж мерзость, так мерзость, — заявил Юстэс.

— А ты не смотри, — предложил Эдмунд.

— Нет, а почему она тебе нравится? — пристал Юстэс к Люси.

— Наверное, вот почему, — ответила Люси. — Мне кажется, что корабль плывёт на самом деле. И вода совсем как настоящая. А волны как будто поднимаются и опускаются.

Конечно, у Юстэса было что на это ответить, но он промолчал: взглянув на картину, он увидел, что волны и в самом деле поднимаются и опускаются. Он всего один раз в жизни плавал на корабле (да и то на остров Уайт) и не выносил качки. Теперь, когда он взглянул на волны, ему снова стало плохо. Он позеленел, отвернулся, а потом попытался взглянуть ещё раз. И тут все трое оцепенели от изумления.

Вам, наверное, будет трудно поверить в то, что они увидели, но и они не поверили своим глазам. На картине всё двигалось, причём не как в кино — всё было слишком живым, лёгким, объёмным. Нос корабля опускался вниз — и большой фонтан

брызг взлетал вверх. Потом волна прокатывалась под кораблём, на минуту становились видны корма и днище, и снова опускалась, и появлялась снова. Учебник, лежавший на кровати возле Эдмунда, зашелестел страницами и полетел к той стене, на которой висела картина, а Люси почувствовала, что волосы хлещут её по щекам, как бывало в ветреную погоду. Погода и впрямь стала ветреной, только ветер дул из картины. Вместе с ветром до них долетали звуки: вздохи волн, плеск воды о борт корабля, скрип снастей, свист ветра и рокот моря. Но только запах, острый и горьковатый, убедил Люси, что это не сон.

— Прекратите! — пискливо и злобно заорал Юстэс. — Что за дурацкие шутки! Хватит, а то я Альберте скажу! Ой!

Эдмунд и Люси привыкли к приключениям, но тут и они закричали «Ой!», ибо солёная вода неожиданно выплеснулась из рамы и окатила их с головы до ног.

— Я сломаю вашу мерзкую картину! — заорал Юстэс, и тут произошло несколько событий сразу: Юстэс бросился к картине; Эдмунд, который кое-что знал о магических силах, устремился за ним, крича: «Стой, не дури!»; Люси вцепилась в него с другой стороны; и как раз в эту минуту то

ли они стали быстро уменьшаться, то ли картина начала расти, Юстэс подпрыгнул, чтобы сорвать её со стены, и оказался в ней. Прямо перед ним было не стекло, а настоящее море, ветер и волны неслись на раму, словно на скалу. Совсем перепугавшись, он сам ухватился за Эдмунда и Люси, и они прыгнули в раму вслед за ним. Миг-другой все бились и кричали, а когда им всё же удалось удержать равновесие, огромная голубая волна обрушилась на них, опрокинула и поволокла за собой. Юстэс отчаянно завизжал, но визг его тотчас оборвался, ибо вода попала ему в рот.

Люси благодарила судьбу за то, что прошлым летом научилась хорошо плавать. Правда, она плыла слишком торопливо, да и вода была куда холоднее, чем казалось снаружи. Тем не менее, Люси не тонула и сумела сбросить туфли (это непременно нужно, когда плывёшь в глубоком месте). Она даже не забыла закрыть рот, но не закрывала глаза. Корабль был совсем близко — прямо над ней поднимался зелёный борт, а сверху глядели люди. Но, как и следовало ожидать, Юстэс вцепился в неё, и они пошли ко дну. Когда они всё же вынырнули, Люси увидела, как с корабля прыгнул человек в белом. Эдмунд теперь барахтался рядом с ней, держа вопящего Юстэса

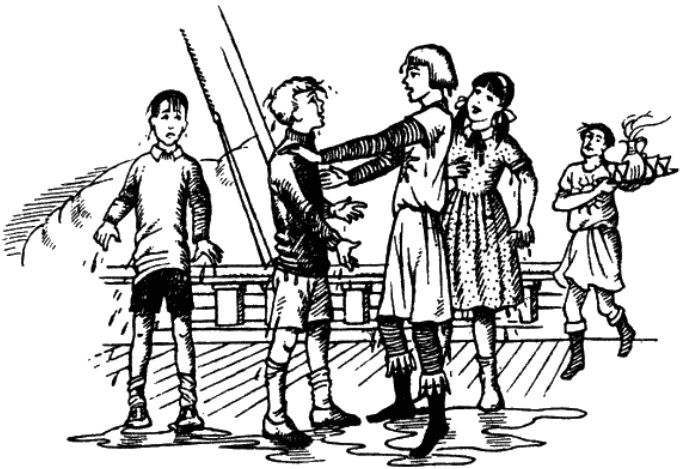
под мышки. Потом она увидела чьё-то знакомое лицо, и кто-то ухватил её за плечи. Люди на корабле кричали, над фальшбортом свесились головы, вниз полетели верёвки и канаты. Эдмунд и тот, знакомый, обвязали Люси верёвками. Ей казалось, что всё это длится очень долго, так как лицо её посинело, а зубы начали выбивать дробь. На самом же деле времени прошло мало: на корабле поджидали удобного момента, чтобы поднять её наверх, не ударив о борт корабля. Несмотря на это, она сильно ушибла коленку, и ей было больно, когда, дрожа от холода, она оказалась на палубе. После неё подняли Эдмунда, а потом — несчастного Юстэса. Последним появился чем-то знакомый златоволосый мальчик, на несколько лет постарше Люси.

— Ка-Ка-Каспиан! — вдруг сказала она, когда обрела голос. Да, это был Каспиан, юный король Нарнии, которому они помогли занять престол, когда были здесь в прошлый раз. Тут и Эдмунд узнал его. Все трое пожали друг другу руки, а мальчики ещё похлопали друг друга по спине.

— А это ваш приятель? — спросил Каспиан, с улыбкой поворачиваясь к Юстэсу. Но тот плакал гораздо громче, чем можно плакать в его годы, если ты просто промок, и вопил:

— Пустите меня, пустите меня обратно! Мне тут *не нравится.*

— Пустить? — спросил Каспиан. — Куда же это?

Юстэс подбежал к борту корабля, словно ожидая увидеть над морем раму картины, а может быть, и часть комнаты, но увидел только пенистые синие волны и голубое небо, сливавшиеся у горизонта. Наверное, нельзя упрекать его в том, что сердце у него упало. Ему чуть что становилось худо.

— Эй, Ринельф! — крикнул Каспиан одному

из матросов. — Принеси их величествам грогу! После такого купания надо согреться.

Он называл величествами Эдмунда и Люси, потому что когда-то, задолго до него, они, и Сьюзен, и Питер были королями и королевами Нарнии. Время в этой стране течёт не так, как у нас, и, проведя там сто лет, вы вернётесь в наш мир в тот самый день и час, когда его покинули. Но если, пробыв здесь, скажем, неделю, вы вернётесь в Нарнию, там за это время может пройти и тысяча лет, и один день, и вообще ни минуты. Пока туда не попадешь, этого не узнаешь. И потому, когда Питер с братом и сёстрами вернулись в Нарнию, жители её приняли их, как приняли бы мы короля Артура. Кстати, некоторые считают, что он и вправду вернётся, а от себя добавлю: давно пора.

Ринельф принёс горячий грог, дымящийся в кувшине, и четыре серебряных кубка. Именно это сейчас и требовалось; и, сделав несколько глотков, Люси и Эдмунд почувствовали, что тепло пробирает их до самых пяток. Но Юстэс морщился, и плевался, и ныл, требуя, чтобы ему дали витаминизированного напитка на дистиллированной воде, и вообще поскорее высадили на берег.

— Доброго спутника привёл ты нам, братец-ко-

роль, — прошептал Каспиан Эдмунду, но не успел он добавить и слова, как Юстэс снова завопил:

— О-о-ой! Фу! Что *это*? Уберите от меня эту мерзость!

Впрочем, на сей раз чувства его можно было понять. Из рубки на юте вышло преудивительное существо и неторопливо подошло к ним. Можете называть это существо мышью — собственно, оно мышью и было, только ходило на задних лапах и достигало в высоту двух футов. На голове у него был тонкий золотой обруч, а в нём — длинное алое перо. (Поскольку шёрстка у мыши была темная, почти чёрная, выглядело это очень красиво.) Левая лапка лежала на эфесе шпаги, такой же длинной, как хвост. Мышь — нет, назовем это создание Мышем, слишком уж ему не подходит женский род, — Мыш изящно и величаво ступал по раскачивающейся палубе, а манеры у него были самые изысканные. Люси и Эдмунд сразу узнали Рипичипа, храбрейшего из нарнийских говорящих зверей, покрывшего себя бессмертной славой во втором сражении при Беруне. Люси, как всегда, ужасно захотелось взять его на руки и погладить по тёплой шёрстке; но она не посмела — он обиделся бы до глубины души. И она опустилась на одно колено, чтобы поговорить с ним.

Рипичип выставил вперёд левую лапку, отставил правую, церемонно поклонился, поцеловал Люси руку, выпрямился, подкрутил усы и промолвил тоненьким голоском:

— Мое нижайшее почтение вашему величеству! Мое нижайшее почтение королю Эдмунду! (Он снова поклонился.) Мы и мечтать не смели, что вы украсите своим присутствием наше славное плавание.

— О-о-ой, уберите его! — вопил Юстэс. — Ненавижу мышей! Терпеть не могу дрессированных животных! Какая пошлость… и глупость… и сентиментальность, в конце концов!

— Насколько я понимаю, — спросил Рипичип у Люси, бросив взгляд на Юстэса, — этот

невоспитанный человек находится под покровительством вашего величества? Если это не так…

Тут Эдмунд и Люси одновременно чихнули.

— Какой я дурак, вы же мокрые! — воскликнул Каспиан. — Идите вниз, переоденьтесь. Тебе, Люси, я отдам свою каюту, только боюсь, у нас тут нет платьев. Придётся тебе обойтись моей туникой. Рипичип, будь добр, укажи её величеству дорогу.

— Ради служения даме, — сказал Рипичип, — можно забыть на время и о чести… — и он сурово поглядел на Юстэса. Но Каспиан поторопил их, и через несколько минут Люси оказалась в королевской каюте. Там ей ужасно понравилось всё — и три квадратных окна, в которые били синие волны, и низкие, обитые мягким скамьи, окружавшие стол с двух сторон, и серебряная лампа под потолком (Люси сразу узнала тонкую работу гномов), и золотой лев над дверью. Всё это она заметила в мгновение ока, ибо тут же появился Каспиан и сказал:

— Живи здесь, Люси. Я только возьму себе сухую одежду, — и принялся рыться в одном из ящиков.

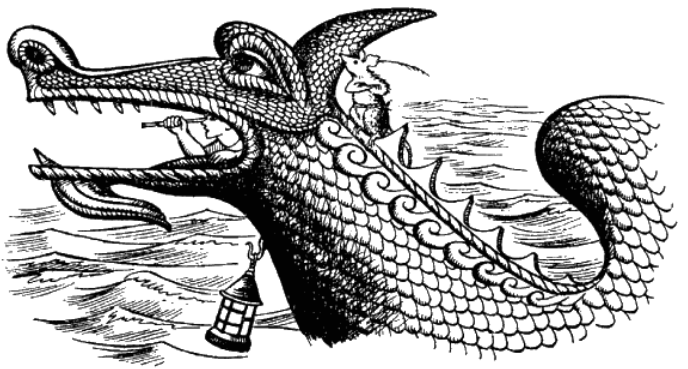

— И ты возьми себе, что найдешь, — прибавил он. — Мокрое оставь за дверью, я скажу, чтобы его отнесли сушиться на камбуз.

Люси было так хорошо, словно она давно жила в каюте Каспиана, и даже покачивание корабля не беспокоило её, ибо, когда она была в Нарнии королевой, ей приходилось плавать по морю. Каюта была совсем крошечная, но светлая, обшитая деревом (на панелях летали птицы, пламенели драконы) и очень чистая. Туника молодого короля оказалась великовата, но Люси её кое-как приладила, а вот башмаки, сапоги и сандалии были сильно велики, но ей нравилось ходить по

кораблю босиком. Переодевшись, она посмотрела в окно на убегающую назад воду и глубоко, радостно вздохнула. Она не сомневалась, что плавание будет чудесное.

Глава вторая
На борту корабля

— А вот и Люси! — сказал Каспиан. — Мы тебя ждём. Это — мой капитан, лорд Дриниан.

Черноволосый человек опустился на колено и поцеловал Люси руку. Кроме него, на палубе были Рипичип и Эдмунд.

— А где Юстэс? — спросила Люси.

— В постели, — ответил Эдмунд, — и вряд ли мы ему поможем. Он только сердится, если с ним хочешь по-хорошему.

— Нам с вами надо поговорить, — сказал Кас-

пиан.

— Ещё бы, — сказал Эдмунд, — и прежде всего о времени. Год тому назад мы покинули эту страну перед самой твоей коронацией. Сколько же прошло с тех пор у вас?

— Ровно три года, — сказал Каспиан.

— Ну и как, всё в порядке? — спросил Эдмунд.

— Разве я мог бы покинуть королевство, если бы что-нибудь было не в порядке? — отвечал король. — Всё прекрасно, лучше и быть не может. Все распри между моими подданными — гномами, фавнами, говорящими зверями и всеми прочими — улажены. Прошлым летом мы так отделали у границы наших соседей-великанов, что они теперь платят нам дань. Пока я в плавании, страной правит очень хороший регент, лорд Трам. Помните такого гнома?

— Милый Трам! — воскликнула Люси. — Как не помнить! Лучшего не выберешь!

— Да, сударыня, — подтвердил Дриниан. — Он верен, как барсук, и храбр, как… как мышь. — Дриниан хотел сказать «как лев», но заметил, что на него смотрит Рипичип.

— А куда мы плывём? — спросил Эдмунд.

— Это длинная история, — сказал Каспиан. — Вы, наверное, помните, когда я был маленьким,

мой коварный дядя Мираз отослал в дальние моря семерых лордов, друзей моего отца, которые могли встать на мою сторону. Он поручил им обследовать всё, что к востоку от Одиноких Островов.

— Да, — сказала Люси, — и ни один из них не вернулся.

— Верно. Так вот, в день моей коронации я, с благословения Аслана, дал клятву: как только в

Нарнии воцарится мир, я отправлюсь на восток и буду плыть один год и один день, чтобы отыскать друзей моего отца или, узнав об их гибели, отомстить за них. Звали их лорд Ревелиан, лорд Берн, лорд Аргоз, лорд Мавроморн, лорд Октезиан, лорд Рестимар и… опять забыл!..

— Лорд Руп, ваше величество, — подсказал Дриниан.

— Да, да, конечно, Руп, — подхватил Каспиан. — Вот моя главная цель. Но у Рипичипа есть один замысел, — все посмотрели на маленького рыцаря, — ещё более возвышенный.

— Высокий, как мой дух, — сказал Рипичип, — или как мой рост. Почему бы нам не доплыть до восточного края света? Мне кажется, что именно там страна Аслана. Великий Лев всегда приходит с востока, из-за моря.

— Прекрасный замысел! — с уважением сказал Эдмунд.

— Ты думаешь, — спросила Люси, — страна Аслана — такая?.. То есть до неё *можно* добраться?

— Не знаю, ваше величество, — ответил Рипичип, — но вот в чём штука. Когда я был маленьким, меня нянчила дриада, и она мне пела:

Где сливаются небо и моря волна,

Где вода морская не солона,
Вот там, мой дружок,
Найдёшь ты Восток,
Самый восточный Восток.

Не знаю, как это понимать, но слова меня околдовали.

Люси помолчала и спросила:

— Каспиан, а где мы сейчас?

— Это лучше знать капитану, — сказал король, и Дриниан тут же достал карту и развернул её на столе.

— Мы вот здесь, — показал он на карте. — Точнее, мы были здесь в полдень. Мы покинули Кэр-Параваль с попутным ветром и уже через день достигли Гальмы. Там мы пробыли неделю, поскольку герцог Гальмский устроил в честь его величества большой турнир. Король наш выбил из седла многих рыцарей…

— …и сам свалился не раз, — вставил Каспиан. — До сих пор синяки.

— …многих рыцарей, — недовольно повторил Дриниан. — Мы думали, герцогу пришлось бы по сердцу, если бы наш король женился на его дочери, но из этого ничего не вышло…

— Она косая и с веснушками, — объяснил Кас-

пиан.

— Бедная девочка! — сказала Люси.

— ...и мы покинули Гальму, — продолжал Дриниан, — и два дня шли на вёслах, а потом снова подул ветер, так что лишь на четвёртый день после Гальмы мы добрались до Теревинфии.

Теревинфский король посоветовал нам не сходить на берег, ибо в его стране свирепствует какая-то болезнь, так что мы бросили якорь в устье реки, подальше от столицы, и стали ждать. Через три дня подул юго-восточный ветер, и мы взяли курс к Семи Островам. На третий день нас догнал пиратский корабль (судя по оснастке — теревинфский), но мы стали стрелять из луков, и ему пришлось спасаться бегством...

— А мы бросились за ним в погоню, взяли на абордаж и расправились с мерзавцами! — вставил Рипичип.

— Через пять дней мы достигли Мьюла, самого западного из Семи Островов, прошли на вёслах весь пролив и перед самым закатом солнца бросили якорь в Алой Гавани, на острове Брэн, где нас встретили очень приветливо, вдоволь снабдили провизией и водой. Шесть дней спустя мы покинули Алую Гавань и быстро двинулись на восток. Надеюсь, через день-другой мы увидим

Одинокие Острова… В общем, в море мы дней тридцать и проплыли больше четырёхсот лиг.

— А сколько нам плыть после Островов? — спросила Люси.

— Никто не знает, ваше величество, — ответил Дриниан. — Разве что на Островах скажут.

— В наше время они и сами не знали, — заметил Эдмунд.

— Значит, — сказал Рипичип, — настоящие приключения начнутся только после Островов.

Каспиан спросил, не желают ли они до ужина осмотреть корабль, но Люси почувствовала угрызения совести и сказала:

— Нет, я сперва навещу Юстэса. Ужасная это вещь, морская болезнь. Ах, если бы у меня было моё снадобье, я бы сразу его выле-чила!

— А оно здесь, — сказал Каспиан. — Я совсем о нём забыл. Когда ты его оставила, я решил, что это — одно из королевских сокровищ, и взял с собой. Только… стоит ли его тратить на морскую болезнь?

— Я возьму одну капельку, — сказала Люси.

Каспиан открыл сундук, стоявший под скамьёй, и достал красивую алмазную бутылочку, хорошо знакомую Люси.

— Бери, королева, — сказал он, — то, что тебе

принадлежит. — И они вышли из каюты на залитую солнцем палубу.

На палубе было два больших продолговатых люка: один перед мачтой, другой — позади неё, и оба, как всегда в хорошую погоду, были распахнуты настежь, чтобы внутрь корабля попадало больше света и воздуха. Каспиан подвёл гостей к заднему люку, и, спустившись по трапу, они оказались в большом помещении, где от борта к борту стояли скамьи. Свет проникал сюда сквозь отверстия для вёсел, и солнечные зайчики резво прыгали по потолку. Конечно, корабль Каспиана не был этой ужасной штукой — галерой, где гребут прикованные цепями рабы. Вёслами пользовались только тогда, когда стихал ветер или когда входили в гавань; и тут уж все, кроме коротколапого Рипичипа, по очереди сменяли друг друга. Место под скамьями было свободно, а посередине, от носа до кормы, тянулся трюм, заполненный всевозможными съестными припасами: здесь были мешки с мукой, бочки с водой и пивом, горшки с мёдом, бутылки вина, яблоки, орехи, сыры, ящики с солониной, галеты, репа. На потолке (то есть с изнанки палубы) висели окорока и связки лука, и гамаки, в которых спали матросы. Каспиан повёл гостей к корме, ступая

со скамьи на скамью; сам он шагал, Люси почти прыгала, а Рипичип летел по воздуху. Вскоре они добрались до деревянной переборки. Каспиан открыл дверь, и все вошли в каюту, которая помещалась на корме, под палубой. Конечно, тут было не так уж удобно. Потолок был низкий, стены круто сходились книзу, пола почти не было, а окна из толстого стекла никогда не открывались, ибо находились под водой. Сейчас корабль покачивало, и они становились то золотистыми от солнца, то тёмно-зелёными, как море.

— Тут поселимся мы с тобой, Эдмунд, — сказал Каспиан. — Пусть ваш родственник спит на койке, а мы повесим себе гамаки.

— Ваше величество, позвольте мне… — начал Дриниан, но Каспиан его перебил:

— Нет, нет, капитан, всё уже решено. Вы с Ринсом (Ринс был помощником капитана) ведёте корабль и вечером, когда мы поём и беседуем, трудитесь вовсю, так что оставайтесь, где были, наверху, нам с королем Эдмундом и тут хорошо. А как наш новый знакомец?

Позеленевший Юстэс мрачно спросил, скоро ли стихнет буря.

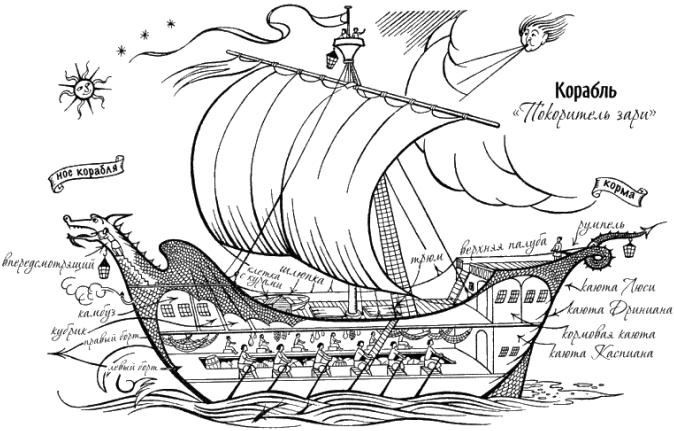
— Какая буря? — удивился Каспиан, а Дриниан засмеялся.

— Скажете тоже, буря! — проревел он. — Да сейчас погода — лучше некуда.

— Кто это? — раздражённо спросил Юстэс. — Скажите ему, чтобы он ушёл. От его смеха голова лопнет.

— Мы принесли лекарство, ты поправишься, — сказала Люси.

— Ах, оставьте меня в покое! — простонал Юстэс, но всё-таки отпил из бутылочки; и, хотя он сказал: «Какая гадость!» (по всей каюте разлился дивный запах), лицо его порозовело, вообще ему стало лучше. Он перестал жаловаться на бурю и головную боль и принялся требовать, чтобы его высадили на берег, где он немедленно свяжется с британским консулом. Когда же Рипичип спросил, что такое «свяжется» и кто такой «консул» (он решил, что это — особый вид поединка), Юстэс пробормотал: «И этого не знает!..» В конце концов его удалось убедить, что они и так плывут на всех парусах к ближайшей земле, а отправить его в Кембридж, где жили дядя Гарольд и тётя Альберта, не легче, чем на луну. Тогда он хмуро согласился переодеться и выйти на палубу.

Каспиан показал им корабль, хотя многое они уже видели. Они поднялись на полубак и посмотрели, как вперёдсмотрящий стоит на скамеечке внутри золочёной драконовой шеи и вглядывается вдаль сквозь его раскрытую пасть. На полубаке был камбуз (корабельная кухня) и каюты, в которых жили боцман, корабельный плотник, кок и главный лучник. Если вам кажется, что неудобно помещать камбуз на полубаке, ибо дым из его трубы летит назад, вы представляете себе пароход, который идёт навстречу ветру, а не парусный корабль, где ветер дует сзади и относит вперёд и запахи, и дым. Гости поднялись по вантам на самую верхушку мачты, и поначалу

им было страшно — так и казалось, что упадёшь, и притом в море, а не на далёкую маленькую палубу. Потом они прошли на полуют, где Ринс и ещё один моряк стояли у штурвала, а за ними поднимался вверх золочёный драконий хвост, внутри которого стояла невысокая скамья.

Корабль назывался «Покоритель зари». Он был гораздо меньше наших кораблей и даже тех бригантин, галер и галеонов, которые застали в Нарнии Люси и Эдмунд, когда царствовали под началом короля Питера. При той династии, к которой принадлежал Каспиан, плавали очень мало, и, когда его дядя, коварный Мираз, изгнал семерых лордов, ему пришлось купить корабль в Гальме и нанять тамошних матросов. Каспиан решил сделать Нарнию морской державой, но «Покоритель зари» — лучший из построенных при нём кораблей — был так мал, что на палубе перед мачтой, между передним люком, корабельной лодкой и клеткой с курами (Люси тут же их покормила), почти не оставалось места. Но все же он был красив, изящен и ярок, и всё в нём было сделано поистине мастерски. Конечно, Юстэсу ничего не нравилось, и он хвастался, что «у нас» есть пароходы, самолёты и подводные лодки («Много он в них понимает», — ворчал

Эдмунд), зато Люси и Эдмунд были в восторге. Когда, осмотрев корабль, они вернулись ужинать в каюту и увидели, что небо на западе охвачено алым пламенем, и ощутили солёный вкус моря, и подумали о неведомых землях на восточном краю света, Люси просто говорить не могла от счастья…

О чём думал Юстэс, лучше всего расскажет он сам, ибо наутро, получив назад свою сухую одежду, он тотчас достал из кармана чёрный блокнотик и карандаш. Этот блокнотик всегда был при нём: он записывал туда свои отметки — ни один предмет его не занимал, но отметки он очень любил и вечно спрашивал: «Мне поставили столько-то. А тебе?» Но здесь отметок ждать не приходилось, и он решил вести дневник. Вот первая запись:

> «*7 августа.* Если это не сон, я более суток плыву на каком-то мерзком паруснике. Бушует буря (хорошо, что я не боюсь морской болезни). Набегают огромные волны, и это корыто много раз чуть не утонуло. Все делают вид, что ничего не замечают – наверное, хотят себя показать, а может, и правда не видят (Гарольд гово-

рит, что простые люди закрывают глаза на реальность). Как глупо выйти в море на этом корыте, чуть побольше шлюпки! Конечно, здесь ничего нет – ни салона, ни радио, ни ванной, ни шезлонга. Вчера вечером меня таскали по всем закоулкам, и Каспиан так хвастался, словно это океанский лайнер. Я пытался ему объяснить, что такое корабль, но он ничего не понял, слишком туп. Э. и Л., *конечно,* меня не поддержали. Л. еще мала и не понимает опасности, а Э. подлизывается к К., как все. Его, то есть К., называют королём. Я сказал, что я – республиканец, а он спросил, что это такое! По-моему, он абсолютно ничего не знает. Поместили меня, конечно, в самой плохой каюте. Это истинный карцер. Л. дали целую комнату на палубе, вполне приличную. К. сказал, это потому, что Л. – девочка. Я пытался ему объяснить, что, как говорит Альберта, такие вещи только унижают женщин, но он не понял, слишком туп. Мог бы хоть понять, что мне нельзя оставаться в этой дыре, я заболею. Э. говорит, не надо ворчать: К. отдал свою каюту Л. и теперь

живёт вместе с нами. Что с того? У нас ещё теснее. Да, чуть не забыл: тут ходит какая-то наглая мышь. Другие – как хотят, а я ей хвост оторву, если она меня тронет. Еда, конечно, хуже некуда».

Первая стычка между Юстэсом и Рипичипом произошла раньше, чем можно было ожидать. На следующий день, перед обедом, когда все уже сели за стол (на море всегда хочется есть), Юстэс вихрем влетел в каюту, поддерживая одной рукой другую и вопя:

— Ваша зверюга чуть меня не убила! Смотрите за ней! Я буду жаловаться! Да, вам прикажут её ликвидировать!

Тут в дверях появился Рипичип со шпагой в руке. Усы его воинственно торчали, но он, как всегда, был предельно вежлив.

— Прошу прощения у всех, — сказал он, — особенно у её величества. Если бы я предвидел, что побеспокою вас, то выбрал бы более удобное время…

— А что случилось? — спросил Эдмунд.

А случилось вот что. Рипичип, которому всегда казалось, что корабль плывёт слишком медленно, любил сидеть рядом с драконьей головой и, вглядываясь в небо на востоке, тихо напевать тонким голоском песню, которую сочинила для него дриада. Какой бы сильной ни была качка, он ни за что не держался, легко сохраняя равновесие; возможно, ему помогал длинный хвост, который свешивался по фальшборту вниз, почти до палубы. Все на корабле знали эту привычку, и морякам она нравилась, поскольку на вахте было с кем поговорить. Я не знаю, зачем Юстэс

ковылял, спотыкаясь, по палубе (он так и не научился ходить по ней). Быть может, он высматривал на горизонте землю, быть может, просто околачивался возле камбуза. Как бы то ни было, он заметил свешивающийся хвост — конечно, зрелище соблазнительное — и решил, что будет очень приятно этот хвост схватить, дёрнуть вниз, крутануть Рипичипа разок-другой, убежать и вволю посмеяться. Сначала всё шло прекрасно. Мышиный рыцарь был ненамного тяжелее крупного кота. Юстэс в мгновение ока сдёрнул его за хвост и захохотал, глядя на нелепо растопыренные лапки и открытый рот. Но Рипичип, опытный боец, никогда не терял самообладания и сноровки. Нелегко вытащить из ножен шпагу, если тебя крутят в воздухе за хвост, но он это сделал. Юстэс почувствовал дважды сильную боль в руке и выпустил хвост, а мышиный рыцарь, словно мячик, отскочил от палубы — и сверкающая молния замелькала у Юстэсова живота (нарнийские мыши не соблюдают правила «выше пояса», поскольку им и до пояса не дотянуться).

— Перестань! — завопил Юстэс. — Сейчас же убери штуку! Это опасно! Ты меня ранишь! Ну, сколько можно! Я Каспиану скажу! Тебе намордник наденут… тебя свяжут…

— Где твоя шпага, жалкий трус? — пропищал Рипичип. — Защищайся, или я тебя просто высеку.

— У меня нет шпаги, — сказал Юстэс. — Я — пацифист. Я против всякой борьбы.

— Не ослышался ли я? — строго спросил Рипичип, на мгновение опуская шпагу. — Ты отказываешься от поединка?

— Ну, чего ты от меня хочешь? — заныл Юстэс, потирая раненую руку. — Шуток не понимают!..

— Я хочу, — сказал Рипичип, — чтобы ты — выучился — хорошим — манерам — и уважал — рыцарскую честь — мышиную честь — мышиный хвост! (там, где у нас стоит тире, он хлестал Юстэса шпагой, а клинок её, закаленный гномами, бил больно, как розга).

Конечно, Юстэс учился в школе, где не было телесных наказаний, и такого с ним ещё не случалось. Вот почему он, хотя и не умел ходить в качку, меньше чем за минуту промчался через весь корабль и ворвался в каюту. Пылкий Рипичип бежал за ним, размахивая шпагой, и Юстэсу казалось, что она раскалена.

В каюте, к его ужасу, дуэль приняли всерьёз, и Каспиан предложил ему свою шпагу, а Дриниан и Эдмунд заспорили о том, что делать, когда один

противник настолько ниже другого. Юстэс хмуро попросил у Мыша прощения и удалился вместе с Люси к себе в каюту промыть и перевязать раны. Потом он лёг в постель, осторожности ради — на бок.

Глава третья
Одинокие острова

— Земля! — закричал вперёдсмотрящий.

Люси, которая разговаривала на юте с Ринсом, быстро спустилась по лестнице и поспешила на полубак. По пути к ней присоединился Эдмунд, а Каспиан, Дриниан и Рипичип были уже там. Утро выдалось холодное, небо над тёмно-синим морем, усеянным белыми клочками пены, казалось очень бледным. Впереди, по правому борту, словно зелёный холм среди моря, виднелся бли-

жайший из Одиноких Островов — Фелимат, а позади него возвышались серые склоны Дорна.

— Дорн! Фелимат! — воскликнула Люси, хлопая в ладоши от радости. — Ах, Эдмунд, как давно мы их не видели!

— Никак не пойму, — сказал Каспиан, — почему они принадлежат Нарнии. Разве король Питер завоёвывал их?

— О, нет! — отвечал Эдмунд. — Так было ещё до нас, при Белой Колдунье.

(Сам я, кстати сказать, тоже не знаю, почему острова эти принадлежат Нарнии. Если узнаю и если это занимательно, я расскажу вам в другой книге.)

— Будем причаливать к берегу, ваше величество? — спросил Дриниан.

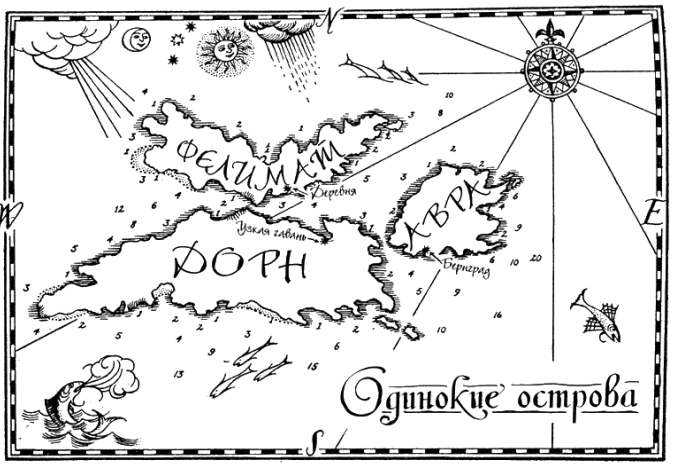
— Пожалуй, не стоит, — сказал Эдмунд. — В наше время здесь никого не было, да и сейчас нет, судя по виду. Раньше народ жил на Дорне, а кое-кто — на Авре, это третий остров, его пока не видно. А на Фелимате пасли овец.

— Значит, обогнём его, — сказал Дриниан, — и высадимся на Дорне. Придётся грести.

— Как жаль, что мы не побываем на Фелимате, — сказала Люси. — Мне бы хотелось побродить там. На нём так пусто… но хорошо, и трава, и

клевер, и тихий солёный воздух…

— Я тоже не прочь размять ноги, — согласился Каспиан. — Вот что, давайте высадимся на берег и отошлём лодку обратно. Пересечём остров, а корабль подберёт нас на той стороне.

Если бы Каспиан знал, что из этого получится, он бы так не сказал; но тогда это всем понравилось.

— Ой, идём! — воскликнула Люси.

— Ты пойдёшь с нами? — спросил Каспиан у Юстэса, который появился на палубе с перевязанной рукой.

— Пойду, пойду, только бы подальше от этого проклятого корыта, — сказал Юстэс.

— Проклятого корыта? — переспросил Дриниан. — Ты о чём?

— Во всех цивилизованных странах, — сказал Юстэс, — корабли такие большие, что и не помнишь, где ты — на суше или на море.

— Тогда зачем плавать? — сказал король. — Дриниан, прикажи спустить шлюпку на воду.

Король, Рипичип, Люси, Эдмунд и Юстэс сели в шлюпку и поплыли к берегу. Когда они высадились, шлюпка поплыла обратно, а они долго смотрели ей вслед, удивляясь, каким крошечным кажется корабль.

Люси, конечно, была босая (она ведь скинула туфли тогда, в воде), но это ничего, когда идёшь по пушистому мху. Хорошо было вновь очутиться на суше, дышать землёй и травой, хотя поначалу земля покачивалась под ногами, словно палуба, так всегда бывает после долгого плавания. Здесь оказалось теплее, чем в море, и Люси особенно понравилось ступать по нагретому песку. В небе пел жаворонок.

Они шли в глубь острова, поднимаясь на довольно крутой, хотя и невысокий холм. На вершине, конечно, они оглянулись: корабль мед-

ленно плыл к северо-западу, сверкая на солнце, словно большой жук. Перевалив через гребень холма, они его больше не видели.

Зато они увидели остров Дорн, отделённый широким проливом, а за ним, чуть слева — остров Арву. На Дорне нетрудно было рассмотреть белый городок, который назывался Узкой Гаванью.

— А это кто такие? — спросил вдруг Эдмунд.

В зелёной долине, куда они спускались, сидели шесть или семь вооружённых, грубоватых с виду мужчин.

— Не говорите им, кто мы, — предупредил Каспиан.

— Почему, ваше величество? — спросил Рипичип, который согласился, чтобы Люси несла его на плече.

— Я подумал, — ответил Каспиан, — что здесь давным-давно не слышали о Нарнии. Быть может, они не считают себя нашими подданными. Тогда небезопасно называться королём.

— У нас есть шпаги, ваше величество! — воскликнул Рипичип.

— Да, Рипичип, я знаю, — сказал Каспиан. — Но если бы я хотел снова завоевать эти три острова, я бы взял сюда отряд побольше.

Тут они приблизились к незнакомцам, один из

которых, крупный и черноволосый, крикнул:

— Здорово, ребята!

— Здравствуйте, — ответил Каспиан. — Есть ли ещё наместник на Одиноких Островах?

— Есть, как не быть! — отвечал мужчина. — Губернатор Гумп. Он там, в Узкой Гавани. Выпейтека с нами, ребята!

Каспиан поблагодарил и согласился, хотя ни ему, ни его спутникам не понравились сидящие под деревом люди. Но едва они подняли чарки, как черноволосый кивнул своим приятелям, и в мгновение ока путешественников схватили, обезоружили и связали по рукам и ногам — всех, кроме Рипичипа, который отчаянно барахтался и кусался.

— Блямц, поосторожней с этой тварью! — сказал вожак. — Смотри не попорти. За неё много дадут.

— Трус и подлец! — вскричал Рипичип. — Отдай мою шпагу и отпусти мои лапы, если посмеешь!

— Ничего себе! — присвистнул работорговец (а это был именно работорговец). — Да он говорящий! Вот это да!.. Будь я проклят, если за него не отвалят сотни две!

— Так вот ты кто! — сказал Каспиан. — Вор и работорговец! Есть чем гордиться!

— Ну-ну-ну, — сказал работорговец. — Придержи-ка язык. Вы по-хорошему — и мы по-хорошему, ясно? Такая у меня работа. Зарабатываю, как умею, а ты не суйся не в своё дело.

— Куда вы нас поведёте? — с трудом выговорила Люси.

— В Узкую Гавань, — ответил работорговец. — Завтра там как раз базарный день.

— Есть там английский консул? — спросил Юстэс.

— Это чего? — удивился мужчина.

Юстэс долго пытался объяснить и уже устал, когда работорговец прервал его:

— Ладно, хватит болтать! Говорящая мышь — хорошая штука, но этот кого угодно уморит… Пошли, ребята.

Четверых пленных накрепко, но не больно привязали к длинной верёвке и повели к берегу. Рипичипа несли на руках. Он перестал кусаться, когда ему пригрозили надеть намордник, но бранился вовсю, и Люси только диву давалась, как работорговец переносит такие оскорбления. Но он не прерывал Рипичипа и, когда Мыш замолкал, чтобы перевести дыхание, говорил: «Давай, чеши!», или: «Ух, красота!», или: «Гнус, ты только послушай, прямо как будто все понимает!», или:

«Кто ж это его научил?» Такие слова приводили рыцаря в ярость, и он в конце концов задохнулся от возмущения и замолк.

Выйдя к берегу, напротив острова Дорн, путники увидели деревушку, длинную лодку у воды, а чуть подальше — старый и грязный корабль.

— Так вот, ребятки, — сказал работорговец. — Поменьше шума, а то пожалеете. На борт, шагом марш!

Однако в эту минуту из какого-то домика (должно быть — таверны) вышел приятный с виду человек и сказал:

— Что ж это, Мопс? Опять торгуешь?

Работорговец, которого и звали Мопсом, низко поклонился и подобострастно ответил:

— Да, ваша светлость.

— Сколько ты хочешь за этого мальчика? — спросил человек, указывая на Каспиана.

— Ах, — вздохнул Мопс, — уж вы, ваша светлость, всегда высмотрите самое лучшее. Вас на мякине не проведёшь. Как раз этот мальчишка мне самому понравился. Полюбил его, знаете… Сердце у меня мягкое, прямо хоть всё бросай! Однако для такого покупателя…

— Назови свою цену, плут, — перебил его человек. — Я не хочу слушать про твоё грязное дело.

— Три сотенки, ваша светлость, три сотенки, да и то только для вас…

— Сто пятьдесят.

— Ой, пожалуйста! — взмолилась Люси. — Пожалуйста, не разделяйте нас. Если бы вы только знали…

Но она тут же умолкла, увидев, что Каспиан даже сейчас не хочет открыть, кто он.

— Сто пятьдесят, — повторил человек. — Понимаешь, девочка, как ни жаль, я не могу купить вас всех. Отвяжи мальчика, Мопс. И смотри, не обижай других!

— Ну что вы, ваша светлость! — воскликнул Мопс. — Кто-кто, а я свой товар не обижаю. Они мне прямо как детки, честное слово!..

— Вполне возможно, — сурово сказал вельможа.

Наступила ужасная минута. Каспиана отвязали, новый хозяин сказал ему: «Иди за мной!», Люси ударилась в слёзы, Эдмунд побледнел. Но Каспиан обернулся к ним и сказал: «Веселей, друзья! Всё будет хорошо. До встречи!»

— Барышня, — сказал Мопс, — не ревите, а то завтра за вас мало дадут. Чего плакать-то, а? Нечего.

Их перевезли в лодке на корабль и посадили в тёмный и грязный трюм, где уже сидели другие невольники. Мопс, как нетрудно понять, был пиратом, плавал между островами и хватал всех, кого только удавалось. Дети не встретили здесь ни одного знакомого: почти все невольники были с Гальмы или из Теревинфии. Сидя на соломе, они гадали, что с Каспианом, а Юстэс ругал их, словно виноваты все, кроме него.

А с Каспианом было вот что. Он прошёл со своим хозяином по узкому проулку на лужайку за деревней. Здесь вельможа обернулся и посмотрел на него.

— Не бойся меня, мальчик, — сказал он. — Я тебя не обижу. Я купил тебя потому, что ты похож на одного человека.

— На кого же, милорд?

— На моего властелина, короля Нарнии.

И тогда Каспиан решил рискнуть.

— Милорд, — сказал он, — я ваш властелин, Каспиан, король Нарнии.

— Однако, ты смел! — сказал мужчина. — Чем ты это докажешь?

— Во-первых, вы сами меня узнали, — ответил Каспиан. — Во-вторых, я скажу вам, кто вы. Вы — один из семи лордов, которых мой дядя Мираз сослал за море и которых я ищу. Их звали Аргоз, Берн, Октезиан, Рестимар, Мавроморн… и… нет, не помню. А в-третьих, если вы дадите мне шпагу, я докажу на деле, что я Каспиан, король Нарнии, правитель Кэр-Параваля, властелин Одиноких Островов.

— О, боже! — воскликнул вельможа. — Это голос его отца! Мой повелитель! Ваше величество! — И он опустился(!) на одно колено, чтобы поцеловать руку своему королю.

— Деньги, которые вы потратили, милорд, — сказал Каспиан, — вернут вам из моей казны.

— Я их ещё не отдал, — сказал лорд Берн, ибо

это был именно он. — И не отдам, смею надеяться. Сколько раз я уговаривал губернатора покончить с отвратительной торговлей людьми!

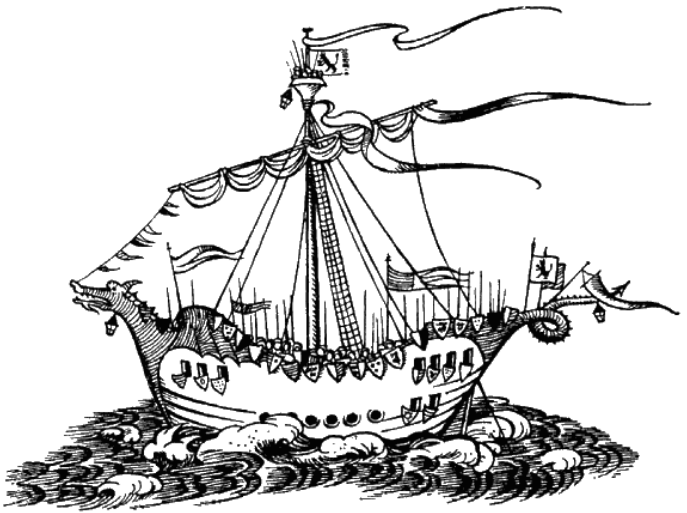
— Милорд, — сказал Каспиан, — нам надо потолковать о том, что творится здесь, на Островах. Но не расскажете ли вы для начала свою собственную историю?

— Она проста, ваше величество, — сказал Берн. — Доплыв досюда с другими вельможами, я полюбил здешнюю девушку и понял, что дальше мне плыть не надо. Вернуться в Нарнию, где правил ваш дядя, я не мог. Я женился и с тех пор живу здесь.

— А что за человек этот губернатор? Считает ли он себя нашим подданным?

— На словах считает. Он вечно поминает короля и к месту и не к месту. Но вряд ли обрадуется, когда увидит вас здесь. Если вы, ваше величество, предстанете перед ним беззащитным и безоружным, он сделает вид, что не верит вам. Ваша жизнь может оказаться в опасности. Много ли с вами людей?

— Мой корабль, — сказал Каспиан, — сейчас огибает остров, и на нём тридцать вооружённых воинов. Не напасть ли нам на Мопса и не освободить ли моих друзей?

— Я бы не советовал, — ответил Берн. — Если начнётся сражение, из Узкой Гавани на помощь Мопсу придут два или три корабля. Мне кажется, ваше величество, губернатора надо припугнуть намёком на большое войско и самим именем короля. Тогда до битвы дело не дойдёт. Гумп — изрядный трус, его напугать легко.

Поговорив ещё немного, Каспиан и Берн спустились к берегу чуть западнее деревушки. Там Каспиан достал свой рог и затрубил. (Это не был большой волшебный Рог королевы Сьюзен — его Каспиан оставил лорду-регенту Траму.) Дриниан,

стоявший на вахте, ждал сигнала, тотчас узнал звук, и корабль подошёл к берегу. От него отчалила шлюпка. Через несколько минут Каспиан и лорд Берн были на борту и объяснили Дриниану положение дел. Дриниан тоже предложил напасть на корабль с невольниками, но лорд Берн, как и прежде, ему возразил.

— Плывите прямо, капитан, — сказал он. — На Авре мои владения. Только поднимите королевский флаг, подвесьте к бортам все щиты и велите, кому только можно, выйти на палубу. И вот ещё что: подайте с левого борта несколько сигналов.

— Кому? — удивлённо спросил Дриниан.

— Как кому? Остальным кораблям, конечно! Их нет, но Гумп должен подумать, что они есть.

— Понятно, — сказал Дриниан, потирая руки. — Что же нам передать? «Приказываю обогнуть южную оконечность Авры и бросить якорь у…

— …земель Берна», — закончил вельможа. — Превосходно! Будь у вас настоящий флот, его бы всё равно не увидели из Узкой Гавани.

Хотя Каспиан то и дело с грустью вспоминал о своих друзьях, томящихся в трюме, остаток дня прошёл для него приятно. Вечером (они всё время шли на веслах) корабль обогнул с северо-востока

остров Дорн, прошёл вдоль восточного берега Авры и вошёл в красивый залив у южного берега, где к самой воде спускались плодородные земли лорда Берна. На них трудились крестьяне, все — свободные; в поместье царили веселье и мир. Корабль бросил якорь, и наших героев с превеликими почестями приняли в невысоком доме с колоннами, выходящем окнами на залив. Хозяин, его величавая жена и весёлые дочери развлекали гостей, а с наступлением темноты лорд Берн послал на соседний остров своего человека и дал ему поручение, но никому об этом не сказал.

Глава четвёртая
Что делал на острове Каспиан

На следующее утро лорд Берн разбудил гостей пораньше и после завтрака попросил Каспиана, чтобы тот приказал своим людям вооружиться. «А главное, — добавил он, — пусть всё блестит и сверкает так, словно нам предстоит сражение в великой битве великих королей и весь мир

глядит на нас». Так и сделали; и вскоре Каспиан со своими людьми отправился на трёх больших лодках к Узкой Гавани. На корме, где сидел сам король, развевалось знамя, и трубач его был с ним рядом.

Когда они подошли к гавани, Каспиан увидел на пристани толпу народа, встречавшую их. «Вот зачем я посылал ночью гонца, — сказал Берн. — Все, кто собрался здесь, — честные люди и друзья мне». И едва Каспиан сошёл на берег, как раздалось многоголосое «ура!» и крики «Нарния! Нарния!», «Да здравствует король!» В ту же минуту (и об этом позаботился гонец) по всему городу зазвонили колокола. Каспиан приказал вынести вперёд королевское знамя и трубить в горн. Все мужчины обнажили мечи и торжественно двинулись по улицам, да так, что стёкла задрожали, а доспехи (утро было солнечное) сверкали так, что на них трудно было глядеть.

Сначала отряд приветствовали только те, кого предупредил посланец Берна, — другие просто не знали, что происходит. Но вскоре к ним присоединились городские мальчишки, которые очень любят шествия и очень редко их видят. Потом на улицы высыпали мальчишки постарше, которые тоже любят шествия и прекрасно понимают, что

шум и беспорядок — прекрасный повод не идти в школу. Старушки тоже повысовывали носы из дверей и окон — шутка ли, сам король, это тебе не губернатор! И молодые женщины не отстали, ибо Каспиан, Дриниан, да и все остальные были хороши собой. А потом подошли мужчины, чтобы взглянуть, на кого же смотрят женщины. Словом, когда Каспиан с отрядом подходил к воротам замка, почти весь город, громко крича, шёл за ними — и губернатор, сидевший над грудой отчётов, циркуляров и указов, услышал эти крики.

Трубач Каспиана протрубил в рог и крикнул: «Отворите ворота королю Нарнии, который прибыл с визитом к своему любимому и верному слуге!» В те времена на островах всё делали неторопливо. В воротах отворилась небольшая дверца, из неё вышел взъерошенный и заспанный стражник в грязной старой шляпе вместо шлема и с заржавленной пикой в руке. Он заморгал, глядя на сверкающие мечи, и прошамкал:

— Жакрыто, жакрыто! Приём ш девяти до дешати каждую вторую шуботу!

— Шляпу долой перед королём! — прогремел лорд Берн и хлопнул стражника по плечу рукой в боевой рукавице так, что шляпа слетела сама.

— А? Што шлучилось? — начал было стражник,

но никто не обратил на него внимания. Двое солдат Каспиана вбежали в дверцу и, повозившись с засовами и задвижками, которые очень заржавели, настежь распахнули ворота. Войдя в них с отрядом, Каспиан оказался во внутреннем дворике. Несколько стражников слонялись тут без дела, а другие, дожёвывая что-то на бегу, выскакивали в беспорядке кто откуда. Оружие их и доспехи тоже заржавели, однако сами они всё же могли бы сражаться, если бы кто-нибудь приказал или они бы знали, в чём дело. Но Каспиан не дал им опомниться.

— Кто ваш начальник? — громко и строго спросил он.

— Вроде бы я, — ответил томный, щеголеватый, довольно молодой человек без доспехов.

— Мы, король Нарнии, — сказал король, — хотим, чтобы наше посещение вселяло не страх, а радость. Лишь потому мы ничего не говорим тебе об оружии и доспехах твоих солдат. Мы прощаем тебя. Вели своим солдатам открыть бочонок вина и выпить за наше здоровье, но помни, что поутру мы увидим здесь, в замке, настоящих воинов, а не оборванных бродяг. Позаботься об этом, иначе мы разгневаемся.

Начальник разинул рот от удивления, но Берн

тут же крикнул:

— Да здравствует король! — И солдаты, сообразившие только, что им дадут вина, громко подхватили этот клич. Потом Каспиан приказал своим людям оставаться во дворе, а сам с Берном, Дринианом и четырьмя солдатами вошёл в зал.

За столом, в дальнем конце зала, окружённый секретарями, сидел губернатор Гумп. Вид у него был сердитый, волосы — некогда рыжие — почти совсем поседели. Он поглядел на вошедших и тут же снова уткнулся в бумаги, машинально проговорив:

— С девяти до десяти каждую вторую субботу.

Каспиан кивнул Берну и отошёл в сторону. Берн и Дриниан подошли к столу, подхватили его с двух сторон, подняли и отшвырнули в угол. Стол опрокинулся, и настоящий водопад бумаг, писем, папок, чернильниц, ручек и печатей обрушился с него на пол. Потом — не грубо, но крепко, словно железными клещами, — они схватили самого Гумпа и поставили его футах в четырёх от кресла, а в кресло тут же сел Каспиан, положив себе на колени обнажённую шпагу.

— Милорд, — сказал он, пристально глядя на Гумпа. — Вы встретили нас не совсем так, как мы ожидали. Мы — король Нарнии.

— Мне об этом не писали, — сказал губернатор. — В протоколах тоже ничего нет. Никто ничего не говорил. Что ж это такое? Готов рассмотреть любые…

— Мы решили проверить, как вы, милорд, справляетесь со своими обязанностями, — продолжал Каспиан. — Особенно нас беспокоят две вещи. Во-первых, сто пятьдесят лет мы не получаем от вас дани…

— Этот вопрос мы поставим в Совете в следующем месяце, — сказал Гумп. — Если предложение будет принято, мы создадим специальную комиссию, которая подготовит доклад о финансовом положении к первому заседанию будущего года…

— В нашем законе, — перебил Каспиан, — написано ясно: если дани не платят, весь накопившийся долг обязан выплатить сам губернатор.

Гумп явно оживился.

— Об этом не может быть и речи! — воскликнул он. — Это экономически невозможно… э-э-э… Ваше величество, по-видимому, изволит шутить.

Говоря так, он думал и гадал, как бы избавиться от непрошеных гостей. Знай он, что у Каспиана всего-навсего одна корабельная команда, он бы, конечно, наобещал чего-нибудь, надеясь ночью окружить гостей и расправиться с ними. Но он своими глазами видел, как корабль, идущий по проливу, подавал сигналы кому-то ещё. Он не знал, что корабль этот — королевский: был штиль, и королевский флаг с золотым львом не развевался по ветру. Словом, он вообразил, что Каспиан привел целый флот. Ему и в голову не приходило, что можно войти в Узкую Гавань с тремя десятками солдат — сам бы он в жизни такого не сделал.

— И второе, — продолжал Каспиан. — Я хочу знать, почему, вопреки древним обычаям и законам наших владений, вы допускаете позорную торговлю рабами.

— Как же иначе?! — сказал губернатор. — Это

важнейшая отрасль экономики! Наше нынешнее процветание целиком зависит от неё.

— Зачем вам рабы?

— Для экспорта, ваше величество. Мы продаём их главным образом в Тархистан, но есть и другие рынки сбыта. Одинокие Острова — крупнейший центр этого промысла.

— Другими словами, — сказал Каспиан, — вам самим она не нужна. Тогда объясните мне, какую выгоду получаете вы от этой торговли, если все деньги загребают такие, как Мопс?

— Вы молоды, ваше величество, — сказал Гумп, пытаясь изобразить нежную отеческую улыбку, — и вам ещё не понять всей сложности наших экономических проблем. Но у меня есть статистика, графики…

— Молод я или не молод, — сказал Каспиан, — я, в отличие от вас, знаю работорговлю изнутри. Я не вижу, чтобы она давала Островам мясо или хлеб, пиво или вино, лес или бумагу, книги или коней, лютни или мечи, вообще что-нибудь ценное. Но если бы и давала, её необходимо запретить.

— Нельзя повернуть историю вспять, — сказал губернатор. — Вы понимаете, что такое прогресс?

— Мы в Нарнии называем это иначе — подлостью, — сказал Каспиан. — Словом, работорговлю я приказываю запретить.

— Я не могу взять на себя такую ответственность, — сказал Гумп.

— Ну, что же, — сказал Каспиан, — другой возьмёт. Лорд Берн, подойдите сюда. — И не успел губернатор понять, что происходит, как Берн опустился на одно колено и, вложив свои руки в руки короля, поклялся править Одинокими Островами в согласии с древним законом, обычаем и правом Нарнии. «Хватит с нас губернаторов», — сказал король, и Берн, правитель Островов, стал герцогом.

— Что же до вас, — обратился король к Гумпу, — я прощаю вам долг, если вы и ваши люди сегодня же покинете замок, в котором отныне поселится герцог.

— Нет, вы посудите сами, — вмешался один из секретарей, — чем разыгрывать тут красивые сцены, не поговорить ли по-деловому? Вопрос в том…

— Вопрос в том, — перебил его герцог, — что вы предпочитаете: убраться из замка со всем своим сбродом или ждать, пока мы вас прогоним?

Когда, наконец, всё было улажено, Каспиан

приказал подать коней и вместе с Берном, Дрианом и несколькими солдатами поехал в город на невольничий рынок. Это был длинный приземистый сарай возле самой пристани, и происходило там то же самое, что на аукционе, — на помосте стоял Мопс и хрипло кричал:

— Господа! Следующий номер — двадцать три! Крестьянин из Теревинфии. Может работать в поле, а также на рудниках и на галерах. Всего двадцать пять лет! Ни одного больного зуба! Силён, как лошадь! Блямц, сними с него рубашку, пусть сами посмотрят. Какие мускулы, а? Железо! А грудь-то, грудь! Начинаем торг. Десять полумесяцев от покупателя в левом углу. Вы, наверное, шутите! Пятнадцать? Восемнадцать полумесяцев за двадцать третий номер. Кто больше? Двадцать! Благодарю вас. Двадцать полумесяцев…

Тут Мопс замолчал и широко раскрыл рот, увидев, что на помост поднимаются солдаты в кольчугах.

— На колени перед королём! — воскликнул герцог.

За стеной, звеня подковами, ржали кони. Многие уже слышали о событиях в замке, и почти все повиновались приказу, а тех, кто не послушался, подтолкнули соседи. Кто-то даже крикнул: «Да

здравствует король!»

— Мопс, — сказал Каспиан, — вчера ты оскорбил короля, и по закону ты обречён, но я прощаю тебя, ибо ты не ведал, что творишь. Четверть часа тому назад торговля рабами запрещена во всех владениях Нарнии. Все рабы на этом рынке свободны.

Он поднял руку, сдерживая радостные крики, и спросил:

— Где мои друзья?

— Эта красоточка и молодой человек приятной наружности? — с заискивающей улыбкой спросил Мопс. — Их сразу продали…

— Мы здесь, Каспиан, мы здесь! — закричали Люси и Эдмунд, а Рипичип пропищал из другого угла: «И я тут, ваше величество!» Оказывается, их хозяева остались на аукционе, чтобы ещё поторговаться. Толпа расступилась, давая им дорогу, и они радостно встретились с молодым королём. Тут же подошли два южных купца. К югу от Нарнии и Орландии живёт умный, богатый, обходительный, жестокий и древний народ. У них тёмные лица и длинные бороды, а носят они шёлковые одежды и яркие оранжевые тюрбаны. Купцы учтиво поклонились королю, осыпая его цветистыми фразами — о родниках благоден-

ствия, например, которым надлежит оросить сады добродетели и мудрости, — но хотели они, конечно, получить назад деньги.

— Вы совершенно правы, господа, — согласился Каспиан. — Всякий, кто приобрёл сегодня раба, получит деньги обратно. Мопс, отдай всё до последнего гроша.

— Ваше величество, — заскулил Мопс, — вы хотите меня разорить!

— Всю жизнь ты наживался на чужих слезах, — сказал Каспиан. — А что до разорения, лучше быть нищим, чем рабом. Но где же ещё один из моих друзей?

— Ой! — вскричал Мопс. — Заберите его поскорее! Я сбавил цену до пяти полумесяцев, и всё равно его никто не купил. На него даже смотреть не хотят. Блямц, приведи сюда Зануду.

Когда Юстэса привели, он действительно выглядел невесело. Неприятно, когда тебя продают, но еще неприятней, когда тебя никто не покупает. Юстэс подошел к Каспиану и сказал:

— Та-ак… Развлекаешься, конечно, когда другие томятся в неволе. А про консула ничего не разузнал. Да чего от тебя ждать!..

Вечером в замке был большой пир, после которого, раскланявшись со всеми и отправляясь

спать, Рипичип сказал:

— Завтра начнутся, наконец, настоящие приключения!

Однако ни завтра, ни в ближайшие дни приключения не начались, ибо наши герои собирались покинуть все известные земли и моря, а значит — должны были тщательно подготовиться. Корабль разгрузили, вытащили на берег (для этого понадобились катки и восьмёрка лошадей), и искуснейшие корабельщики принялись его чинить. Потом его снова спустили на воду и загрузили провизией и водой, запасами на двадцать восемь дней, больше не вошло. Как с огорчением заметил Эдмунд, это давало возможность всего-навсего две недели безостановочно плыть на восток.

Тем временем Каспиан расспрашивал старых морских волков, которых ему удалось разыскать, не знают ли они чего о землях на востоке. Он выпил не одну кружку пива с прошедшими сквозь бури и грозы голубоглазыми, седобородыми моряками и наслушался невероятных историй. Но никто ничего не знал о землях к востоку от Островов, а многие считали, что если всё время плыть на восток, то окажешься в море, огибающем край света. «Здесь и пошли ко дну друзья

вашего величества!» — говорили одни, а остальные рассказывали басни о землях, населённых безголовыми людьми, о плавающих островах, о страшных морских смерчах и об огне, который горит прямо в море. Лишь один из них обрадовал Рипичипа. «А за всем этим, — сказал он, — лежит страна Аслана. Но она дальше, чем край света, и вам туда не добраться». Его попытались расспросить поподробнее, но он сказал только, что слышал об этом от своего отца.

Берн сообщил им, что шесть его спутников отплыли на восток, но с тех пор о них больше никто не слыхал. Герои наши стояли в это время вместе с королём на самом высоком мысу Авры и любовались восточным океаном.

— Я часто прихожу сюда по утрам, — говорил герцог, — смотрю на восход солнца, и порою мне кажется, что оно восходит в двух-трёх милях отсюда. Тогда я вспоминаю о своих друзьях и думаю о том, что же там, за горизонтом. Наверное, ничего; и всё же мне порою становится стыдно, что я остался здесь. Но я бы не хотел, чтобы вы покидали нас, ваше величество. Нам может понадобиться ваша помощь — люди с юга навряд ли простят нам, что мы не торгуем рабами. Король мой и повелитель, подумайте!

— Герцог, я дал клятву! — отвечал Каспиан. — И кроме того, что я скажу Рипичипу?

Глава пятая
Буря и её последствия

Почти через три недели корабль отплыл из Узкой Гавани. Всё было очень торжественно, на пристани собралось много народу, а когда Каспиан обратился к жителям Одиноких Островов и прощался с герцогом и его семьёй, одни кричали: «Да здравствует король!», другие плакали. Когда

же корабль отошёл от берега, а звуки Каспианова рога стали тише, наступило молчание. Корабль вошёл в струю свежего ветра, алый парус вздулся, буксир отчалил и повернул к суше, а «Покоритель зари» снова ожил. Матросы спустились вниз, Дриниан первым встал на вахту, и корабль, описав плавную дугу вокруг южной оконечности острова, взял курс на восток.

Несколько дней прошло превосходно. Люси думала о том, что ни одной девочке в мире ещё не везло так, как ей, когда, просыпаясь по утрам, она видела на потолке солнечные зайчики, отражённые морем, и, оглядывая каюту, замечала чудесные вещи, которые ей подарили на Одиноких Островах: тельняшку, морские сапоги, хронометр, зюйдвестку и вязаный шарф. Потом она выходила на полубак и любовалась морем, которое синело с каждым днём всё больше, а воздух становился теплее. За завтраком она ела с таким аппетитом, какой бывает только на море.

Немало времени она проводила на корме, где, сидя на скамеечке, играла с Рипичипом в шахматы. Занятно было смотреть, как Рипичип обеими лапками переставляет шахматные фигуры, слишком тяжёлые для него, и становится на цыпочки, делая ход в центре доски. Он был отличный игрок

и, если не забывал, во что играет, обычно выигрывал. Но иногда он забывал и делал какой-нибудь невероятный ход — например, безбоязненно подставлял своего коня под удар неприятельского ферзя или ладьи. В такие минуты, увлечённый игрой, он думал о настоящих сражениях, армиях и конях. Он бредил подвигами, поединками не на жизнь, а на смерть, славными победами.

Но это прекрасное время длилось недолго. Однажды вечером, когда Люси беззаботно наблюдала с кормы за длинным пенистым следом позади корабля, она заметила на западе тяжёлые тучи. Двигались они очень быстро и вскоре заполонили полнеба. На минуту в них образовался разрыв, сквозь который просочился жёлтый свет заката, в воздухе тут же похолодало, волны позади корабля заострились, море пожелтело, словно старая парусина. Казалось, и сам корабль почуял опасность и забеспокоился. Парус то сильно надувался на ветру, то опадал. Пока Люси наблюдала за всем этим, удивляясь, каким зловещим стал даже свист ветра, раздался голос Дриниана: «Все на палубу!» Матросы тут же принялись за работу. Крышки люков задраили, огонь на камбузе потушили и уже спускали парус, когда грянул шквал. Люси показалось, что впереди разверз-

лась глубочайшая яма, корабль полетел в неё, и тут же водяная гора высотой с корабельную мачту обрушилась на них. Это уж была верная гибель, но корабль взлетел на вершину горы и закрутился волчком. Целый водопад обрушился на палубу; ют и полубак напоминали два острова, между которыми бушевал бурный поток. Высоко вверху матросы цеплялись за рею, из последних сил пытаясь совладать с парусом. Оборванный конец каната тянулся рядом с ними по ветру, словно палка.

— Спускайтесь вниз, ваше величество! — крикнул Дриниан. Зная, что здесь она только мешает, Люси послушалась; но это оказалось не так легко. Корабль накренился на левый борт, и палуба стала покатой, словно крыша. Люси пришлось карабкаться до верха лестницы, прикреплённой к лееру, и пропустить двух матросов, а потом снова спуститься вниз. Хорошо ещё, что она крепко держалась, потому что совсем внизу её по самые плечи окатила новая волна. И так уже мокрая от брызг и дождя, Люси промокла теперь насквозь. Она бросилась в каюту, закрыла дверь и хоть на минуту избавилась от страшного зрелища, но всё ещё слышала ужасную мешанину звуков — скрипы, стоны, треск, крики, рёв и вой, которые здесь,

внизу, звучали ещё тревожнее, чем на юте.

Буря бушевала весь следующий день, а потом ещё день, и ещё, и ещё. Она бушевала так долго, что никто уже не мог вспомнить, что когда-то её не было. И всё это время три человека стояли у румпеля — только втроём могли они хоть как-то держать курс, а ещё несколько человек откачивали воду помпой. Никому не удавалось ни отдохнуть, ни поесть, ни обсушиться.

Когда наконец буря кончилась, Юстэс сделал в своём дневнике следующие записи:

> «*3 сентября.* Наконец-то шторм кончился, и я могу писать. Он продолжался целых тринадцать дней, и, хотя остальные говорят, что только двенадцать, я знаю лучше, потому что вёл точный счёт. Очень *приятно* плыть с людьми, которые даже считать не умеют! Шторм был ужасный, волны взлетали вверх и вниз, я вечно ходил мокрый и почти ничего не ел, потому что никто не заботился о приличной еде. Нечего и говорить, что здесь нет ни радиопередатчика, ни сигнальных ракет, чтобы подать сигнал бедствия. Это лишний раз доказывает то, что я им всё

время толкую: более чем глупо плыть в этой гнилой лохани. Если бы ещё люди были как люди, а то ведь звери в человеческом облике. Каспиан и Эдмунд просто грубы со мной. В ночь, когда рухнула мачта (от неё остался только обломок), мне было *очень плохо,* но они выгнали меня на палубу и заставили работать. Люси гребла и ещё говорила, что их знаменитая мышь тоже хочет грести, но не может, видите ли, слишком мала. Не понимаю, как они не замечают, что эта мелкая тварь вечно старается себя показать! Даже такая девчонка, как Люси, могла бы стать поумней. Сегодня, когда шторм кончился и наконец выглянуло солнце, на палубе завели разговор о том, что делать дальше. Еды (очень мерзкой) хватит ещё недели на три (всех кур смыло волнами за борт, а если б не смыло, они бы всё равно перестали нестись). Главная проблема – вода. Две бочки треснули во время шторма и вытекли (вот вам Нарния как живая!). Даже если пить мало, по кружке в день, воды хватит самое большее на две недели. (Правда, здесь много рома и вина, но

даже эти олухи понимают, что от таких напитков жажда усиливается.)

Разумней всего, конечно, вернуться назад, к Одиноким Островам. Но на дорогу сюда ушло восемнадцать дней, так что времени на возвращение, даже при попутном ветре, потребуется гораздо больше. Собственно говоря, восточного ветра пока нет, да и вообще нет никакого. Если же идти на вёслах, то времени уйдёт ещё больше. Каспиан говорит, на таком рационе много не прогребёшь. Я стал объяснять ему, что пот охлаждает тело, и потому, когда человек работает, ему меньше хочется пить, но он не обратил на мои слова никакого внимания, как всегда, когда ответить нечего. Все согласились плыть дальше, надеясь, что скоро на востоке появится земля. Я счёл своим долгом напомнить, что нам неизвестно, *есть ли вообще* земли на востоке, и попытался объяснить, как опасны ложные надежды. Они нагло спросили, что я могу предложить взамен. Я холодно и спокойно сказал, что меня похитили и вовлекли в это идиотское плавание без моего со-

гласия и не моё дело вызволять их из бед, которые они сами на себя навлекли.

4 сентября. Море по-прежнему спокойно. На обед дали очень мало еды, и мне, конечно, меньше всего. Каспиан, наверное, думает, что я ничего не замечаю. Люси решила почему-то подлизаться ко мне и предложила часть своей порции, но этот зануда Эдмунд сказал: «Не смей!» Очень жарко. Весь вечер хотелось пить.

5 сентября. Ни малейшего ветра. Жарко. Весь день чувствую слабость – наверное, у меня температура. Как и следовало ожидать, на корабле ни одного градусника.

6 сентября. Ужасный день. Проснулся ночью и понял, что у меня жар, мне *необходимо* выпить воды. Любой доктор сказал бы то же самое. Нечего и говорить, что я человек честный, но ведь и дураку ясно, что эти ограничения не касаются *больных.* Я мог бы, конечно, кого-нибудь разбудить и попросить воды, но мне не хотелось никого беспокоить. Итак, я тихо встал с койки, взял чашку и на цыпочках выбрался из мерзкой ямы, где мы спим,

стараясь не разбудить Каспиана и Эдмунда, которые и так недосыпают. Я всегда считаюсь с другими, как бы они ко мне ни относились. Благополучно добрался до помещения, где стоят скамейки для гребцов и хранится багаж. Бочки с водой – в самом конце. Всё шло прекрасно, но не успел я зачерпнуть воду, как вдруг кто-то схватил меня за руку. Передо мной стояла эта *гнусная* мышь. Я сказал, что иду на палубу подышать (какое им дело, хочу я пить или не хочу!). Но этот шпик спросил, почему у меня с собой кружка, и вообще наделал столько шума, что разбудил весь корабль. Тогда я спросил, естественно, что он делает посреди ночи у бочки с водой. Он ответил, что из-за малого роста не может работать днём на палубе, и поэтому каждую ночь стоит на посту, давая одному матросу возможность выспаться. Вот их хвалёная справедливость: доверяют какой-то *мыши*! Ну, что тут скажешь?

Мне пришлось оправдываться – эта тварь так и наступала на меня, и притом со шпагой. Тут Каспиан показал своё истинное лицо. Он во всеуслышание за-

явил, что всякому, кого поймают у бочки с водой, «всыпят двадцать горячих». Я не знал, что это значит, пока Эдмунд не объяснил. Такие обороты встречаются в книжках, которые они читают.

После этой мерзкой угрозы Каспиан сменил гнев на милость и стал меня, видите ли, жалеть! Сказал, что всем тяжело, что надо терпеть, и так далее, и тому подобное. Вот ханжа, честное слово! Весь день я пролежал в постели.

7 сентября. Сегодня подул слабый западный ветер. Мы проплыли несколько миль на восток, используя обрывок паруса, укреплённого на временной мачте, то есть на поднятом вверх бушприте, который привязали, или, как они говорят, принайтовали к тому обломку. Ужасно хочется пить.

8 сентября. Плывем на восток под парусом. Я лежал весь день и никого, кроме Люси, не видел, пока оба изверга не вернулись спать. Люси отдала мне часть своей воды. Она сказала, что девочки пьют меньше, чем мальчики. Мне это и раньше приходило в голову.

9 сентября. Земля! Далеко на юго-востоке появилась очень высокая гора.

10 сентября. Гора увеличилась в размерах и стала отчётливо видна, но она всё ещё далеко. Впервые за долгое время появились чайки.

11 сентября. Поймали немного рыбы и пожарили на обед. Около семи часов вечера бросили якорь в заливе гористого острова. Псих Каспиан не позволил высаживаться на берег, потому что уже темнело, а он боится туземцев и диких зверей. Воды дали больше».

То, что ждало их на острове, касалось прежде всего Юстэса, но рассказать об этом его словами невозможно, ибо с одиннадцатого сентября он на долгое время забросил свой дневник.

Наступило утро. Небо было серое и низкое, но воздух прогрелся, и наши мореплаватели обнаружили, что находятся в заливе, похожем на норвежский фьорд, среди скал и утёсов. В залив впадала река, а текла она по долине, где росли деревья, похожие на кедры. За ней начинался крутой склон, над которым виднелся зубчатый хребет, а вдали маячила туманная гряда гор, вер-

шины которых терялись в тусклых серых тучах. Со скал по обеим сторонам залива спускались белые полосы — наверное, водопады, хотя с такого расстояния нельзя было разглядеть, как падает вода, и расслышать грохот. Всё дышало тишиной и покоем, а в воде залива, гладкой, как стекло, отражались прибрежные скалы. На картине это было бы красиво, в жизни — не слишком: что-то тут чудилось чужое, негостеприимное.

Все высадились на берег в двух лодках, умылись, вдоволь напились из реки, поели и отдохнули. Потом Каспиан отослал четырёх человек для охраны корабля, и начался рабочий день. Сделать предстояло много: доставить на берег бочки, починить разбитые (если можно), наполнить их свежей водой; срубить дерево — лучше всего сосну — и сделать новую мачту; залатать паруса; настрелять дичи, если она здесь водится; постирать и починить одежду; исправить многочисленные поломки на борту. Отсюда, с большого расстояния, они с трудом узнавали свой корабль — вместо величественного красавца, покинувшего Узкую Гавань, перед ними маячила какая-то потрёпанная посудина. Команда была не лучше — все худые, бледные, оборванные и красноглазые от недосыпания.

Юстэс лежал под деревом, когда услышал толки о том, что надо делать, и сердце у него упало. Неужели и сейчас не удастся отдохнуть? Вполне возможно, что первый день на суше они проведут

за такой же тяжёлой работой, как на море. И тут ему в голову пришла прекрасная мысль. Никто не смотрел в его сторону, все говорили о корабле, будто и впрямь любили эту грязную лохань. Почему бы просто не улизнуть от них подальше? Он пойдёт в глубь острова, отыщет где-нибудь в горах прохладное местечко, выспится как следует, а вечером, когда они своё отработают, вернётся к ним. Что-что, а отдых ему необходим. Надо только соблюдать осторожность и не упускать из виду корабль, чтобы в любой момент вернуться. А то ещё забудут на этом острове!..

Юстэс принялся за дело. Он тихонько встал и неторопливо побрёл среди деревьев так, чтобы, заметив его, всякий подумал, что он гуляет. Очень скоро голоса позади него затихли, и его окружил тихий, тёплый тёмно-зёленый лес. Вскоре он понял, что можно без опаски идти быстрее.

Через несколько минут Юстэс вышел из леса к крутому откосу. Трава тут была сухая и жёсткая, но он цеплялся за неё, карабкаясь вверх, и, хотя быстро вспотел и запыхался, лез, не останавливаясь. Это, кстати сказать, доказывало, что он изменился: прежний Юстэс, воспитанный Гарольдом и Альбертой, уже через десять минут пополз бы вниз.

Медленно добрался он до хребта и хотел было осмотреть остров, но тучи спустились ниже, и море тумана катилось ему навстречу. Он сел и оглянулся назад. Теперь он был высоко, залив казался крошечным, а море расстилалось на много миль. Затем туман — густой, но не холодный

— подступил к нему со всех сторон, и, найдя хорошее место, Юстэс растянулся на траве поудобней, чтобы отдохнуть всласть.

Но он не отдохнул, ему вообще не стало лучше. Внезапно, пожалуй — впервые в жизни, он почувствовал себя одиноким. Потом его стало беспокоить, не опоздает ли он. Кругом стояла полная тишина. Ему пришло в голову, что он лежит здесь много часов, а на корабле готовятся к отплытию. Может быть, они нарочно позволили ему уйти в горы, чтобы бросить одного? Юстэс в панике вскочил и бросился вниз.

Слишком торопясь, он поскользнулся на жёсткой траве, потерял равновесие и проехал несколько футов по склону, не разбирая дороги. Испугавшись, как бы его не занесло влево (он видел, когда лез наверх, что там пропасть), он вернулся на вершину, туда, где он только что лежал, и начал спуск снова, взяв на этот раз правее. Дела пошли несколько лучше, хотя спускался он очень медленно и осторожно, так как видел не дальше чем на ярд. Вокруг по-прежнему клубился туман, царила полнейшая тишина. Ему стало не по себе, а какой-то голос непрестанно подгонял: «Быстрей! Быстрей! Быстрей!» Мысль, что его нарочно оставили на острове, никак не уходила.

Знай он получше Каспиана, Эдмунда и Люси, ему бы и в голову это не пришло. Но ведь он убедил себя в том, что они — просто звери в человеческом облике, хамы и дураки.

— Наконец-то! — воскликнул Юстэс, когда, соскользнув по каменной осыпи, оказался на ровном месте. — Где же эти деревья? Вон там что-то тёмное. Тумана вроде бы нет…

Действительно, с каждой минутой становилось светлее. Туман поднялся вверх. Юстэс стоял в совершенно незнакомом месте. Моря отсюда видно не было.

Глава шестая
Приключения Юстэса

В это самое время оставшиеся на берегу умывались в реке после работы, собираясь поесть и отдохнуть. Три самых метких стрелка успели подняться на гору и вернулись с добычей — двумя дикими козами, которые жарились теперь на костре. Каспиан велел доставить на берег бочонок доброго вина и разбавить его водой, чтобы хватило на всех. Работа была тяжёлой, обед — весёлым,

и только после второй порции Эдмунд спросил:

— А где этот собачий Юстэс?

Юстэс тем временем оглядывал незнакомую долину. Она была узкой и глубокой, словно большой овраг или огромный ров. На дне, усыпанном камнями и скудно поросшем травой, Юстэс заметил чёрные пятна гари, какие бывают в сухое лето вдоль железнодорожной насыпи. Ярдах в пятнадцати от него виднелось озерцо с прозрачной водой. Больше здесь не было ничего — ни зверя, ни птицы, ни жучка. Солнце уже садилось, и вершины гор зловеще глядели в долину.

Юстэс, конечно, сразу сообразил, что спустился в тумане не по той стороне хребта, но, когда он повернулся, чтобы снова забраться наверх, его охватил ужас. Только по счастливой случайности нашел он единственный путь сюда — крутую тропу, окаймлённую острыми камнями. Другого пути не было. Представив себе, что надо лезть наверх, Юстэс просто сомлел от страха.

Он повернул назад, решив, по крайней мере, утолить жажду, но не успел он сделать и шага к прозрачному озерцу, как услышал какой-то шум. Шум был не громким, но в мертвенной тишине долины прозвучал оглушительно. Юстэс застыл на месте и медленно повернул голову.

Слева, у основания скалы, виднелась тёмная нора — должно быть, вход в пещеру, а над ней поднимались вверх две тонкие струйки дыма. Юстэс услышал, как в глубине норы посыпались мелкие камешки, словно кто-то из пещеры выползал.

К несчастью, так оно и было. Огромное и страшное существо выбиралось наружу. Окажись на месте Юстэса Эдмунд, Люси или ты, мой читатель, вы сразу бы поняли, кто это, но Юстэс не читал хороших книг и потому не знал, что на свете водятся такие твари. У существа была длинная свинцово-серая морда, тусклые красноватые глазки, длинное гибкое тело, голая кожа — ни шерсти, ни перьев — и жёсткие когти. Коленные суставы его лап поднимались выше спины, как у паука, перепончатые крылья с шумом тёрлись о камень, из ноздрей струился дым. Юстэс так и не понял, что перед ним дракон, а если бы и понял, легче бы ему не стало.

Знай он кое-что о драконьих повадках, он немало бы удивился тому, что чудовище не привстало на лапах, не захлопало крыльями и не изрыгнуло огонь. Струйки, выходящие из его ноздрей, были подобны дыму от затухающего костра. Юстэса дракон не заметил. Он медленно полз к озерцу,

то и дело останавливаясь по пути. Несмотря на весь свой страх, Юстэс сообразил, что чудовище — старое и несчастное. Он даже подумал, не вскарабкаться ли ему на склон, но испугался, что оно услышит шум, оглянётся и, заметив его, приободрится. А может, оно притворяется… Да и убежишь ли в гору от того, кто умеет летать?

Дракон тем временем дополз до лужицы и

опустил в воду жуткую чешуйчатую голову, но не успел сделать и глотка, как странно квакнул, дёрнулся и упал на бок, задрав вверх одну лапу. Из его разверстой пасти вытекло немного тёмной крови. Дымок, выползавший из ноздрей, на мгновение почернел и исчез совсем.

Юстэс долго боялся шелохнуться. А что, если чудовище так приманивает и ловит добычу? Наконец он сделал шаг и снова замер. Дракон лежал неподвижно, красные глазки совсем погасли. Юстэс подошёл к нему поближе. Теперь он был уверен, что чудовище издохло. Содрогнувшись, он тронул его; ничего не случилось.

На сердце у Юстэса стало так легко, что он едва не расхохотался. Ему даже показалось, что он не просто видел смерть страшилища, а сражался с ним и сам его убил. Юстэс отошёл и наклонился к лужице попить. Жара стояла невыносимая, и он ничуть не удивился, услышав раскаты грома. Солнце исчезло, вокруг потемнело, и не успел он как следует напиться, как на землю упали крупные капли дождя.

Погода на этом острове была премерзкая. В одну минуту Юстэс промок до нитки и почти ослеп от ливня, каких в Европе не бывает. Нечего было и думать о том, чтобы выбраться из долины. Юстэс

бросился к драконьей пещере — единственному месту, где можно было переждать дождь, лёг там и с облегчением вздохнул.

Почти все мы знаем, что прячут в своем логове драконы; но, как я уже говорил, Юстэс читал совсем не те книги. Там много говорилось об экспорте, импорте, системах правления и трубопроводах, но ни слова не было о драконах. Вот почему он долго не мог понять, на чём лежит. На камни это не походило, на колючки тоже, хотя было твёрдым и кололось, да к тому же он нащупал рукой какие-то круглые плоские предметы, которые звенели и перекатывались под рукой. В пещере было полутемно, но Юстэс разглядел, наконец, то, что любой из нас угадал бы заранее, — он лежал на кладе! Здесь были короны (это они кололись), монеты, кольца, серьги, браслеты, кубки, блюда, золотые слитки и драгоценные камни.

В отличие от большинства мальчиков Юстэс никогда не мечтал о сокровищах, но сразу сообразил, какую пользу принесут они ему в этом мире, куда он так нелепо попал, споткнувшись о раму картины. «У них здесь нет налогов, — рассудил он, — и клад не надо отдавать государству. С такими штучками я неплохо проживу, хотя бы там,

на юге. Только надо взять с собой побольше. Вот недурной браслет, камешки — наверное, бриллианты, надену-ка я его на руку. Великоват немного, да ничего, можно поднять повыше. Так, а теперь наберу побольше бриллиантов в карманы, они легче золота. Скорее бы кончился этот чёртов дождь!» Юстэс перебрался в ту часть кучи, где лежало больше камней, и устроился поудобнее, но, утомлённый прогулкой по горам и недавним страхом, вскоре уснул.

Как раз в это время оставшиеся на берегу кончили обедать и забеспокоились о нём. «Юстэс! Юстэс! Ау!» — кричали они до хрипоты, а Каспиан трубил в рог.

— Он где-то далеко, иначе бы услышал, — сказала Люси и сильно побледнела.

— Вот гадюка… — проворчал Эдмунд. — И куда его понесло?..

— Надо что-то делать, — сказала Люси. — Может быть, он заблудился, или провалился в яму, или попал к дикарям.

— А может, его съели хищные звери, — добавил Дриниан.

— Это бы неплохо… — пробормотал Ринс.

— Многоуважаемый Ринс, — возразил ему Рипичип, — я еще ни разу не слышал от вас слов,

которые столь мало бы вам пристали. Этот человек не относится к числу моих друзей, но он родственник нашей королевы, да к тому же он плывёт вместе с нами, так что мы обязаны отыскать его, а если он мёртв — отомстить убийцам.

— Будем искать, если сможем, — устало сказал Каспиан. — Ах ты, не было хлопот!.. Посылать на остров людей… Вечно этот Юстэс!

А Юстэс всё спал и спал. Разбудила его сильная боль в руке. Над входом в пещеру сияла луна, постель из сокровищ уже не казалась жёсткой, он её просто не чувствовал. Боль в руке сначала удивила его, но вскоре он сообразил, что это давит браслет, который он надел перед сном. Должно быть, пока он спал, рука затекла и распухла (это была левая рука).

Юстэс двинул правой рукой, чтобы пощупать больное место, но тут же замер и в ужасе закусил губу. Справа, совсем недалеко от него, там, где лунный свет падал на дно пещеры, шевельнулась огромная когтистая лапа. Как только он замер, лапа тоже остановилась.

«Ну и дурак же я! — подумал Юстэс. — Конечно, их тут двое, и рядом со мной — его самка».

Минуту-другую он не смел пошевелиться, как вдруг прямо перед глазами заметил две струйки

дыма, чёрные на фоне лунного света. Он так перепугался, что перестал дышать. Струйки исчезли. Когда он снова выдохнул воздух, они появились. Однако он и сейчас не понял, в чём дело.

Наконец он решил осторожно выбраться из пещеры. «Может, оно спит, — подумал он, — да и вообще, что же ещё делать?» Но прежде, чем ползти, он глянул налево. О, ужас! И с той стороны он увидел когтистую лапу.

Никто, надеюсь, не осудит его за то, что он заплакал. Впрочем, увидев слезы, громко падавшие на золото, он удивился их необычайной величине. Кроме того, они были горячие, от них даже шел пар.

Однако плачь не плачь, а убегать надо. Юстэс медленно двинул правой рукой. Лапа справа пошевелилась. Он двинул левой. Пошевелилась левая лапа.

Итак, по обе стороны лежало по дракону, которые подражали всем его движениям! Этого Юстэс не выдержал. Забыв обо всем на свете, не разбирая дороги, он ринулся к выходу из пещеры.

Раздался грохот, скрежет, звон золота и стук камней. Сомнений не было: оба дракона неслись вслед за ним. Не смея оглянуться, он опрометью кинулся к озерцу. Тело мёртвого дракона, изогнувшееся в лунном свете, испугало бы всякого, но Юстэс едва его заметил. Он почему-то спешил

к воде.

Когда же он до неё добрался, произошло следующее. Во-первых, в голове у него, словно молния, мелькнул вопрос: почему он бежит на четвереньках? Во-вторых, когда он оказался над водой, ему на мгновение показалось, что ещё один дракон выглядывает из озерца. И тут он понял всё. Он увидел в озерце самого себя. Отражение двигалось, когда двигался он, и, вторя ему, открывало и закрывало мерзкую пасть.

Значит, пока он спал, он превратился в дракона. Заснул на драконовых сокровищах, с драконьими помыслами — и проснулся драконом.

Да, он всё понял… Никаких драконов в пещере не было. Лапы, которые он видел справа и слева, были его собственными. Две струйки дыма поднимались из его ноздрей. А что до боли в руке (вернее, в лапе), то, скосив глаза, он и это понял. Браслет глубоко врезался в чешуйчатое тело, и с обеих сторон лапа сильно распухла. Юстэс вцепился зубами в браслет, с силой дёрнул его, но снять не смог.

Несмотря на сильную боль, он вздохнул с облегчением. Наконец-то ему нечего бояться! Его самого будут бояться, и никто в мире, кроме рыцаря, да и то не всякого, не посмеет на него

напасть. Теперь он готов помериться силой даже с Каспианом и Эдмундом…

Но, подумав о них, он тотчас понял, что совсем не желает с ними драться. Наоборот, ему захотелось стать им другом, вернуться назад, говорить с людьми, смеяться с ними, помогать им. Всё это отныне невозможно, он — чудовище и навек отрезан от людей. Невыносимое одиночество овладело им. Он начал догадываться, что другие совсем не так плохи, а сам он не так хорош, как прежде думал. Он просто жить не мог, не слыша их голосов, и даже Рипичипу сказал бы спасибо за одно-единственное доброе слово.

Подумав обо всём этом, несчастный дракон, бывший когда-то Юстэсом, горько заплакал. Наверное, не так-то просто представить себе, как страшный дракон плачет навзрыд посреди залитой лунным светом долины.

Наконец Юстэс решил непременно найти обратный путь на берег. Теперь он понял, что Каспиан никуда не уплыл и дожидается его. И ещё он верил, что так или иначе объяснит людям, кто он такой.

Он попил воды из лужицы, а потом (я понимаю, это противно, но вы потерпите) съел почти всего дракона. Он и сам толком не понял, как это слу-

чилось: разум у него сохранился свой, вкус и тело стали драконьими. А для драконов нет лучшей пищи, чем свежее драконье мясо. Вот почему ни в одной стране не обитает больше одного дракона.

Чтобы выбраться из долины, Юстэс подпрыгнул — и обнаружил, что умеет летать. Он совсем забыл о крыльях и очень удивился; это была первая приятная неожиданность за весь день. Взлетел он высоко и увидел под собой вершины в лунном свете, залив, похожий на лист серебра, корабль на якоре и мерцающие костры. С огромной высоты он бросился вниз и медленно спланировал прямо к ним.

Люси весь вечер прождала тех, кто ушел на поиски с Каспианом, и теперь спала очень чутко. Уставшие искатели возвратились очень поздно и принесли тревожные вести. Следов Юстэса они не нашли, зато видели в одной глубокой долине мёртвого дракона. Они старались не отчаиваться и уверяли друг друга, что больше драконов поблизости нет, а этот вряд ли сумел бы убить человека за несколько часов до собственной смерти.

— Если, конечно, он не отравился этим оболтусом, — проворчал Ринс, но потише, чтобы никто не услыхал.

Люси проснулась поздно ночью и увидела, что

все собрались вместе и что-то шепотом обсуждают.

— Что случилось? — спросила она.

— Нам надо выказать терпение, — говорил Каспиан. — Ещё один дракон только что пролетел над вершинами деревьев и опустился на берегу залива. Боюсь, он как раз между нами и кораблём. Стрелы, как известно, драконов не берут, огня драконы не боятся.

— С позволения вашего величества… — начал Рипичип.

— Нет, — твердо сказал король, — я не позволяю тебе вызывать его на поединок. Если ты не смиришься, придётся тебя связать. Пока ограничимся наблюдением, а как только рассветёт, спустимся к заливу и нападём на него. Я поведу отряд, король Эдмунд будет справа от меня, лорд Дриниан — слева. Больше делать нечего. Рассветёт часа через два. Через час мы позавтракаем и допьём вино. Только без шума.

— Может быть, он улетит? — спросила Люси.

— Если улетит, это ещё хуже, — сказал Эдмунд. — Тогда мы не будем знать, где он.

Оставшийся час прошёл плохо, и завтракали они без аппетита, хотя знали, что надо подкрепиться перед боем. Казалось, прошло много часов,

прежде чем рассеялась темнота и в листве запели первые птицы. Стало еще холоднее, чем ночью. Наконец Каспиан сказал:

— Пора.

Они поднялись, обнажили шпаги и встали полукругом; в середине поставили Люси с Рипичипом на плече. Всё-таки это было лучше, чем томиться в ожидании, и каждый почувствовал, как сильно он любит остальных. Светало быстро, и, когда подошли к заливу, они увидели, что на песке, словно гигантская ящерица, или извилистый крокодил, или змея с ногами, лежит огромный страшный дракон.

Как ни странно, заметив их, дракон не взлетел в воздух и не дохнул на них огнём и дымом, а медленно отполз к воде.

— Что это он качает головой? — спросил Эдмунд.

— А теперь кивает, — сказал Каспиан.

— И глаза у него блестят, — добавил Дриниан.

— Неужели вы не видите? — воскликнула Люси. — Это же слёзы! Он плачет.

— Опасно доверять ему, ваше величество, — отозвался Дриниан. — Плачут и коварные крокодилы.

— Вот он опять качает головой, — заметил

Эдмунд. — Как будто хочет сказать «нет». Смотрите!

— Ты думаешь, он понимает нас? — спросила Люси.

Дракон быстро кивнул.

Рипичип спрыгнул с королевина плеча и шагнул вперед.

— Дракон! — пронзительно крикнул он. — Ты понимаешь меня?

Дракон кивнул.

— А сам ты умеешь говорить?

Дракон помотал головой.

— В таком случае, — сказал Рипичип, — нам трудно будет понять, чего ты хочешь. Но если

ты клянёшься не вредить нам, подними левую лапу.

Дракон поднял лапу, но с большим трудом, она распухла и воспалилась из-за браслета.

— Смотрите, — сказал Люси, — у него что-то с лапой! Бедный зверь! Наверное, потому он и плачет. Может быть, он пришёл к нам за помощью, как лев к Андроклу.

— Осторожно, Люси, — предупредил Каспиан, — это умный дракон, он может оказаться и хитрым.

Но Люси уже бежала к заливу, а следом за ней, перебирая лапками, несся Рипичип. Потом, конечно, подошли и мальчики, и Дриниан.

— Дай свою бедную лапочку!.. — говорила Люси. — Я её вылечу!

Дракон, который когда-то был Юстэсом, радостно протянул ей опухшую лапу, вспомнив при этом, как её лекарство излечило его от морской болезни, когда он ещё не был драконом. Однако, к его разочарованию, волшебная жидкость только уменьшила опухоль и ослабила боль — снять браслет она не помогла.

Все толпились вокруг, наблюдая за лечением, как вдруг Каспиан воскликнул: «Смотрите!» — и указал на браслет.

Глава седьмая
Чем закончились приключения Юстэса

— Что там такое? — спросил Эдмунд.

— Взгляни, здесь герб, — сказал Каспиан.

— Молоточек, а над ним бриллиант, как звезда, — сказал Дриниан. — Где-то я его видел.

— Видел! — воскликнул Каспиан. — Ещё бы не видеть! Это герб лорда Октезиана.

— Злодей! — закричал Рипичип дракону. —

Значит, ты сожрал нарнийского лорда?

Но дракон торопливо замотал головой.

— А вдруг, — предположила Люси, — это и есть сам лорд Октезиан… его заколдовали, понимаете…

— Скорее ни то ни другое, — сказал Эдмунд. — Все драконы любят собирать золото. Зато нам теперь ясно, что дальше этого острова Октезиан не попал.

— Вы лорд Октезиан? — спросила Люси, но дракон покачал головой, и она спросила иначе: — Ты заколдован? Ты был человеком?

Дракон тут же кивнул.

И кто-то добавил (позднее спорили, кто именно, Люси или Эдмунд):

— А ты, часом, не Юстэс?

Юстэс кивнул своей ужасной головой, стукнул хвостом по воде, и все отскочили в сторону, чтобы спастись от огромных горючих слёз, хлынувших у него из глаз.

Люси старалась успокоить его и даже, набравшись смелости, поцеловала в чешуйчатую морду, а остальные говорили: «Ну и дела!..» — и уверяли, что не бросят друга в беде. Многие считали, что им непременно удастся расколдовать его через день-другой. Конечно, всем ужасно хотелось

узнать, что с ним случилось, но, увы, говорить он не мог. Он пытался писать на песке, но ничего не вышло. Во-первых, он никогда не читал ни одной приличной книги и понятия не имел, как коротко и ясно рассказывать о таких вещах; а во-вторых, драконьей лапой много не напишешь. Не успевал он написать фразу, как волна смывала то, что он ещё не стёр хвостом. Получалось примерно следующее:

— Я П.Ш.Л В ПЕ.Е… Д..КОН. ТО ЕСТЬ ДР…НЬЮ..ЩЕРУ..ТОМУ ЧТО ОН УМЕР И ШЁЛ ДО… И Я ХО… СНЯ… Б..СЛЕТ..

Однако всем было ясно, что с тех пор, как Юстэс превратился в дракона, характер его сильно изменился. Он всё время хотел помочь другим. Он облетел весь остров, обнаружил, что тот сплошь покрыт горами, по которым бродят кабаны и дикие козы, и принёс много добычи. Зверей он убивал очень милосердно, просто ударял их хвостом, так что они даже не успевали ничего заметить. По нескольку туш в день он съедал сам, всегда в одиночестве, ибо, превратившись в дракона, ел только сырое и не хотел никого смущать своими кровавыми трапезами. Однажды, медленно и устало, он прилетел с большой сосной в когтях. Вырвал он её прямо с корнями где-то на

другом конце острова, и она вполне годилась для мачты. Вечерами, когда после сильного дождя становилось прохладно, все устраивались возле него и, прислонившись спинами к его горячим бокам, быстро согревались и обсыхали; а стоило ему дохнуть разок даже на самую мокрую кучу хвороста, как она вспыхивала ярким костром. Порой он брал кого-нибудь, и, сидя у него на спине, люди видели далеко внизу зелёные склоны холмов, крутые скалы, узкие долины, а далеко в море, на востоке — синее пятно на голубом фоне. Наверное, это была земля.

Юстэс открыл для себя новую радость: он понял, как хорошо любить и как хорошо, когда тебя любят. Это и спасало его от отчаяния. Тяжело быть драконом. Он вздрагивал всякий раз, когда пролетал над горным озером и замечал в нём свое отражение. Он ненавидел свои перепончатые крылья, пилу гребня на спине, когтистые лапы. Он просто боялся оставаться наедине с собой, а быть с другими стыдился. В тёплые сухие вечера, когда людям не нужно было греться возле него, он уползал подальше и ложился, свернувшись, между лесом и заливом. Лучше всего, как ни странно, его утешал Рипичип. Благородный Мыш покидал весёлый круг у костра, усаживался с

наветренной стороны у самой головы дракона, чтобы дым из огромных ноздрей не попадал ему в глаза, и говорил, что это — превратности судьбы и колесо Фортуны. Будь они дома, говорил Рипичип (на самом деле у него был не дом, а простая нора, в которой не поместилась бы и голова дракона), он показал бы несчастному Юстэсу книжки об императорах, королях, герцогах, рыцарях, влюблённых, поэтах, астрономах, философах и волшебниках, которым случалось попасть в самые горестные передряги, а потом — оправиться от ударов судьбы и вновь обрести счастье. Такие рассказы не слишком утешали, но Рипичип хотел ему добра, и этого Юстэс не забыл.

Конечно, над всеми, словно грозовая туча, висел вопрос: что делать с драконом, когда корабль будет готов к отплытию? Все старались говорить о чём-нибудь другом, когда Юстэс был рядом, но то и дело до него доносились обрывки фраз: «Может, уложить его вдоль одного борта, а припасы для равновесия — вдоль другого?»; или: «А может, взять его на буксир?»; или: «Интересно, сколько времени он пролетит без отдыха?»; и чаще всего: «Чем его кормить?». Несчастный всё яснее понимал, какой он был обузой с самого первого дня. Как браслет в лапу, врезалась эта мысль ему в

голову. Он знал, что плакать бесполезно, но не мог удержать крупных горячих слёз, особенно в тёплые ночи.

Как-то, примерно через неделю после высадки на Драконий остров, Эдмунд проснулся очень рано. Начало светать, но он различал лишь те деревья, которые росли между ним и заливом. Приподнявшись на локте, он огляделся — ему показалось, что кто-то ходит рядом, — и впрямь увидел у кромки леса тёмную фигуру. Сначала он решил, что это Каспиан — человек был примерно такого же роста, — но, обернувшись, обнаружил, что Каспиан спит неподалёку. Эдмунд проверил, на месте ли его шпага, и поднялся.

Неслышно ступая, он достиг опушки; тёмная фигура была по-прежнему там. Теперь он увидел, что человек этот ниже Каспиана, выше Люси. Эдмунд обнажил шпагу и бросился к незнакомцу, но тот тихо произнёс:

— Это ты, Эдмунд?

— Я, — отвечал Эдмунд. — А ты кто такой?

— Неужели не узнаёшь? — спросил незнакомец. — Это я, Юстэс.

— О, господи! — воскликнул Эдмунд. — И впрямь ты! Как же это…

— Тсс… — прошептал Юстэс и пошатнулся.

Эдмунд бросился к нему.

— Что с тобой? Тебе плохо?

Юстэс молчал так долго, что Эдмунд подумал, не потерял ли он сознание, но наконец тот прошептал:

— Какой был ужас… ты не знаешь… ничего, всё уже прошло… Я тебе расскажу… только давай уйдём куда-нибудь. Я ещё не хочу видеть других.

— Пойдём, — сказал Эдмунд. — Сядем вон на те камни. Я очень рад, что ты… э-э… снова стал собой. Наверное, тебе нелегко пришлось.

Они сели на камни и стали смотреть на залив. Небо бледнело, звёзды гасли, пока только одна, самая яркая, не осталась над горизонтом.

— Не буду тебе рассказывать, как я превратился в… дракона, — сказал Юстэс. — Ты всё равно узнаешь позже, вместе со всеми. Расскажу лучше, как я снова стал человеком.

— Давай, говори, — сказал Эдмунд.

— Прошлой ночью мне стало ещё хуже, чем всегда… Рука просто горела от этого мерзкого браслета.

— А сейчас?

Юстэс засмеялся — такого смеха Эдмунд раньше от него не слышал — и легко снял браслет с руки.

— Вот он. Пускай берет, кто хочет. Так вот, про-

шлой ночью я никак не мог уснуть и всё думал, что же со мной будет. И вдруг… может быть, мне это приснилось. Не знаю.

— Ладно, ты говори, не бойся, — с немалым терпением сказал Эдмунд.

— Ну, хорошо, в общем, я посмотрел вверх и увидел удивительную штуку. Ко мне приближался огромный лев. И вот что странно: луна скрылась, а вокруг него сиял свет. Он подходил всё ближе и ближе, и я ужасно испугался. Ты думаешь, наверное, что дракону нетрудно одолеть льва. Но я не того боялся… Я не боялся, что лев меня съест, понимаешь — я боялся его. Лев остановился рядом со мной, посмотрел мне в глаза, и мне стало так страшно, что я зажмурился. Но это не помогло. Лев велел встать и идти за ним.

— Он говорил?

— Не знаю. Пожалуй, молчал, и всё же я его понял, и ещё я понял, что надо его слушаться. Я встал и пошёл за ним. Он долго меня вёл, и всё время, где бы мы ни шли, он светился, как луна. Наконец мы поднялись на какую-то гору, и там, на вершине, рос прекрасный сад — деревья, всякие плоды, ну, сам знаешь. А посреди сада был источник.

Я понял, что это источник, потому что со дна

поднималась вода, но сверху это был колодец, только очень большой, круглый, вроде ванны, и в него вели мраморные ступени. Вода была чистая-чистая, и я почему-то подумал, что, если я в неё окунусь, лапа перестанет болеть. Лев велел мне раздеться… нет, я не уверен, что он и на этот раз сказал хоть слово.

Я ответил было, что раздеться не могу, потому что не одет, но тут вспомнил, что драконы — вроде змей, а те ведь умеют сбрасывать кожу. Наверное, подумал я, этого он и хочет, и начал скрестись, царапаться, только чешуя посыпалась. Потом я вонзил когти поглубже, и с меня полезла шкура, как с банана. Она слезла целиком и упала на землю. Ох, какая она была мерзкая! Я обрадовался и пошел к воде.

Но когда я собрался окунуться, я увидел своё отражение. Шкура была такая же грубая, морщинистая, чешуйчатая. Ничего, подумал я, наверное, это ещё одна, нижняя, сниму и её. Я снова стал чесаться и скрестись, и нижняя шкура сошла не хуже верхней. Я положил её рядом и снова двинулся по ступеням.

И опять всё повторилось, как в первый раз. «Сколько же ещё шкур мне сдирать?» — подумал я. Мне очень хотелось окунуть лапу. Я принялся

скрестись в третий раз и положил третью шкуру рядом с двумя первыми. Но когда я поглядел в воду, я понял, что всё осталось по-прежнему.

Тогда лев сказал: «Давай-ка я сам тебя раздену». Я очень боялся его когтей, но теперь мне было всё равно, и я послушно лег на спину.

Он дёрнул шкуру, и мне показалось, что он мне сердце разорвёт. А когда она стала слезать, боль была такая, какой я в жизни не знал. Выдержал я от радости: наконец-то шкура сойдёт! Ты, наверное, знаешь, когда сковыриваешь болячку — и больно, и приятно, что она сходит.

— Еще бы не знать! — сказал Эдмунд.

— Ну так вот, он содрал эту мерзкую шкуру, как трижды сдирал я, только теперь было больно, и бросил её на землю. Она была гораздо толще, грязнее и гнуснее, чем три первые. А я вдруг стал такой гладкий, как очищенный прутик, и очень маленький… Тут он подхватил меня лапами — тоже очень больно, без кожи-то! — и швырнул в воду. Вода обожгла меня, но через мгновение стало хорошо — я плавал, плескался, нырял, пока не почувствовал, что рука уже не болит. Тогда я и увидел, что снова превратился в человека. Честное слово, не вру — я так обрадовался, что у меня опять мои собственные руки, хотя и не такие, как

у Каспиана!.. Потом лев вытащил меня и одел…

— Лапами?

— Не помню. Как-то одел — видишь, на мне всё новое. И я оказался здесь. Может быть, всё это мне приснилось?

— Нет, — уверенно сказал Эдмунд.

— Почему?

— Во-первых, потому что на тебе всё новое. А во-вторых, ты… ну… ты больше не дракон.

— Что же со мной было? — спросил Юстэс.

— Ты видел Аслана, — отвечал Эдмунд.

— Аслана! — воскликнул Юстэс. — С тех пор, как мы плывём, я много раз слышал это имя. Почему-то оно мне не нравилось. Впрочем, раньше мне многое не нравилось. Страшно вспомнить, каким я был!

— Ничего, — сказал Эдмунд. — Честно говоря, ты вёл себя ничуть не хуже, чем я, когда я впервые оказался в Нарнии. Ты был просто свинья, а я ещё и предатель!

— Ладно, пока не говори об этом, — сказал Юстэс. — Кто такой Аслан? Ты его знаешь?

— Скорее, он меня знает, — ответил Эдмунд. — Аслан — это великий Лев, сын Императора Страны-за-Морем. В своё время он спас меня и Нарнию. Все мы видели его, Люси — чаще других.

Мы ведь и сейчас плывём в его страну.

Оба помолчали. Яркая звезда над горизонтом исчезла, и, хотя горы скрывали от них зарю, они поняли, что она настала, ибо небо и залив стали розовыми, как роза. В лесу закричали птицы, послышался шум и, наконец, раздался звук рога. Мореплаватели просыпались.

Все очень обрадовались, когда Эдмунд с расколдованным Юстэсом появились у костра. Конечно, все тут же узнали, как Юстэс стал драконом, и стали гадать, убил ли Октезиана тот, прежний дракон, или кто-то заколдовал несчастного лорда. Драгоценные камни исчезли вместе со старой одеждой, но никто, в том числе и Юстэс, не хотел идти в долину за сокровищами.

Через несколько дней свежепокрашенный корабль с новой мачтой и полным запасом продовольствия был готов к отплытию. Но прежде Каспиан велел высечь на скале, поднимающейся над заливом, такие слова:

ДРАКОНИЙ ОСТРОВ
ОТКРЫТ КАСПИАНОМ X,
КОРОЛЁМ НАРНИИ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ,
НА ЧЕТВЁРТОМ ГОДУ

ЕГО ЦАРСТВОВАНИЯ. НАВЕРНОЕ, ИМЕННО ЗДЕСЬ ПОГИБ ЛОРД ОКТЕЗИАН

Было бы слишком просто сказать: с этого времени Юстэс стал другим. Говоря точнее, с этого времени он начал становиться другим. В иные дни он напоминал прежнего Юстэса, но я не буду обращать на это особого внимания, ибо он выздоравливал.

А с браслетом лорда Октезиана приключилась забавная история. Юстэс не захотел носить его и отдал Каспиану, а Каспиан — Люси, но и та его носить не стала. «На кого упадёт — тому достанется!» — сказал Каспиан и подбросил браслет. Они как раз стояли у скалы и разглядывали надпись. Браслет, сверкая в солнечных лучах, взлетел высоко наверх и, зацепившись за крохотный выступ скалы, повис на нём. Так что, наверное, браслет висит там до сих пор и будет висеть до конца света.

Глава восьмая
Два чудесных спасения

Все были очень рады, когда корабль покинул, наконец, Драконий остров. Едва он вышел из залива, как подул попутный ветер, и ранним утром следующего дня они подошли к острову, который видели на горизонте с драконьего полёта. На острове, низком и покрытом зеленью, обитали только кролики и дикие козы, но по развалинам каменных лачуг, старым чёрным кострищам, обломкам оружия и костей они поняли, что ещё недавно здесь жили люди.

— Пираты потрудились, — сказал Каспиан.

— Или дракон, — добавил Эдмунд.

И ещё одну вещь они нашли на острове — крохотную лодочку, лежавшую на песке у воды. Она была сделана из кожи, натянутой на плетёный каркас, и едва достигала в длину четырёх футов. Весло было ей под стать, и все решили, что её изготовили для ребёнка или же этот остров когда-то населяли гномы. По размерам она вполне годилась для Рипичипа, поэтому её взяли на корабль, а остров назвали Горелым и ещё до полудня отплыли от него.

Пять дней ветер гнал корабль на юго-восток, и на пути не было ни островов, ни рыб, ни морских птиц. Потом целый день шёл дождь. Юстэс проиграл Рипичипу две партии в шахматы и, рассердившись, снова стал таким, как прежде, а Эдмунд пожалел, что они не поехали в Америку. Тут Люси взглянула в кормовое окно и сказала:

— Кажется, дождь кончился. А это что такое?

Все поднялись на ют и увидели, что дождь действительно кончился, а стоящий на вахте Дриниан пристально вглядывается в какой-то предмет. Точнее говоря, то был не предмет, а гряда гладких валунов, расположенных футах в сорока друг от друга.

— Нет, это не камни, — произнес Дриниан. — Пять минут назад их там не было.

— Глядите, один исчез! — сказала Люси.

— А вот появился новый, — добавил Эдмунд.

— Поближе к нам, — заметил Юстэс.

— Ну и ну! — сказал Каспиан. — Кажется, эта штука движется сюда.

— И гораздо быстрее нас, — откликнулся Дриниан, — через пять минут она догонит корабль.

Все затаили дыхание, да и как не затаить, когда за вами по пятам гонится что-то неизвестное. Но всё оказалось ещё хуже, чем они ожидали. Внезапно у левого борта вынырнула страшная морда — зелёная, в лиловых шишках, вроде лошади без ушей. Огромные глаза вполне могли видеть сквозь тёмную толщу воды, в разверстой пасти сверкал двойной ряд острых зубов. Голова раскачивалась на очень длинной шее, но поднималась выше, ещё выше, и все поняли, что это не шея, а тело, и перед ними не кто иной, как Морской Змей. Изгибы его длинного хвоста виднелись где-то позади и поднимались над водой через равные расстояния. Голова уже была выше мачты.

Все схватились за шпаги, но шпагой до чудовища не достанешь.

— Стреляй! — скомандовал командир лучников, и на Змея посыпались стрелы, но они лишь скользили по коже, словно по железу. Люди за-

стыли, ожидая удара.

Но удара не было. Змей взметнулся ещё выше, за ярд от мачты, и стал спускаться с правой стороны борта не на переполненную людьми палубу, а в воду, так что корабль оказался словно под аркой. Арка эта уменьшалась и с правой стороны уже почти касалась борта.

И тут Юстэс (он изо всех сил старался наверстать потерянное, ибо дождь и шахматная неудача отбросили его назад) впервые в жизни совершил геройский поступок. У него в руке была шпага, которую одолжил ему Каспиан. Когда змеиное тело оказалось рядом, он вскочил на фальшборт и принялся его колоть. Он ничего этим не добился, только сломал вторую Каспианову шпагу, но для начала и это неплохо.

Остальные бросились ему на помощь, но Рипичип пронзительно крикнул:

— Не колите его!

Такой миролюбивый призыв в устах храброго Мыша был столь непривычен, что, несмотря на опасность, все обернулись к нему. А Рипичип, завопив: «Толкайте его, толкайте!», — взобрался на фальшборт перед самым Змеем и, упершись меховой спинкой в огромную чешуйчатую спину, изо всех сил начал толкать его. Не многие

поняли сразу, что он задумал, и устремились ему на помощь. Но когда, мгновение спустя, голова Морского Змея снова появилась из воды у левого борта, всё стало ясно.

Чудище петлей охватило корабль и теперь затягивало её. Если бы это удалось, от корабля остались бы одни щепки и Змей без труда выловил бы людей, одного за другим. Единственный шанс на спасение состоял в том, чтобы как можно быстрее сдвинуть петлю назад, вдоль корабля, и сбросить её с кормы или, что то же самое, протолкнуть корабль сквозь петлю, пока она не затянулась.

Конечно, одному Рипичипу это было не легче, чем сдвинуть собор, но он толкал Змея, пока его самого, совсем обессиленного, не оттолкнули в сторону.

Мгновение спустя вся корабельная команда, кроме Люси и сомлевшего Рипичипа, вытянулась двумя рядами вдоль фальшбортов. Каждый упирался грудью в спину стоящего впереди, и общее усилие передавалось последнему человеку, упиравшемуся в Змея. В течение первых тягостных минут, показавшихся часами, ничто, на первый взгляд, не менялось. Слышался хруст суставов, капал пот, раздавалось тяжёлое хриплое дыха-

ние. Потом все почувствовали, что корабль начал сдвигаться, а петля — чуть дальше от мачты. Теперь надо было спешить: всё зависело от того, успеют ли они протолкнуть петлю над ютом, или она окажется слишком тугой. Ют был совсем рядом, а тело Морского Змея нависло так низко, что с десяток человек быстро забрались наверх, встали рядом и принялись толкать петлю. Дело пошло лучше, и надежда вспыхнула с новой силой, но тут все вспомнили про высокую резную корму.

— Топор! — хрипло прокричал Каспиан. — Толкайте, толкайте, не останавливайтесь!

Услышав крик Каспиана с верхней палубы, Люси (которая знала, что где лежит) слетела вниз, в трюм, схватила топор и бросилась по лестнице на ют. Но не успела она подняться, как раздался оглушительный треск, словно упало высокое дерево, корма обломилась, корабль сильно тряхнуло и бросило вперёд.

Все так устали, что одна только Люси увидела в воде петлю Морского Змея, которая быстро уменьшалась и наконец исчезла. Позже Люси утверждала (хотя, конечно, ей могло померещиться), что на морде Змея появилась идиотская улыбка. Как бы там ни было, умным его не назо-

вёшь — вместо того, чтобы преследовать корабль, он нырнул вместе с обломком кормы под воду, словно только и мечтал что о деревянном хвосте. А корабль был уже далеко. Люди вповалку лежали на палубе, охая, отдуваясь и постепенно приходя в себя. Наконец они заговорили, потом засмеялись, а когда из трюма принесли бочонок вина, совсем развеселились и даже выпили за Юстэса (хотя он ничего толком не сделал) и за Рипичипа.

После этого плыли ещё три дня и видели вокруг только море и небо. На четвёртый день подул сильный северный ветер, море заволновалось, а после обеда началась настоящая буря. Но как раз в это время по правому борту заметили землю.

— Если ваше величество не возражает, — сказал Дриниан, — попробуем подойти на вёслах с подветренной стороны и переждём на острове непогоду.

Каспиан согласился, все сели на вёсла, но только к вечеру добрались до острова. С наступлением сумерек вошли в небольшой залив и бросили якорь, но на берег сходить не стали. Проснувшись утром, они увидели перед собой зеленоватую воду и суровый остров, поднимавшийся вверх одинокой скалистой вершиной, над которой,

гонимые с севера, проносились тучи.

Мореплаватели спустили лодку, нагрузили её пустыми бочками и поплыли к берегу.

— В залив впадают два ручья, — сказал Каспиан, сидевший на корме. — Из какого будем брать воду?

— Не всё ли равно? — отвечал Дриниан. — По-моему, из того, что восточней. Туда меньше грести.

— Сейчас пойдёт дождь, — сказала Люси.

— Что правда, то правда, — сказал Эдмунд, ибо по лодке забарабанили капли. — Тогда поплывём к западному ручью. Там есть деревья, можно укрыться.

— Правильно, — сказал Юстэс. — Чего зря мокнуть?

Но Дриниан упорно держал прежний курс.

— Они правы, Дриниан, — заметил Каспиан. — Давай-ка поворачивай к западу.

— Как угодно вашему величеству, — недовольно буркнул Дриниан. Вчерашняя непогода доставила ему немало хлопот, да и не любил он, когда в его морские дела вмешивались несведущие люди. Все-таки он переменил курс и, как впоследствии оказалось, правильно сделал.

К тому времени, когда набрали воду, дождь

прекратился, и Каспиан, Эдмунд, Юстэс, Люси и Рипичип решили взобраться на вершину холма, чтобы осмотреть окрестности. Идти сквозь жёсткую траву и вереск было трудно, и, если не считать чаек, они никого не встретили. Добравшись до вершины, они обнаружили, что островок крохотный, не больше двадцати акров. Море отсюда казалось огромней и пустынней, чем с палубы и даже с мачты.

— Как всё-таки глупо, Люси, — тихо сказал Юстэс, глядя на восток, — плыть, плыть и плыть, даже не зная *куда.* — Но говорил он скорее по старой привычке и вряд ли так думал.

С севера по-прежнему дул сильный ветер, и на вершине холма было холодно.

— Давайте спустимся другой дорогой, — предложила Люси, когда они собрались уходить. — Пройдём немного и выйдем к тому ручью, к которому плыл Дриниан.

Все согласились и минут через пятнадцать добрались до второго ручья. Там оказалось интереснее, чем они ожидали: из маленького, но глубокого озерца, окружённого валунами, по узкому руслу тёк к морю ручей. Ветра здесь не было, и все присели отдохнуть на большой валун, густо поросший вереском.

Но один из них (то был Эдмунд) тут же вскочил.

— Чёрт! Камни какие-то острые!.. — сказал он, нащупывая что-то. — Ого! Да ведь это не камень, а рукоять меча! Какая ржавая! Наверное, пролежала здесь много лет.

— Судя по виду, она из Нарнии, — заметил Каспиан, подходя к Эдмунду.

— Я тоже на чём-то сижу, — сказала Люси, — на чём-то тяжёлом!

Это оказалась заржавленная кольчуга. Тут все вскочили и на четвереньках принялись обшаривать густой вереск. Нашли шлем, кинжал и несколько монет — не полумесяцев из Тархистана, а полновесных нарнийских львов и дубов, таких же, какие можно увидеть на базаре в Биверсдаме-на-Бобровой Плотине или в Беруне.

— Может быть, только это и осталось от одного из наших лордов, — сказал Эдмунд.

— И я так думаю, — согласился Каспиан, — но от какого именно? На кинжале нет никаких знаков. Как он погиб?

— И как нам отомстить за его смерть? — добавил Рипичип.

Эдмунд, единственный, кто читал детективные романы, погрузился тем временем в размыш-

ления.

— Тут что-то не так, — сказал он. — Этот лорд погиб не в сражении.

— Почему ты так думаешь? — спросил Каспиан.

— Нет костей, — объяснил Эдмунд. — Если бы его убили, меч забрали бы, тело оставили. Здесь наоборот: меч есть, а тела нету.

— Его мог убить хищный зверь, — предположила Люси.

— И умный, — сказал Эдмунд. — Кольчугу снял!

— А может, дракон? — сказал Каспиан.

— Ну уж нет, — уверенно сказал Юстэс. — Дракон не снял бы. Я-то знаю.

— Пойдёмте лучше отсюда, — сказала Люси. После того, как Эдмунд заговорил о костях, ей больше не хотелось здесь оставаться.

— Как хочешь, — сказал Каспиан, поднимаясь. — А это всё, я думаю, брать не стоит.

Они обошли вокруг озера и остановились там, откуда вытекал ручей. Вода здесь была глубокая и чистая. В жаркий день кто-нибудь непременно захотел бы искупаться, и все захотели бы пить. Даже сейчас Юстэс нагнулся к воде, чтобы зачерпнуть её ладонями, как вдруг Рипичип и Люси

закричали в один голос: «Смотрите!» — так, что он забыл о воде и оглянулся.

Вода была такая прозрачная, что они ясно видели дно, усыпанное крупными голубовато-серыми камнями, и там, на дне, лежала статуя в человеческий рост, вероятно — золотая. Лежала она лицом вниз, закинув над головой руки. Как раз в это время облака немного разошлись, выглянуло солнце, осветило её с головы до ног, и Люси подумала, что такой красоты она никогда ещё не видела.

— Ну и ну! — присвистнул Каспиан. — Вот бы достать её.

— Позвольте мне нырнуть, ваше величество, — сказал Рипичип.

— Незачем, — сказал Эдмунд. — Если она и впрямь золотая, её не поднять. Да и глубоко здесь, я думаю, футов пятнадцать. Впрочем, минутку! Я взял с собой охотничье копьё, попробую измерить глубину. Каспиан, подержи меня. — Каспиан взял Эдмунда за руку, и тот, наклонившись, стал опускать копьё в воду.

Когда оно погрузилось примерно наполовину, Люси заметила:

— Зря мы решили, что статуя золотая. Это солнце так светит. Смотрите, копьё тоже совсем как

золотое.

— Что случилось? — послышалось сразу несколько голосов, так как Эдмунд неожиданно выронил копьё.

— Я не мог его удержать, — удивился Эдмунд. — Оно очень тяжёлое.

— Вон оно, на дне, — сказал Каспиан. — Люси, кажется, права. Оно блестит, как статуя.

Но Эдмунда вдруг заинтересовали его башмаки, и он, склонившись, стал их разглядывать, а потом выпрямился и вскрикнул тем голосом, которому повинуются все:

— Назад! Прочь от воды! Скорее!

Все отбежали и остановились, ожидая объяснений.

— Посмотрите на мои ботинки, — сказал Эдмунд.

— Они пожелтели, — сказал Юстэс.

— Не пожелтели, а *позолотели,* — поправил его Эдмунд. — Это чистое золото! Пощупайте, это не кожа, а металл. И тяжёлые, как свинец.

— Клянусь Асланом! — воскликнул Каспиан. — Ты хочешь сказать…

— Да, хочу, — подхватил Эдмунд. — Вода волшебная. Она всё превращает в золото. Моё копьё стало золотым и потяжелело. Волна плеснула на

мои ботинки, и они стали золотыми. Хорошо ещё, что я не босиком. А эта статуя на дне…

— …совсем и не статуя, — тихо сказала Люси.

— Вот именно. Бедняга! Теперь понятно, что случилось. Он оказался здесь в жаркий день и решил искупаться. Разделся на том валуне, где мы сидели, потом нырнул…

— Не надо! — вскрикнула Люси. — Мне страшно!

— Мы и сами были на волосок от смерти, — заметил Эдмунд.

— Именно, на волосок, — сказал Рипичип. — Ведь каждый мог окунуть в воду ногу, ус или хвост.

— Можно проверить, — решил Каспиан. Он сорвал ветку вереска и, осторожно опустившись на колено, погрузил её в воду. Когда он вынул её, в руке оказалась точная копия из чистейшего золота.

— Король, владеющий островом, — торжественно сказал он, и кровь прилила к его лицу, — будет самым богатым на свете. Отныне и навечно мы объявляем этот остров собственностью нарнийской короны и нарекаем его Землёй Золотой Воды. Каждому, кто выдаст тайну, грозит смерть. Никто не должен знать, даже Дриниан.

— С кем ты говоришь?! — вскричал Эдмунд. — Я не твой подданный! Если на то пошло, ты подвластен мне. Я — один из четырёх древнейших правителей Нарнии, а ты вассал моего брата, Верховного Короля.

— Ах, вон что, король Эдмунд!.. — сказал Каспиан и положил руку на эфес своей шпаги.

— Сейчас же перестаньте! — вмешалась Люси. — Ну просто сил нет с этими мальчишками! Какие вы оба хвастуны и задиры!.. Ой-ой! — и она замолчала, задохнувшись от неожиданности. Все обернулись.

Над ними, бесшумно ступая по серому вереску и ярко светясь (хотя солнце скрылось за тучей), неторопливым шагом шёл огромный лев. Никто ещё не видел такого большого льва. Позже, описывая эту сцену, Люси иногда говорила, что он был со слона, а иногда — что он был с лошадь. Но не размер испугал их. Они знали, что перед ними Аслан.

Никто не заметил, когда и как он исчез. Все уставились друг на друга, словно пробудившись от сна.

— О чём это мы с тобой спорили? — спросил Каспиан. — Я порол какую-то чушь?

— Ваше величество, — сказал Рипичип, — это

озеро заколдовано. Прошу вас, немедленно вернёмся на корабль. Если бы вы предоставили мне честь назвать этот остров, я бы назвал его Островом Мёртвой Воды.

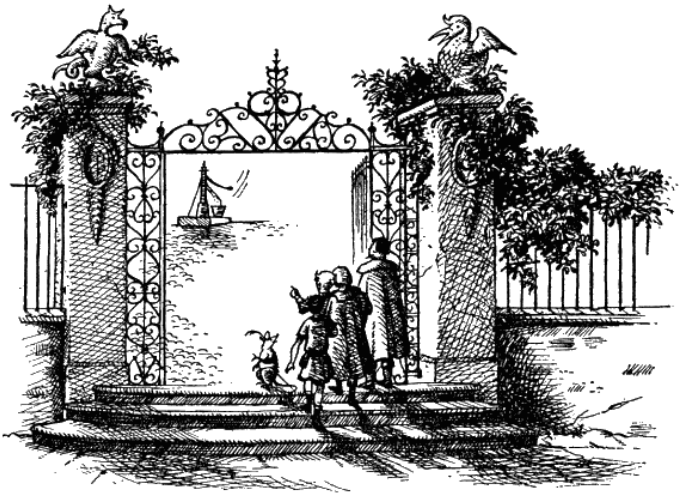
— Правильно, Рипичип, — согласился Каспиан, — хотя я ничего не понимаю. Погода, однако, получше, и Дриниану не терпится отплыть. Сколько мы ему расскажем?..

Но рассказали они не так уж много, потому что начисто забыли, что случилось за последний час.

— Когда их величества поднялись на борт, они были как будто околдованы, — говорил Дриниан Ринсу несколько часов спустя, когда Остров Мёртвой Воды скрылся за горизонтом. — Что-то с ними стряслось на этом острове. Я только и уразумел, что они нашли тело одного из наших лордов.

— Ну, что же, капитан, — ответил Ринс. — Значит, уже трое. Осталось четверо. Если так пойдёт и дальше, после Нового года вернёмся домой. Это бы хорошо, а то у меня табак кончается. Доброй вам ночи.

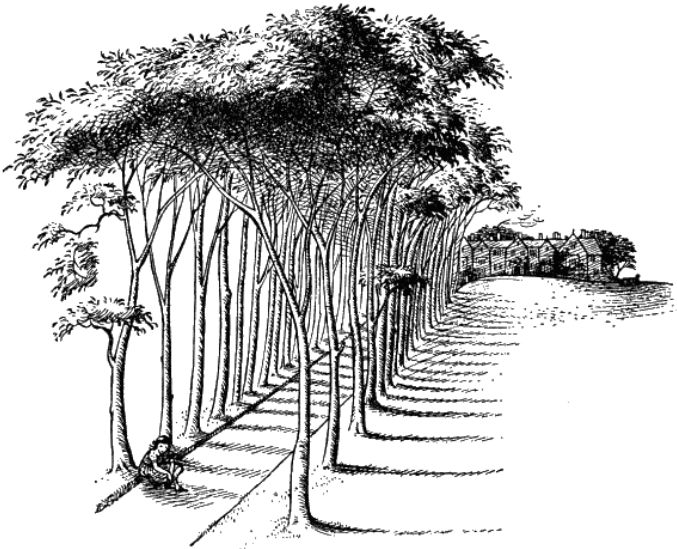
Глава девятая
Остров и голоса

Ветер, так долго дувший с северо-запада, подул просто с запада, и каждое утро, на рассвете, узорный нос корабля глядел в лицо солнцу. Некоторым казалось, что солнце здесь больше, чем в Нарнии, другие с ними спорили. А «Покоритель зари» плыл и плыл, гонимый не сильным, но

упорным ветром, и не было вокруг ни чайки, ни корабля, ни берега. Запасы снова иссякли, и в сердца заползала тревога — быть может, этому морю уже не будет конца. Но в самый последний день, когда они усомнились, плыть ли дальше на Восток, утром между ними и солнцем, словно низкое облако, показалась земля.

Днём они вошли в широкую бухту и сошли на берег. Места здесь были совсем иные, чем прежде. За кромкой леса зеленели лужайки, аккуратные, как газоны, но тишина стояла такая, словно люди тут не живут. Деревья стояли нечасто, как в парке, под ними не было ни палых листьев, ни обломанных сучьев. Голуби ворковали на ветвях, больше звуков не было.

Потом нашим путникам открылась прямая, усыпанная песком аллея, ведущая к длинному невысокому дому, который казался очень мирным в мягком послеполуденном свете…

Только они вступили в аллею, Люси почувствовала, что в туфлю ей попал камешек. Конечно, надо было крикнуть, чтобы её подождали, но она промолчала и присела на край дороги. Шнурок у неё затянулся тугим узлом.

Пока она его развязывала, спутники её ушли

далеко вперёд, и, когда она вынула камешек, их уже не было видно, но тут она услышала странные звуки, и доносились они не из дома.

Звуки были такие, словно много сильных мужчин бьют по земле деревянными молотками. Они быстро приближались. Люси уже сидела, прислонившись к дереву: влезть на него она не могла, ей оставалось притаиться и как бы вжаться в ствол, надеясь, что её не заметят.

Бум, бум, бум… Земля тряслась, *это* приближалось, но не было видно ничего. Люси подумала, что *это* сзади, — но нет, стучало впереди, на самой аллее, даже песок взлетал от ударов; а видно ничего не было. Вдруг звуки умолкли, и раздался голос.

Ей стало очень страшно — вокруг было пусто, а неподалёку от неё кто-то говорил. И говорил он так:

— Ну, ребята, не упустим случая!

Раздался дружный хор голосов:

— Вот именно! То-то и оно, не упустим! Золотые слова! Прямо в точку! Это я понимаю!

— Спустимся на берег, — продолжал первый голос, — чтобы они не могли сесть в лодку, и все, как один, обнажив мечи, будем стеречь их, если они пойдут к морю.

— Уж это план так план! — заорали остальные. — Всем планам план! Ох! Ах!

— Эй вы, поворачивайтесь! — крикнул первый голос. — Живей, живей!

Снова послышался стук — сперва погромче, потом потише, пока не замер у моря, на песке.

Люси понимала, что не время гадать, кто же эти невидимки. Как только удары затихли, она кинулась со всех ног по аллее. Она знала одно: надо предупредить друзей.

Друзья тем временем достигли двухэтажного длинного дома. Жёлтый камень едва виднелся из-под плюща. Стояла такая тишь, что Юстэс сказал: «По-моему, тут пусто», но Каспиан, не говоря ни слова, указал на струйку дыма, поднимавшуюся из трубы.

Ворота были открыты, и путники вошли на мощёный двор. Там они поняли, что на острове не всё ладно: посреди двора сам собой двигался насос, и в вёдра текла вода.

— Колдовство какое-то, — сказал Каспиан.

— Механизм! — сказал Юстэс. — Наконец-то мы попали в цивилизованную страну.

Именно в эту минуту Люси, едва дыша, вбежала во двор и стала рассказывать, что с ней случилось. Когда её поняли, никто не обрадовался.

— Невидимки, — тихо сказал Каспиан. — Хотят отрезать нас от лодок. Хорошего мало!

— А какие они? — спросил Эдмунд.

— Откуда мне знать, Эд, я же их не видела!

— Ну, шаги у них человеческие?

— Да это и не шаги, удары какие-то, как молотком.

— Хотел бы я знать, — сказал Рипичип, — видны ли они, если вонзить в них шпагу?

— Кажется, скоро узнаем, — сказал Каспиан. — Но лучше уйдём отсюда. Этот, у насоса, слышит нас.

Они вернулись в аллею, под защиту деревьев, и Юстэс сказал:

— Прячься не прячься, а их не видно. Может, они стоят рядом.

— Дриниан, — обратился король к своему капитану, — не бросить ли нам эти лодки и не дать ли сигнал на корабль, чтобы он подошёл вон туда, подальше?

— Тут мелко, ваше величество, — сказал Дриниан. — Он не дойдёт до берега.

— Может быть, поплывём к нему? — сказала Люси.

— Ваши величества, — сказал Рипичип, — выслушайте меня. Невидимого врага надо встретить

лицом к лицу. Если эти создания хотят сразиться с нами, они своего добьются. Лучше погибнуть, чем обратить к ним хвост.

— На сей раз ты прав, — сказал Юстэс.

— И потом, — сказала Люси, — если Ринс и другие увидят, что мы сражаемся, они что-нибудь сделают…

— Что они увидят? — печально спросил Юстэс. — Им покажется, что мы просто машем руками, забавы ради.

Нависло невесёлое молчание.

— Что ж, — сказал Каспиан, — идём навстречу опасности. Обнажите мечи, а ты, Люси, приготовь свой лук.

И они направились к морю по безмятежной траве, под тихими деревьями. Увидев лодку и мягкий песок, многие усомнились, не примерещилось ли всё это Люси; но тут же услышали голоса:

— Стоп, ребятки, стоп! Поговорим, обсудим. Нас пятьдесят персон, и мы не с голыми руками.

— Ну и чешет! — откликнулся хор. — Таких вожаков поискать. Скажет как отрежет. Можете не сомневаться.

— Я не вижу, где эти пятьдесят рыцарей, — заметил Рипичип.

— То-то и оно!.. — сказал первый голос. — Не видишь. А почему? Потому что мы невидимки.

— Так его! — поддержали голоса. — Ну и отбрил, как по-писаному!

— Подожди, Рипичип, — сказал Каспиан, а сам повысил голос. — Чего же вам от нас надо, невидимый народ? Чем мы заслужили вашу ненависть?

— Нам надо не от вас, а от девочки, — сказал Главный (другие объяснили на все лады, что этот ответ великолепен).

— От девочки?! — вскричал Рипичип. — Перед вами королева!

— Чего там, всё одно, — сказал Главный («Вот именно», — вторили прочие). — Она может нам помочь.

— Чем же? — спросила Люси.

— Если это грозит жизни или чести её величества, — вставил Рипичип, — вы увидите, сколько ваших поляжет прежде, чем мы умрём.

— Да ладно, — сказал Главный. — Давайте-ка присядем, долго рассказывать.

Голоса поддержали его, но наши мореплаватели остались стоять.

— Ну вот, — начал Главный, — дело было так. Этот остров принадлежит знаменитому волшеб-

нику, у которого, надо сказать, не все дома. А мы ему вроде как служим… лучше скажу — служили. Приказал он нам сделать одну штуку, которая нам не понравилась. А почему? Потому что она нам не по вкусу… да. Отказались мы, а он рассердился — надо сказать, он тут хозяин, ему никто не перечил, — рассердился он, значит… что я говорил?.. а, вот! Рассердился, пошел наверх — у него там всё хозяйство, а мы тут живем, внизу, — пошёл он наверх и нас заколдовал. Уродами сделал. Скажите спасибо, что нас не видно. Увидели бы, не поверили бы, какие мы раньше были. Ну, стали мы такие уроды, что не могли друг на друга глядеть. Что ж мы сделали? Я вам скажу. Подождали, пока он заснёт, пошли наверх, взяли его книгу и стали искать, как нам отколдоваться. Не стану врать, страшно было. Искали мы, искали, ничего не нашли, хотите верьте, хотите нет. А было нам, значит, страшно, да и он мог проснуться. В общем, тянуть не буду, прямо скажу: нашли мы заклинание, чтобы стать невидимками. Ну, думаем, всё лучше, чем такими уродами. А почему? Потому что лучше. Дочка моя, красавица, надо сказать, — раньше, то есть, она была красавица, — так вот, дочка моя прочитала это заклинание, потому что его может читать только девица. А почему?

Потому что никто другой не может, ничего не выйдет. Значит, Клипси его прочитала, а читает она лучше некуда, и стали мы невидимками. Попервоначалу обрадовались — всё же пакости такой не видишь, — а потом и поустали. И ещё одно, теперь никак не узнаешь, где он сам, волшебник. Так мы его и не видим. То ли он жив, то ли нет, то ли сидит себе наверху, то ли тут бродит. Услышать его не услышишь, ходит он босиком, тихо, что твой кот. Ну, господа хорошие, кто ж это выдержит?

Вот что поведал предводитель невидимок, только ещё многословней, ибо я сократил его рассказ и опустил реплики хора. На самом деле, как только он говорил шесть-семь слов, раздавались восторженные крики, весьма раздражавшие наших героев. Выслушав эту повесть, все долго молчали.

— Не понимаю, при чём тут мы? — сказала наконец Люси.

— Да я же вам всё объяснил, — сказал предводитель.

— Вот именно, вот именно! — радостно возопил хор. — Куда уж яснее!

— Что ж, опять рассказывать? — спросил Главный.

— Ой, нет! — вскричали Эдмунд и Каспиан.

— Мы девочку ждали, — сказал предводитель. — Вот такую, вроде вас, барышня, чтобы она пошла наверх и прочитала в книге, как нам отколдоваться. То есть чтобы мы были видны. Ну, мы и решили: приплывёт кто-нибудь с девочкой (вот хотя бы с такой), мы их и не выпустим. А почему? Потому что она нам нужна. Значит, если ваша девочка нас не отколдует, мы, уж вы не обессудьте, вас поубиваем. Обижайся не обижайся, а дело есть дело.

— Где ваши мечи? — спросил мышиный рыцарь. — Что-то я их не вижу! — но не успел он это сказать, как в дерево вонзилось сверкающее лезвие.

— Увидел, а? — сказал предводитель.

— То-то и оно! — поддержал хор. — Скажет, как отрежет.

— И метнул его я, — продолжал Главный голос. — Пока мы их держим, они не видны.

— На что же вам я? — спросила Люси. — Неужели у вас нет девочек?

— Хитрая какая! — взвыли голоса. — Это что ж, опять нам идти наверх?

— Другими словами, — сказал Каспиан, — вы просите деву о подвиге, на который боитесь по-

слать ваших сестёр и дочерей.

— Вот, вот! — радостно подхватили голоса. — В самый раз! Учёный человек, ничего не скажешь!

— Нет, такой наглости… — начал Эдмунд, но Люси его перебила:

— Ночью мне идти или днём?

— Днём, днём, чего там! — сказал Главный. — Зачем же ночью? Это в темноте? Ой!

— Что ж, я пойду, — сказал Люси. — Не останавливайте меня, — обратилась она к друзьям, — неужели вы не видите, что другого выхода нет. Их очень много, нам не отбиться. А так — может быть, ничего со мной и не будет.

— Да ведь там волшебник! — сказал Каспиан.

— Знаю, — сказала Люси. — Наверное, я с ним полажу. Ты же видишь, они… не очень храбрые.

— Они не очень умные, — сказал Юстэс.

— Ну, Люси, — взмолился Эдмунд. — Подумай, как же можно! Спроси хотя бы Рипичипа, он тебе скажет.

— Я ведь и свою жизнь спасаю, — ответила сестра. — Я тоже не хочу, чтобы меня изрубили невидимыми мечами.

— Её величество права, — промолвил Рипичип. — Если бы мы могли спасти нашу королеву, мы бы знали, что нам делать. Но мы не можем.

Услуга же, о которой просят они, не пятнает её чести. Напротив, это истинный и благороднейший подвиг. Сердце подсказывает королеве отправиться к волшебнику, и не мне спорить с нею.

Все знали, что Рипичип никогда ничего не боялся, и потому он сказал это не смущаясь. Мальчики, которые боялись очень часто, сильно покраснели, но возразить не могли. Раздались восторженные крики невидимок, а предводитель пригласил всех поужинать. Юстэс хотел было отказаться, но Люси сказала: «Ну что ты, они не *такие*! Чего-чего, а коварства в них нет!», и все согласились и направились к дому под радостные вопли хора.

Глава десятая
Волшебная книга

Невидимки угостили гостей на славу. Было очень смешно смотреть, как тарелки и блюда сами летят на стол.

Добро бы ещё они летели — нет, они прыгали, взмывая на пятнадцать футов и ловко скользя вниз. Правда, кое-кого при этом обрызгало со-

усом.

— Что же они за народец? — шепнул Юстэс Эдмунду. — Вроде нас или нет? Может, вроде лягушек или кузнечиков?

— Скорее всего, — ответил Эдмунд. — Только не говори Люси, она боится насекомых, особенно больших.

Ужин был бы ещё приятней, если бы невидимки не развели столько грязи и меньше поддакивали. Правда, говорили они то, на что не возразишь, скажем: «Если ты проголодался, значит, ты хочешь есть, я так считаю», или: «Темнеет что-то, к ночи всегда темнеет», или: «В лужу ступил? Мокро тебе, а?» Но кормили они хорошо; тут были грибной суп, и цыплята, и горячий окорок, и крыжовник, и смородина, и сметана, и творог, и молоко, и мёд — не простой мёд, а напиток. Он всем понравился, только Юстэс потом жалел, что выпил лишнего.

Наутро Люси проснулась в том состоянии, в каком бываешь, когда тебе предстоит экзамен или визит к зубному врачу. Светило солнце, пчёлы влетали, жужжа, в открытое окно, газон был совсем такой, как в Англии. Люси поднялась, оделась и храбро попыталась есть, даже говорить за завтраком. Когда же Главный голос объяснил

ей, что делать, она попрощалась с друзьями, молча направилась к лестнице и, не оглядываясь, пошла наверх.

К счастью, там было светло. Прямо перед ней, на первой площадке, сверкали солнечным светом открытые окна, а снизу доносилось уютное тиканье часов. Потом она свернула налево и, одолевая следующий пролет, тиканья уже не слышала. Дойдя до верха, она увидела длинный коридор, кончавшийся окном. Наверное, он шёл через весь этаж, насквозь. Дубовая обшивка стен и мягкие ковры ей понравились, множество дверей — не очень. Особенно же неприятна была полнейшая тишина — мышь не скреблась, муха не жужжала, занавеска не хлопала, только стучало её собственное сердце.

«Последняя дверь налево», — подумала Люси, огорчаясь, что дверь эта так далеко, и на пути к ней придется миновать много других, за каждой из которых может оказаться хозяин. Но, думай не думай, идти надо, и Люси пошла, бесшумно ступая по толстому ковру.

«Пока бояться нечего», — говорила она себе. И впрямь, коридор был тих и светел, разве что слишком тих. Да и лучше бы, если бы на дверях не было этих знаков — запутанных, словно вензеля,

и, наверное, означающих что-нибудь гадкое. А ещё лучше было бы без масок на стенах — не то чтоб особенно уродливых, но всё же жутковатых из-за пустых глазниц. Так и казалось, что пройдёшь мимо, и они скорчат рожу у тебя за спиной.

По-настоящему струсила она после шестой двери: странное бородатое личико глянуло на неё. Заставив себя остановиться и посмотреть, она поняла, что перед ней зеркало, размером с

её лицо, обрамленное со всех сторон какими-то космами. «Ну вот и всё, — сказала она. — Я себя увидела, бояться нечего». Однако в таком виде она себе не очень понравилась и поскорей пошла дальше. (Я не знаю, для чего там висело бородатое зеркало, я не волшебник.)

Добираясь до последней двери, она подумала, не становится ли коридор длиннее, тоже по волшебству. Но тут показалась эта дверь, она была открыта.

Люси вошла в залу с тремя большими окнами, уставленную книгами до потолка. Она никогда не видела столько книг сразу — тут были тоненькие книжки и толстые, пыльные фолианты, совсем огромные, больше церковной Библии, все в кожаных переплетах, все старые, учёные, волшебные. Но она знала, что они ей не нужны. Главный голос предупредил её, что та книга — не на полках, а на конторке, в самой середине зала. Она поняла, что читать придется стоя (стульев, кстати сказать, тут вообще не было), а стоять — спиной к двери; и пошла закрыть её.

Однако дверь не закрылась.

Кто как, а я понимаю, что ей стало неприятно. Меня бы самого это не порадовало. Но что поделаешь, пришлось стать спиной к открытой двери,

зная, что может войти кто-нибудь невидимый.

Кроме того, её огорчили сами размеры книги. Главный не объяснил ей, где нужная страница, и даже удивился, когда она об этом спросила. По-видимому, он и не думал, что можно открыть книгу там, где надо, а не листать с самого начала, пока не найдешь то, что ищешь. «Тут с неделю провозишься! — подумала Люси, глядя на огромный том. — А мне и так кажется, что я тут очень давно».

Она подошла к конторке и коснулась книги (пальцы её дернулись, словно она тронула провод), но открыть её не могла, пока не поняла, что надо расстегнуть застёжки. Ах, что это была за книга!

Прежде всего, то был манускрипт, написанный узорными, но чёткими буквами, такими красивыми, что Люси долго смотрела на них, забыв обо всем прочем. Гладкая толстая бумага дивно благоухала, поля были сплошь изрисованы прекрасными картинками, а каждое заклинание начиналось с красивейшей буквицы.

Ни титульного листа, ни заглавия не было. Поначалу шли заклинания не особенно интересные — как лечить бородавки (помыть руки в лунном свете, собрав его в серебряный тазик), как унять

зубную боль и судорогу, как приманить пчелиный рой. Но картинки были очень красивы, и Люси с трудом отрывалась от каждой страницы, напоминая себе: «Так я вовек не управлюсь!..» Перелистав страниц тридцать — как отыскать клад, как что-нибудь вспомнить, как забыть, как вызвать или утишить ветер и снег, как нагнать и разогнать туман, как навеять прекрасный сон, как превратить человеческую голову в ослиную (это было с бедным ткачом Основой). Чем дальше она читала, тем живей и чудесней были картинки.

Вдруг открылась такая красивая страница, где было столько картинок, что надписи можно было не заметить. Но Люси ее *заметила.* Она гласила: *«Как стать самой красивой на свете».* Вглядевшись в миниатюры, она увидела девочку у конторки, над огромной книгой, в её собственном платье и вообще совсем как она. Рядом та же девочка что-то говорила, широко открывая рот, ещё дальше она была уже красивей всех на свете. Как ни мала была картинка, Люси-красавица смотрела прямо в глаза Люси обыкновенной, и та смотрела ей в глаза, дивясь её красоте и замечая, что они все-таки похожи. Красавица сидела на троне и глядела, как все тарханы и все

короли сражались из-за неё. Потом турнир превратился в настоящую битву, и Нарния, Тельмар, Теревинфия, Гальма, Тархистан лежали в развалинах, ибо их разрушили властители, вожди, вельможи, оспаривая *её* милость. Еще пониже Люси-красавица уже приехала домой, Сьюзен, былая гордость семьи, заметно подурнела, и лицо у неё было злое. Она до смерти завидовала сестре, но что с того, на неё никто и не глядел.

«Ну, *это* прочитаю вслух, — подумала Люси. — Прочитаю, и всё, и ничего вы мне не сделаете!» Последние слова она прибавила, ибо ей всё сильнее казалось, что делать этого нельзя.

Но, посмотрев на заклинание, она увидела в самой середине, где раньше никакой картинки не было, льва — Льва, самого Аслана. Он был такой ослепительно-яркий, что просто вылезал из страницы; хуже того — он скалил зубы, он рычал. Ей стало так страшно, что она быстрей перевернула страницу.

Дальше шло заклинание: *«Как узнать, что думают о тебе друзья».* Люси очень хотелось прочитать то, про красавицу, но страницы назад не переворачивались. С досады она стала читать это (ни за что на свете я не скажу вам, какие в нём слова) и ждала, что будет.

Сперва не случилось ничего. Потом она разглядела купе третьего класса и двух девочек в нём. Она узнала их сразу, то были Марджори Престон и Энн Фиверстон. Картинка ожила. Мимо окон замелькали столбы, девочки засмеялись и заговорили. Понемногу (словно радио набрало силу) она разобрала слова.

— А в будущей четверти, — спрашивала Энн, — ты так и будешь ходить, как приклеенная, с этой Пэвэнси?

— Почему это «как приклеенная»? — возмутилась Марджори.

— А потому! — отвечала Энн. — Ты прямо на ней свихнулась.

— Ну, знаешь! — воскликнула Марджори. — Не такая я дура! Вообще-то она ничего, но сколько можно, надоело…

— Больше я тебе надоедать не буду! — крикнула Люси. — Гадюка двуличная! — И вспомнила, что говорит с картинкой, настоящая Марджори её не слышит.

«Да… — подумала Люси. — Не ждала я от неё!.. Сколько я ей помогала, сколько защищала от девочек. Кто-кто, а она это знает. И с кем? С Энн Фиверстон! Неужели все подруги такие? Тут ещё столько картинок. Нет. Больше смотреть не буду!

Не буду, и всё». И она перевернула страницу, уронив на нее тяжёлую, злую слезу.

Дальше шло заклинание *«Как очистить и обрадовать душу»*. Картинок здесь было меньше, но они казались ещё красивее. Собственно, это был рассказ, а не заклинание. Занимал он три страницы, и, дочитав до конца, Люси сразу его забыла. Пока читала, словно сама в нем жила, а потом — забыла, хоть плачь. «Да это лучший рассказ на свете! — подумала она. — Сейчас же перечитаю». Но страницы, как мы помним, обратно не перелистывались.

«Ну что же это такое! — сокрушалась Люси. — Попробую сама вспомнить… так, так… нет, ничего не выходит! Как же я могла забыть! Там было про чашу, и про шпагу, и про дерево, и про холм… Нет, не помню! Что же мне делать?!»

Так она и не вспомнила, но с той поры ей нравились лишь те рассказы, которые походили на этот, из книги.

Перевернув страницу (которая выцветала на глазах, и прочитать её уже было нельзя), Люси увидела сплошные буквы, без картинок; однако заголовок гласил: *«Как делать видимым невидимое»*. Она прочитала про себя заклинание, чтобы не сбиться на длинных словах, произнесла

вслух и сразу поняла, что оно сработало: поля покрылись крошечными картинками. Так бывает, когда поднесёшь к огню письмо, написанное лимонным соком, но тогда проступают бурые буквы, а тут проступили золото, багрянец и лазурь. Картинки были странные, фигурок очень много, и Люси испугалась, представив себе, сколько невидимого стало теперь видимым.

Тогда она услышала мягкие шаги и вспомнила, что волшебник ступает тихо, словно кот. Если кто-то ходит у тебя за спиной, лучше обернуться, что Люси и сделала.

Лицо её просветлело и, хотя она не знала этого, стало лучше, чем у Люси-красавицы. Она протянула руки и кинулась вперёд, ибо в дверях стоял сам Аслан, Царь царей, огромный, тёплый, пушистый, как всегда. Она зарылась носом в его гриву и, услышав низкий, словно бы подземный звук, посмела подумать, что Лев мурлычет.

— Ах, Аслан! — сказала она. — Как хорошо, что ты пришёл!

— Я был здесь всё время, — сказал он, — но ты меня сделала видимым.

— Ну что ты! — сказала она. — Не смейся надо мной. Разве я могу заколдовать или отколдовать тебя?

— Можешь, — сказал Аслан. — Неужели ты думаешь, что я не подчиняюсь собственным законам?

Он помолчал и прибавил:

— Зачем ты подслушивала?

— Я?

— Ты подслушала, что говорят про тебя подруги.

— Так это же колдовство!

— Подслушивать нельзя никак — ни обычным, ни колдовским манером. А на подругу ты сердишься напрасно. Она слаба, но тебя она любит. Ей хотелось подольститься к старшей, и она говорила не то, что думает.

— Наверное, я не смогу забыть её слова.

— Да, не сможешь.

— Ой! — вскрикнула Люси. — Что же я наделала! Значит, если бы не это, мы бы дружили… может быть, всегда?

— Помнишь, — сказал Аслан, — я тебе говорил: никто никогда не узнает, *что могло бы статься.*

— Помню, — сказала Люси. — Прости меня. Только…

— Что, моя дорогая?

— …прочитаю я снова тот рассказ? Расскажешь ты мне его? Расскажи, Аслан, пожалуйста!

— Конечно. Я всю жизнь буду тебе его рассказывать. А теперь — идём поищем хозяина.

Глава одиннадцатая
Охлотопы обретают счастье

Люси вышла за Асланом в коридор и увидела, что к ним приближается босой старец в красных одеждах.

На его седой голове был венок из дубовых листьев, борода спускалась до самого пояса, а опирался он на украшенный затейливой резьбою посох. Увидев Аслана, старец низко поклонился и сказал:

— Добро пожаловать, владыка, в ничтожнейшее из твоих владений.

— Не устал ли ты, Кориакин, управлять неразумными созданиями, которых я тебе доверил?

— Нет, — отвечал волшебник. — Они, конечно, очень глупы, но, в сущности, безобидны. Я даже привязался к ним, беднягам. Правда, я жду не дождусь, когда они подчинятся мудрости, а не грубому чародейству.

— Всему своё время, — сказал Аслан.

— Да, все в своё время, — сказал старец. — А ты, владыка, хочешь предстать перед ними?

— Нет, — ответил Лев и тихо зарычал. («Наверное, засмеялся», — подумала Люси.) — Они перепугаются насмерть. Немало еще звёзд потухнет и переселится на остров, прежде чем твой народ созреет для этого. А сегодня, ещё до вечера, я должен посетить Трама, который давно ожидает в замке своего короля. Я расскажу ему о тебе, Люси. Не надо грустить, мы скоро увидимся.

— Аслан, — спросила Люси, — когда это «ско-

ро»?

— Для меня всякое время близко, — ответил Лев и исчез, а Люси осталась с волшебником.

— Ушёл! — сказал тот. — А мы с тобой совсем пали духом. Он вечно так, его не удержишь. Да, его не *приручишь*. Понравилась тебе моя книга?

— Некоторые места — очень, — ответила Люси. — Вы всё время знали, что я тут?

— Ну конечно. Ещё когда я заколдовал охламонов, я знал, что ты придёшь и снимешь с них заклятие. Но когда именно ты придёшь, я не знал и сегодня не ждал тебя. Понимаешь, из-за них я и сам стал невидимкой, а когда я невидим, меня очень клонит ко сну. Э-хе-хе… опять зеваю. Тебе есть хочется?

— Немножко, — ответила Люси. — Я не представляю, который час.

— Пойдём, — сказал волшебник. — Для Аслана всякое время близко, а у меня в доме, если ты голоден, любое время обеденное.

Он провел Люси по коридору, открыл дверь, и они очутились в весёлой, светлой комнате, уставленной цветами. На столе ничего не было, но, конечно, стол был волшебный, и, едва хозяин произнёс какое-то слово, на нём появились скатерть, серебряные вилки, тарелки, стаканы

и еда.

— Надеюсь, мое угощение придётся тебе по вкусу, — сказал волшебник. — Постараюсь дать тебе то, к чему ты привыкла; ты ведь давно этого не ела.

— Ох, какая красота! — вскричала Люси. И впрямь, еда была прекрасна: горячий омлет, холодная баранина с горошком, клубничное мороженое, лимонный сок и чашка шоколада на сладкое. Волшебник ел только хлеб, пил только вино. Он был совсем не страшный, и вскоре они уже болтали, как старые друзья.

— Когда же заклинание начнет действовать? — спросила Люси. — Когда охламоны станут видны?

— Они уже видны, но сейчас они спят. Они любят поспать днём.

— Вы их оставите уродами, не расколдуете?

— Не так всё просто, — отвечал волшебник. — Понимаешь, это *они* считают, что были раньше красавцами. Я бы сказал, что они стали даже получше.

— Они очень себе нравятся?

— Да. По крайней мере, их предводитель без ума от себя самого, а они ему вторят. Охламоны верят каждому его слову.

— Это мы заметили, — сказала Люси.

— Без него было бы легче. Конечно, я могу его во что-нибудь превратить или заколдовать охламонов, чтобы они ему не верили, — но не хочу. Лучше восхищаться им, чем вообще никем не восхищаться.

— Разве они не восхищаются *вами*? — спросила Люси.

— О, только не мной! — отвечал волшебник.

— А за что вы их заколдовали?

— Понимаешь, они меня не слушались. Они должны работать в саду и в огороде — не для меня, как им кажется, а для себя. Если бы я их не заставлял, они бы ничего не делали. Сад надо поливать. Недалеко отсюда, на холме, бьёт родник, а из него течёт ручей. Я их просил об одном: брать воду из ручья, а не таскаться что ни час в гору. Да они половину воды разливают по дороге! Но они не послушались. Отказались наотрез.

— Неужели они такие глупые? — удивилась Люси.

Волшебник вздохнул.

— Если бы ты знала, сколько я с ними натерпелся!.. Недавно, например, они вздумали мыть посуду перед едой, чтобы сэкономить время. А то ещё посадили вареную картошку, чтобы потом не

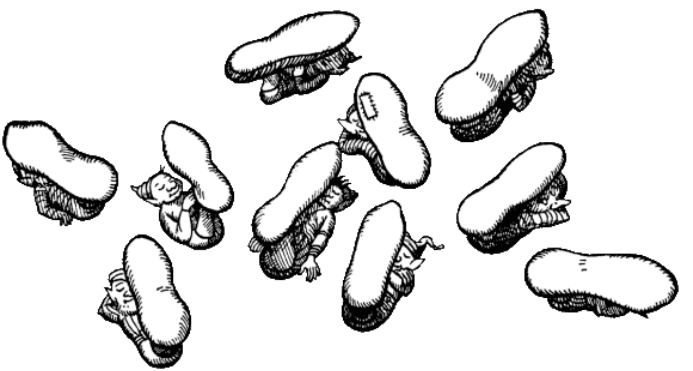
варить. Однажды в чан с молоком свалился кот, и двадцать охламонов вычерпали всё молоко, вместо того чтобы выловить кота. Хорошо хоть он не успел захлебнуться. Однако ты уже поела. Пойдём, посмотрим на них.

Они прошли в другую комнату, заставленную странными предметами и приборами — моделями Солнечной системы, астролябиями, хроноскопами, стихометрами и многими другими.

Волшебник подвёл Люси к окну и сказал:

— Вот они, твои охламоны.

— Я никого не вижу, — сказала Люси. — А что это за грибы?

То, на что она указала, и впрямь походило на грибы, только очень большие, фута в три.

Приглядевшись как следует, Люси обнаружила, что ножки грибов прикреплены к шляпкам не посередине, а с краю. У основания каждой ножки, в траве, лежал какой-то тючок. Чем больше Люси смотрела, тем меньше загадочные штуки казались ей грибами. Шляпка была не круглой, а вытянутой и к концу расширялась. Штук этих было очень много, не меньше пятидесяти.

Часы пробили три раза.

И тут все грибы перевернулись вверх тормашками. Тючки превратились в тела и головы, ножки — в ноги. Да, у каждого тела оказалось не по две ноги, а по одной (и не с левой или правой стороны, как у одноногих, а прямо посередине). Заканчивалась нога огромной ступнёй, обутой в длинный и широкий башмак с загнутым носом — ни дать ни взять маленькая лодочка. Люси сразу поняла, почему охламоны показались ей огромными грибами: они лежали на спине, высоко подняв ступню. Позже она узнала, что они всегда так спят: ступня защищает от дождя и солнца, и лежать под ней не хуже, чем под тентом.

— Ой, какие смешные! — засмеялась Люси. — Это вы их такими сделали?

— Да, — сказал волшебник. — Я превратил их в однотопов. — Он тоже смеялся до слёз. — Смот-

ри-ка!

И впрямь, посмотреть стоило. Одноногие создания не могли ни ходить, ни бегать — они прыгали, будто блохи или лягушки. И как высоко, будто на пружине! Какой получался звук! Его и слышала вчера Люси. Однотопы прыгали туда и сюда, крича друг другу:

— Эй, ребята! Нас опять видно!

— Да, нас опять видно, — сказал один из них в красном колпачке с кисточкой, и Люси по голосу узнала Главного. — Я всегда говорю: если тебя видно, значит, тебя можно увидеть.

— То-то и оно! — закричали все. — В том-то и дело! Ну и голова! Лучше не придумаешь, умнее не скажешь!

— Наша взяла! — сказал Главный. — Молодец девица! Обошла старичка, ничего не попишешь!

— То-то и есть, то-то и есть! — поддержал его хор. — Именно обошла! Ну и Главный у нас, всё умней и умней!

— Как они смеют так говорить о вас? — возмутилась Люси. — Ещё вчера они вас боялись. Неужели они не понимают, что вы можете их услышать?

— Такие уж они, охламоны, — ответил волшебник. — То ведут себя так, словно я всё время

подглядываю и подслушиваю, и ужасно меня боятся. А то вдруг вообразят, что меня можно провести, как маленького ребёнка.

— Станут они такими, как прежде? — спросила Люси. — Жестоко оставлять их, как есть, или не очень? Интересно, что они сами думают? С виду они вполне счастливы. А как скачут! Какие они были раньше?

— Простые гномы, — ответил волшебник. — Только не такие милые, как в Нарнии.

— Тогда, пожалуй, лучше не возвращать им прежний вид. Они такие смешные… даже хорошенькие. Как вы думаете, стоит им это сказать?

— Стоит, конечно, если они поймут.

— А вы пойдёте со мной?

— Нет, нет, лучше иди без меня.

— Большое вам спасибо за обед, — сказала Люси и быстро вышла из комнаты. Она бегом спустилась по той же самой лестнице, по которой с таким страхом поднималась утром, и налетела внизу на Эдмунда. Остальные тоже были здесь. Люси стало неловко, когда она увидела их встревоженные лица, — сама она забыла про своих друзей.

— Всё в порядке! — крикнула она. — Волшебник — просто прелесть! И еще я видела его, Аслана!

И она, словно ветер, помчалась в сад. Земля там буквально сотрясалась от прыжков, а воздух звенел от радостных криков. Когда однотопы увидели Люси, шум и грохот усилились.

— Идёт! Идёт! — закричали они. — Да здравствует наша девица! Ура! Ура! Обошла старичка, молодец!

— Нам очень жаль, — сказал Главный однотоп, — что ты не видишь нас в прежнем обличье. Ты бы глазам своим не поверила. Стали мы, надо сказать, просто уродами.

— То-то и оно! — радостно откликнулись однотопы, скакавшие вокруг него.

— Ну нет, — громко сказала Люси, стараясь перекричать их. — По-моему, вы очень красивые.

— Слушайте, слушайте! — закричали однотопы. — То-то и оно! Красивые! Лучше нас и не найдёшь! Молодец девица!

Они ничуть не удивились, вообще не заметили, что говорят совсем другое.

— Она хочет сказать, — пояснил Главный, — что мы были прекрасны до того, как стали уродами.

— Именно, именно! — завопил хор. — Так оно и есть! Сами слышали!

— Ничего подобного! — воскликнула Люси. — Я только сказала, что вы *сейчас* красивые.

— Именно, именно! — откликнулся Главный. — Так и сказала: «Тогда».

— Слушайте, слушайте! — зашумели однотопы. — И его, и её! Оба молодцы!

— Да ведь мы говорим прямо противоположные вещи! — рассердилась Люси.

— Вот оно, противоположные! — подтвердили однотопы. — Совершенно противоположные! Куда уж противоположней!

— От вас с ума можно сойти, — сказала Люси.

Но однотопы остались довольны беседой, и Люси решила, что печалиться не стоит.

А вечером произошёл случай, который ещё больше примирил однотопов с их нынешним положением. Каспиан и его друзья отправились на берег, чтобы сообщить новости тем, кто остался на борту. Однотопы пошли с ними, подпрыгивая, как мячи. По пути они так шумели, что Юстэс крикнул:

— Лучше бы волшебник сделал их неслышными! — И тут же пожалел о своих словах, ибо пришлось объяснять, что неслышные — это те, кого не слышно, но они ничего не поняли. Особенно огорчился он, когда они заорали: «Куда ему до нашего Главного! Вот бы у кого поучился! Уж кто оратор, тот оратор!» Когда они подошли к

берегу, Рипичипа осенила блестящая мысль. Он спустил на воду свою лодочку, забрался в неё и стал плавать у берега, пока однотопов не проняло. Тогда он сказал им:

— Достопочтенные и многоумные однотопы! Смею обратить ваше внимание на то, что вы совершенно не нуждаетесь в лодках. У каждого из вас имеется превосходная нога, которую нетрудно приспособить для плавания. Спуститесь осторожно в воду — и вы сами в этом убедитесь.

Главный однотоп тут же сообщил прочим, что вода очень мокрая, но двое из них, помоложе, уже вняли совету Мыша. Их примеру последовали ещё несколько, а за ними и все остальные. Опыт удался на славу. Огромная ступня вполне заменяла лодку, а когда Рипичип показал, как грести, все с криком заскользили по заливу, словно флотилия маленьких лодок, на каждой из которых возвышался довольный однотоп. Тут же устроили гонки. Матросы, перегнувшись с борта, смеялись до колик и спустили с корабля призы — несколько бутылок вина.

Однотопы остались довольны своим новым именем, но почему-то всё время его перевирали. «Мы допотопы! — радостно кричали они. — Туподоны! Недотёпы! Именно, именно! Как вылитые!»

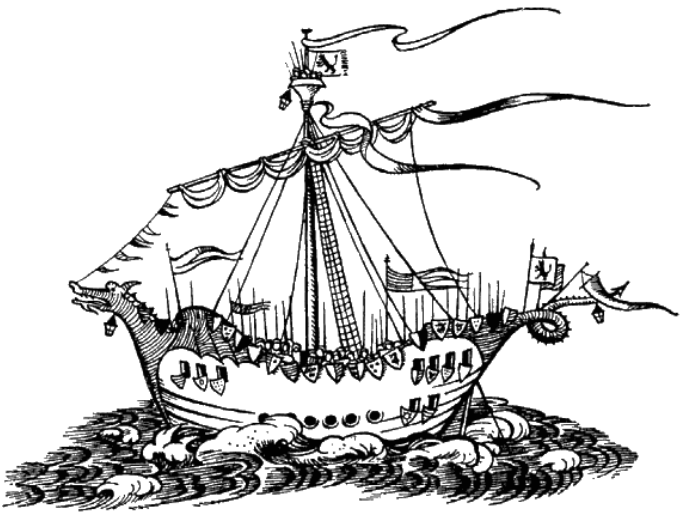
Потом они стали путать это прозвание со старым, и в конце концов окрестили себя охлотопами. Так, наверное, они и зовутся по сию пору.

Вечером все нарнийцы ужинали у волшебника, и Люси заметила, как изменилось всё наверху, когда она перестала бояться. Таинственные знаки на дверях были по-прежнему таинственными, но казались добрыми и смешными, а бородатое зеркало стало скорее забавным, чем страшным. На ужин каждый получил любимое кушанье, а когда все насытились, волшебник положил на стол два чистых листа пергамента и попросил Дриниана рассказать об их плавании. По мере того, как Дриниан говорил, рассказ его ложился рисунком на пергамент, пока, наконец, каждый лист не превратился в превосходную карту, на которой были и Гальма, и Теревинфия, и Семь Островов, и Одинокие Острова, и Горелый, и Остров Мёртвой Воды и даже Остров Охлотопов. Эти первые карты Восточных морей оказались и лучшими, сколько их потом ни составляли, ибо города и горы с первого взгляда выглядели, как на обычных картах, но если посмотришь через увеличительное стекло, оказывалось, что это картинки, на которых отчётливо видны и крохотный замок, и невольничий рынок, и улицы

Узкой Гавани, словом — всё, такое маленькое, будто смотришь в перевёрнутый бинокль. Одно было плохо — береговая линия многих островов прерывалась, поскольку карта показывала только то, что Дриниан видел собственными глазами. Волшебник оставил одну карту у себя, другую подарил Каспиану, и она до сих пор висит в его дворце. О морях и островах к востоку от охлотопов волшебник не знал ничего, только сказал, что семь лет тому назад к ним на остров заходил нарнийский корабль, на котором плыли лорд Ревелиан, лорд Аргоз, лорд Мавроморн и лорд Руп. И моряки наши поняли, что золотой человек на дне Мёртвого озера был лорд Рестимар.

На следующий день волшебник починил — то есть заколдовал корму, повреждённую Морским Змеем, и подарил мореплавателям много полезных вещей. Распрощались как друзья, и, когда в два часа дня корабль отплыл от острова, охлотопы долго плыли за ним следом, шлёпая ступнёй по воде и громко крича, пока не скрылись из виду.

Глава двенадцатая
Тёмный остров

Потом двенадцать дней они плыли на юго-восток, подгоняемые слабым попутным ветром. Было тихо и тепло, но ни птиц, ни рыб никто не видел. Только однажды вдоль правого борта долго плыли киты, пуская высокие фонтаны. Люси и Рипичип подолгу играли в шахматы. На

тринадцатый день Эдмунд увидел из смотровой корзины слева по борту какую-то тёмную гору, поднимающуюся из воды.

Они изменили курс и двинулись к острову на вёслах, ибо попутного ветра не было. Вечером они всё ещё гребли, гребли и ночью. На следующий день погода была прекрасная, но ветер совсем утих. Тёмная масса казалась ближе и больше, но разглядеть её было трудно, и одни думали, что до острова ещё далеко, а другие считали, что приближаются к полосе тумана.

Однако часам к девяти странная глыба вдруг оказалась так близко, что они увидели: это не земля и даже не туман, а тьма. Описать её довольно трудно, но попробуйте представить, что вы стоите у железнодорожного туннеля, такого длинного и извилистого, что конца не видно. В самом начале ещё различишь шпалы, рельсы, гравий, потом мрак сгущается, и, наконец, все исчезает в однородной тьме. Так было и теперь. В нескольких футах от корабельного носа вода ещё отливала зеленовато-синим, потом становилась блёклой и серой, как в глубоких сумерках, а ещё дальше была полнейшая темень, как в безлунную и беззвёздную ночь.

Каспиан громко приказал остановиться, и все,

кроме гребцов, бросились к носу смотреть. Но никто ничего не увидел. Позади было море и солнце, впереди — тьма.

— Попробуем пройти? — крикнул Каспиан.

— Не советую, — отвечал Дриниан.

— Капитан прав, — поддержали матросы.

— Я тоже так считаю, — сказал Эдмунд.

Люси и Юстэс молчали, но сами радовались такому решению, и тут звонкий голос Рипичипа нарушил тишину:

— Почему же нам не двинуться вперёд? Может мне кто-нибудь объяснить?

Никто не мог, и рыцарь продолжал:

— Если бы я обращался к рабам или деревенским домоседам, я знал бы, что они просто трусят. Но позволю себе надеяться, в Нарнии никогда не услышат, что лица королевской крови в полном расцвете сил поджали хвост лишь потому, что испугались темноты.

— Какой же толк плыть дальше? — спросил Дриниан.

— Толк? — вскричал Рипичип. — Если вы, капитан, видите толк лишь в набитом желудке или кошельке, я отвечу: никакого. Смею надеяться, мы отправились в плавание не ради толка, а ради славы и приключений. Перед нами самое пре-

красное приключение, какое только бывает, и, если мы повернём назад, славы мы не дождёмся.

Несколько матросов пробормотали что-то вроде «Пропади она пропадом, эта слава», но Каспиан сказал:

— Ох, и беспокойный же ты, Рипичип! Сидел бы ты лучше дома… Ну, ладно, придётся плыть дальше, если Люси не возражает.

Люси хотела бы возразить, но сказала:

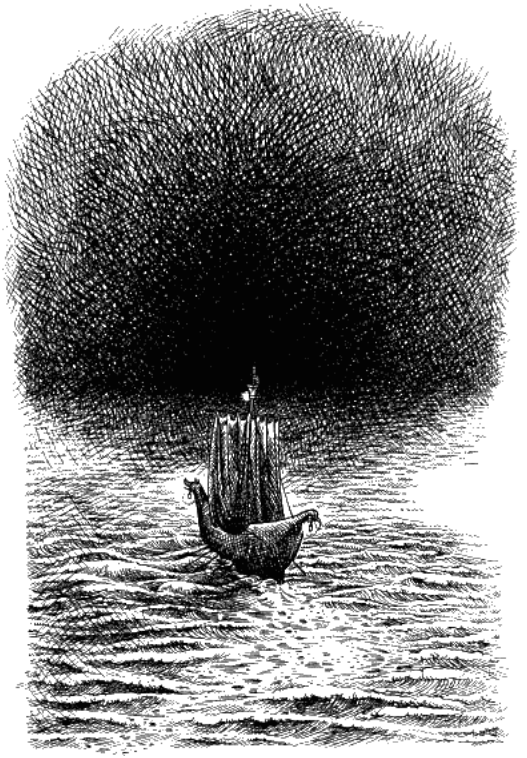
— Нет, что ты!

— Ваше величество, прикажите хоть огни зажечь! — крикнул Дриниан.

— Разумеется, — отвечал король. — Позаботьтесь об этом, милорд.

Зажгли фонари на корме, на носу и на мачте и два факела просто на палубе. Солнце сияло, и они светили блёкло и слабо. Потом все мужчины, кроме гребцов, выстроились на палубе с мечами наголо. Люси и двое лучников разместились на боевой вышке, натянув луки. Ринельф стоял на носу, готовый подать сигнал. Рипичип, Эдмунд, Юстэс и Каспиан в сверкающей кольчуге держались вместе. Дриниан стоял за штурвалом.

— Да будет с нами Аслан! — вскричал Каспиан. — Самый тихий ход. Молчите и слушайте команду.

Тяжело, со скрипом упали на воду вёсла, и «Покоритель зари» стал продвигаться вперёд. Люси удалось уловить миг, когда они вошли во тьму. Нос уже не был виден, когда последние

солнечные лучи скользнули по корме. И корма, и море, и небо ярко сверкнули — и исчезли, только фонарь едва различимым пятном обозначал, где кончается корабль. Перед фонарём чернела тень припавшего к штурвалу Дриниана. В свете факелов можно было различить часть палубы, мерцание мечей и шлемов и ещё один островок блёклого света на носу. Люси казалось, что смотровая корзина, освещённая фонарём с верхушки мачты, движется сама по себе. Все фонари светили тускло и мёртво — они всегда так светят, если зажжёшь их ночью. И ещё Люси казалось, что становится холодно.

Никто не знал, как долго они шли сквозь тьму. Только по скрипу уключин и плеску вёсел можно было догадаться, что они движутся. Как ни напрягался Эдмунд, он ничего не мог различить, кроме отблесков фонаря у самого борта, но даже этот отблеск казался мутным, а рябь за бортом — медленной, мелкой и мёртвой. Вскоре все на палубе стали дрожать от холода.

Вдруг откуда-то (никто уже не понимал, куда они плывут) раздался дикий крик. То ли это кричал не человек, то ли от ужаса голос его стал не таким, как у людей.

Каспиан попытался заговорить, но у него пе-

ресохло в горле, и тут все услышали звонкий голосок Рипичипа, звучащий очень громко в полной тишине:

— Кто ты? Если ты — враг, мы не боимся тебя! Если ты друг, твои враги научатся бояться нас.

— Спасите! — прокричал голос. — Спасите! Даже если вы снитесь мне, спасите меня! Возьмите меня на борт! Убейте, что хотите сделайте, только не исчезайте! Не оставляйте меня в этом ужасном месте!

— Где вы? — закричал Каспиан. — Мы вас возьмём. Подплывайте к борту.

Снова раздался крик — то ли радости, то ли ужаса, — и они услышали, что кто-то плывёт к кораблю.

— Встаньте здесь, чтобы поднять его, — приказал Каспиан.

— Есть, ваше величество, — ответили матросы. Несколько человек стали у правого борта с верёвками, а один, свесившись за борт, держал факел. Из темноты появилось бледное лицо, и, поднатужившись, дюжина рук втащила незнакомца наверх.

Эдмунд подумал, что никогда не видел такого дикого человека. Он был не стар, но волосы его свисали длинными седыми прядями, худое лицо

искажал ужас, а одежда давно превратилась в лохмотья. Больше всего поражали глаза — они были так широко открыты, что казалось, будто у несчастного нет век. Едва коснувшись палубы, он сказал:

— Бегите! Скорее плывите обратно! Гребите, пока не выберетесь из этого гиблого места!

— Успокойся, — сказал Рипичип, — и скажи, что нам угрожает? Мы не из тех, кто спасается бегством.

Незнакомец с ужасом воззрился на мышиного рыцаря.

— Всё равно бегите, — задыхаясь, повторил он. — На этом острове сны становятся явью.

— Его-то я и искал! — воскликнул один матрос. — Я женюсь на Нэнси, как только мы причалим.

— А я увижу Тома живым, — отозвался другой.

— Глупцы! — закричал незнакомец. — Из-за таких мечтаний я и попал сюда! Ах, лучше бы я утонул или не родился! Слышали, что я сказал? Здесь сны становятся явью. Не грёзы и мечты, а сны, ночные сновидения.

На минуту воцарилась тишина, затем вся команда бросилась к главному люку. Все сели на весла и принялись грести как можно сильнее.

Дриниан склонился к штурвалу, боцман быстро отдавал команды. За эту минуту каждому припомнились такие сновидения, после которых страшно заснуть снова.

Только Рипичип не двинулся с места.

— Ваше величество, — сказал он, — неужели вы одобряете этот мятеж? Это же паника, это просто бегство.

— Гребите, гребите! — кричал Каспиан. — Гребите изо всех сил! Говори что хочешь, Рипичип. Есть вещи, которых человеку не вынести.

— Тогда я рад, что не родился человеком, — холодно отвечал Рипичип, кланяясь своему повелителю.

Люси тоже слышала слова незнакомца и припомнила страшный сон, который давно старалась забыть, — так отчётливо, словно только что проснулась. Ей захотелось спуститься на палубу, к Эдмунду и Каспиану. Но что толку? Если здесь оживают сны, Эдмунд и Каспиан могут превратиться в чудищ. Она крепко ухватилась за перила смотровой вышки и постаралась успокоиться. Матросы гребли назад, к свету, изо все сил; еще несколько минут, думала она, и все будет позади. Ах, только бы побыстрее!

Хотя вода под вёслами шумно плескалась, кру-

гом царила непроницаемая тишина. Каждый знал, что лучше не прислушиваться, но удержаться никто не смог. И вскоре все что-то услышали, каждый — своё.

— Ножницы лязгают, слышите? — сказал Ринельфу Юстэс.

— Тс-с, — прошептал Ринельф, — я слышу, как они карабкаются на борт.

– *Оно* лезет на мачту, — проговорил Каспиан.

— О-о!.. — застонал один матрос. — Это колокол… Так я и знал.

Стараясь ни на кого не смотреть, а главное — не оглядываться, Каспиан прошёл на корму.

— Милорд, — тихо сказал он Дриниану, — долго ли мы гребли во тьме до того места, где подобрали незнакомца?

— Минут пять, — прошептал Дриниан, — а что?

— А то, что мы плывём гораздо дольше.

Руки капитана вздрогнули, и холодный пот показался на лбу. О том же самом думали и другие.

— Мы никогда отсюда не выберемся! — роптали матросы. — Мы никуда не плывём, просто кружим на месте.

Незнакомец, который лежал, прислонившись к чему-то на палубе, сел и страшно засмеялся.

— Никогда не выберемся! — крикнул он. — Да, никогда отсюда не выберемся! А я, дурак, надеялся, что меня так легко отпустят! Нет, никогда мы отсюда не выберемся!

Люси прислонилась головой к мачте и прошептала:

— Аслан, Аслан, если ты любишь нас, помоги. — Темнота больше не сгущалась, и она почувствовала себя немного получше. «В конце концов, с нами ещё не случилось ничего страшного», — подумала она.

— Смотрите, — хрипло прозвучал голос Ринельфа, стоящего на носу. Впереди показалось пятнышко света, и, пока они смотрели, яркий луч упал на корабль. Вокруг корабля по-прежнему было темно, но сам он оказался в полосе света, словно в луче прожектора. Каспиан зажмурился, оглянулся и увидел искажённые, застывшие лица своих спутников. Все смотрели в одну сторону, за каждым лежала тёмная, чётко очерченная тень.

Люси вгляделась в свет и наконец что-то увидела. Сначала это напоминало крест, потом — самолёт, потом — воздушного змея, а потом стало видно, что это альбатрос. Он сделал три круга над мачтой, присел на золочёный гребень дракона, что-то крикнул — никто ничего не разо-

брал — и, расправив крылья, медленно полетел вперёд, держась ближе к правому борту. Дриниан следовал за ним, не сомневаясь, что птица указывает им путь. Но никто, кроме Люси, не слышал, что, кружась над мачтой, альбатрос сказал: «Не бойся, моя дорогая!» Она узнала голос Льва и ощутила дивное благоухание.

Через несколько минут темнота превратилась в серую пелену, и вдруг, в одно мгновение, их вынесло в освещённый солнцем тёплый и голубой мир. Тогда все поняли, что бояться нечего. Все моргали и оглядывались, удивляясь, что корабль всё такой же светлый и тьма не запятнала его белизну, зелень и золото. Потом, один за другим, все начали смеяться.

— Ну и дураки мы были! — сказал Ринельф.

Люси поскорее спустилась на палубу, где все собрались вокруг незнакомца. Он стоял, онемев от счастья, смотрел на море широко открытыми глазами и ощупывал канат, словно хотел убедиться, что всё это наяву, а по его щекам текли слёзы.

— Спасибо, — проговорил он наконец. — Вы спасли меня от… нет, не хочу говорить. А теперь скажите, кто вы такие. Сам я из Нарнии и звали меня когда-то лордом Рупом.

— А я — твой король, милорд, — сказал Кас-

пиан. — Мы отправились в плавание, чтобы отыскать тебя и твоих спутников, друзей моего отца.

Лорд Руп опустился на одно колено и поцеловал руку королю.

— Ваше величество, — сказал он, — именно вас я и мечтал увидеть больше всего на свете. Окажите мне милость!

— Какую же? — спросил Каспиан.

— Никогда не возвращайте меня туда, — и он показал назад. Все обернулись, но увидели только синее море и небо. Остров Тьмы исчез без следа.

— Что это?! — воскликнул лорд Руп. — Вы её развеяли!

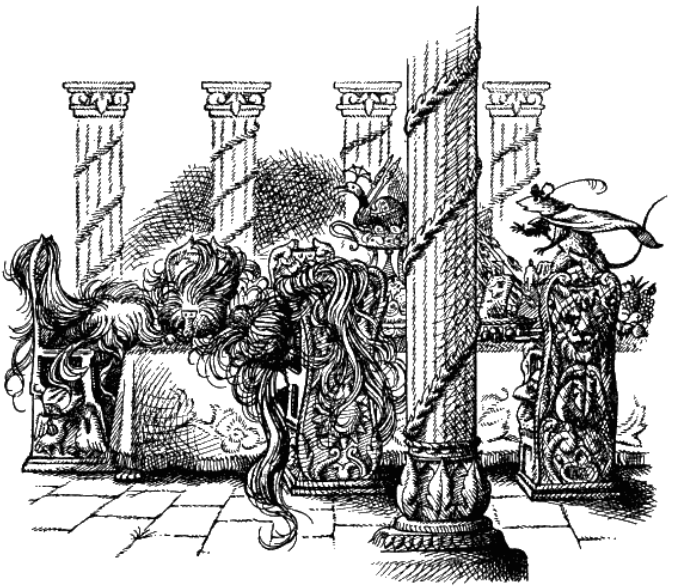
— Не думаю, что это мы, — ответила Люси.

— Ваше величество, — сказал Дриниан, — ветер юго-восточный. Могу ли я крикнуть гребцов наверх и поставить парус? А тем, кто свободен, нужно бы отдохнуть.

— Можешь, — отвечал Каспиан, — и пусть принесут грогу. Ох, я просплю хоть целые сутки!

Так плыли они весь день под юго-восточным ветром; и никто не заметил, когда исчез альбатрос.

Глава тринадцатая
Три спящих лорда

Ветер не прекращался, но слабел с каждым днём, так что волны превратились в мелкую рябь и корабль скользил по морю, как по озеру. Каждую ночь на востоке появлялись новые

созвездия, которых никто не видел в Нарнии и, думала Люси с радостью и страхом, вообще никто ещё не видел. Новые звёзды были крупными и яркими, ночи тёплыми. Почти все спали теперь на палубе и долго засиживались за разговорами или, склонившись над бортом, смотрели, как пляшет светящаяся пена.

В один невыразимо прекрасный вечер, когда позади раскинулся пурпурный и алый закат, а небо стало больше, они заметили справа по борту какой-то остров. Он медленно приближался; мысы и склоны, освещённые заходящим солнцем, ослепительно пламенели. Вскоре корабль шёл вдоль побережья. Позади, на фоне алого неба, словно вырезанный из картона, чернел западный мыс. На острове не было гор, зато там были невысокие пологие холмы, вроде подушек. С берега доносилось благоухание, которое Люси назвала нежно-лиловым, Эдмунд сказал (а Ринс подумал): «Что за чушь!», а Каспиан сказал: «Я понимаю». Они плыли долго, минуя мыс за мысом, надеясь найти бухту поглубже, но не нашли и бросили якорь в мелком маленьком заливе. Хотя море было спокойное, у самого острова сильная волна не давала подвести корабль так близко к берегу, как хотелось. Доплыв до берега в лодке,

они порядком промокли (лорда Рупа, заметим, оставили на борту, так как он не желал даже видеть никаких новых островов). Всё время, пока они были на острове, в ушах стоял монотонный шум прибоя.

Оставив двух матросов караулить лодку, Каспиан повёл остальных в глубь острова, не слишком, впрочем, далеко, поскольку время было позднее и приближалась ночь. Но оказалось, что за приключениями совсем не нужно далеко ходить. В плоской долине, примыкающей к бухте, не было ни дорог, ни тропинок, ни других признаков человека. Под ногами росла мягкая трава, там и сям усеянная цветущими кустиками, которые Эдмунд и Люси приняли за вереск. Юстэс, неплохо разбиравшийся в ботанике, сказал, что это никакой не вереск, и не ошибся; но всё же на вереск эти цветы походили.

Не успели наши герои отойти от берега на расстояние выстрела из лука, как Дриниан сказал:

— Смотрите! Что это? — И все остановились.

— Высокие деревья? — предположил Каспиан.

— Или башни, — сказал Юстэс.

— А может быть, великаны? — прошептал Эдмунд.

— Сейчас узнаем, — решительно сказал Ри-

пичип и, вынимая на ходу шпагу из ножен, устремился впереди всех к непонятным предметам.

— Кажется, это руины, — сказала Люси, когда они подошли поближе, и оказалась права. Перед ними лежала просторная площадка, вымощенная гладким камнем и окружённая с двух сторон серыми колоннами. Между колоннами стоял очень длинный стол, накрытый пурпурной скатертью, спускавшейся до самого пола, и каменные стулья, украшенные искусной резьбой, с шёлковыми подушками на сиденьях. Стол ломился от яств. Такого изобилия не знали даже при Верховном Короле Питере в Кэр-Паравале. Здесь были и индейки, и гуси, и фазаны, и цесарки, и окорока, и холодное мясо, и причудливые пироги в виде кораблей, слонов и драконов, и мороженое, и ярко-алые раки, и светящаяся сёмга, и виноград, и орехи, и ананасы, и персики, и гранаты, и дыни. Здесь были золотые и серебряные кубки, хрустальные графины, а запах вина и фруктов летел навстречу, суля небывалое блаженство.

— Ну и ну! — ахнула Люси.

Путники подошли поближе.

— Где же гости? — спросил Юстэс.

— Мы и будем гостями! — сказал Ринс.

— Взгляните! — пронзительно вскрикнул Эдмунд. Они ступили уже на мощёный пол между колоннами (крыши над ними не было) и оглянулись в ту сторону, куда Эдмунд показывал. Во главе стола что-то темнело, словно три довольно больших вороха.

— Что это? — прошептала Люси. — Как будто три бобра на столе…

— Или птичьи гнёзда, — сказал Эдмунд.

— Нет, стога сена, — сказал Каспиан.

Но тут Рипичип выбежал вперёд, вспрыгнул на стул, с него — на стол и быстро побежал по нему, ловко петляя между драгоценными кубками и солонками из слоновой кости. Он подбежал к таинственным серым кипам, присмотрелся, дотронулся до них и крикнул:

— Сражаться они не могут!

Все присмотрелись и увидели, что там сидят три человека, хотя для того, чтобы признать в них людей, пришлось подойти вплотную. Длинные седые волосы закрывали их лица, три бороды спускались на стол, обвивая тарелки и кубки, как вьюнок обвивает изгородь, сплетались в один запутанный клубок и через край стола падали на пол. По спинкам стульев спускались волосы, так что все трое скрывались в густой чаще. Словом,

кроме волос, не было видно ничего.

— Они мертвы? — спросил Каспиан.

— Кажется, нет, — отвечал Рипичип, обеими лапками поднимая из вороха волос чью-то руку. — У этого рука тёплая и прощупывается пульс.

— У этих двоих тоже, — сказал Дриниан.

— Значит, они просто спят, — сказал Юстэс.

— Сколько же они спят, если так обросли? — удивился Эдмунд.

— Наверное, они заколдованы, — сказала Люси. — Я сразу почувствовала, что здесь полно чар. Может быть, мы их и расколдуем?

— Попробуем, — сказал Каспиан и сильно потряс того, кто сидел ближе. На мгновение всем показалось, что его удалось разбудить: он глубоко вздохнул, пробормотал: «Хватит с меня, гребите в Нарнию!» — и заснул ещё крепче. Тяжёлая голова снова припала к столу, и, сколько его ни трясли, ничего не вышло. Не вышло ничего и со вторым. «Мы люди, а не свиньи», — пробормотал он и захрапел. А третий едва слышно проговорил: «Горчицу, пожалуйста» — и тоже крепко уснул.

— Он сказал: «Гребите в Нарнию»? — спросил Дриниан.

— Да, — отвечал Каспиан. — Кажется, наши

поиски подошли к концу. Взгляни на их кольца. Узнаёшь гербы? Это лорды Ревелиан, Аргоз и Мавроморн.

— Их не разбудишь, — сказала Люси. — Что же нам делать?

— Прошу прощения, ваше величество, — сказал Ринс. — Пока вы обсуждаете этот вопрос, почему бы команде не подкрепиться? Такое угощение не каждый день встретишь!

— Ни в коем случае! — поспешно воскликнул Каспиан.

— Верно, верно, — согласились несколько матросов. — Что-то тут многовато колдовства. Чем быстрее мы вернёмся на корабль, тем лучше.

— Сперва надо узнать, — сказал Рипичип, — не от этой ли еды они заснули лет на семь.

— Я и под угрозой смерти к ней не притронусь, — сказал Дриниан.

— Как быстро темнеет! — заметил вдруг Ринс.

— На корабль, на корабль, — заволновались матросы.

— В самом деле, — сказал Эдмунд, — они правы. Мы решим завтра, что делать с лордами. Есть эту еду всё равно нельзя, так что оставаться здесь незачем. Тут пахнет колдовством, да и опасностью.

— Я согласен с королем Эдмундом, — сказал Рипичип, — в той степени, в какой слова его относятся к команде. Что же до меня, я собираюсь встретить солнце за этим столом.

— Почему? — спросил Юстэс.

— Приключение это опасно, — ответил Мыш, — но для меня куда опасней, если, вернувшись в Нарнию, я услышу, что рыцарь Рипичип побоялся разгадать тайну.

— Я останусь с тобой, — сказал Эдмунд.

— Я тоже, — сказал Каспиан.

— И я, — сказала Люси.

Тогда и Юстэс вызвался остаться. С его стороны это было очень смело, если помнить, что он никогда не читал и даже не слышал о таких вещах.

— Ваше величество, позвольте и мне… — начал Дриниан.

— Нет, милорд, — сказал Каспиан, — твоё место на корабле. К тому же ты немало потрудился днём, когда мы бездельничали.

Спорить пришлось долго, но в конце концов Каспиан настоял на своем. Когда матросы во главе с Дринианом отправились на корабль, оставшиеся, кроме Рипичипа, ощутили неприятный холодок под ложечкой.

Немало времени ушло у них на то, чтобы вы-

брать себе место. Мысли были у всех одинаковые, хотя никто не сказал ни слова. С одной стороны, страшно просидеть всю ночь рядом с ужасными волосатыми созданиями — конечно, не мёртвыми, но и не совсем живыми. С другой стороны, сидеть далеко от них, всё хуже различая их в ночной тьме, тоже страшновато — кто их знает, еще проснутся! Так все и ходили вокруг стола, размышляя: «Может быть, здесь?», или: «Пожалуй, чуть дальше», или: «Нет, лучше на той стороне!», пока, наконец, не примостились где-то посередине, немного ближе к спящим, чем к дальнему краю. Было около десяти часов, почти совсем стемнело. На востоке взошли совсем незнакомые, странные созвездия. Люси очень хотелось, чтобы это были Леопард, Корабль и другие старые знакомцы с нарнийского неба.

Путники закутались в морские плащи и стали ждать. Сначала они попробовали беседовать, но разговор не клеился, и они сидели молча, прислушиваясь к ударам волн.

После долгих часов ожидания, показавшихся им годами, они незаметно задремали — и одновременно очнулись. Звёзды были уже на других местах, небо стало густо-чёрным, лишь на востоке едва брезжил сероватый свет. Все замерзли,

хотели пить, но никто не сказал ни слова, потому что как раз в эту минуту что-то, наконец, произошло.

Прямо перед ними, за колоннами, виднелся невысокий холм. Неожиданно в склоне холма распахнулась дверь, в просвете появился кто-то, и дверь захлопнулась. Человек держал в руке свечу — собственно говоря, только свечу они и видели. Свет медленно приближался, пока, наконец, не остановился у самого стола. Перед ними стояла высокая девушка в длинном голубом платье без рукавов. Золотистые волосы падали ей на спину. Взглянув на неё, все подумали, что никогда не знали, что такое красота.

Девушка поставила на стол длинную свечу в серебряном подсвечнике. Ветер, дувший с моря, внезапно утих, и пламя горело так прямо, так неподвижно, словно свеча стояла в комнате с закрытыми окнами. Золото и серебро на столе сверкало в лучах света. А Люси заметила то, чего не видела прежде, — острый каменный нож, очень древний и очень страшный.

До этих пор никто не произнес ни слова. Теперь Рипичип, за ним Каспиан, за ними все остальные поднялись из-за стола, ибо поняли, что перед ними знатная дама.

— Путники, прибывшие издалека к столу Аслана, — сказала она, — почему вы не едите и не пьете?

— Госпожа моя, — ответил Каспиан, — мы не отважились отведать этой еды, ибо решили, что именно она погрузила в колдовской сон наших друзей.

— Они к ней и не прикоснулись, — сказала девушка.

— Пожалуйста, — попросила Люси, — расскажите, что с ними случилось.

— Семь лет тому назад, — сказал девушка, — они приплыли сюда. Паруса у них были изорваны в лохмотья, а сам корабль разваливался на части. С ними было несколько матросов, и, когда они подошли к столу, один из них сказал: «Чудесное место! Довольно мы плавали. Останемся здесь и кончим наши дни в покое». «Нет, лучше запасемся провизией и вернёмся в Нарнию, — сказал другой. — Быть может, Мираз уже умер». Но третий, очень властный с виду, воскликнул: «Только не это! Мы люди, а не свиньи. Жить нам осталось немного, так посвятим же последние дни поискам земель, которые лежат восточнее восхода!» И он схватил со стола каменный нож, чтобы отстаивать свою правоту. Но не ему трогать этот нож.

Едва он сжал рукоять, как все трое заснули. Им суждено спать до тех пор, пока с них не снимут заклятие.

— А что это за нож? — спросил Юстэс.

— Неужели никто из вас не знает? — удивилась девушка.

— Я… мне кажется… — сказала Люси, — видела такой же нож у Белой Колдуньи, когда она много лет тому назад убила на Каменном Столе Аслана.

— Это он и есть, — сказала девушка. — Он будет лежать здесь в чести и славе, пока стоит мир.

Эдмунд, который смущался всё больше и больше, проговорил:

— Простите меня, миледи! Не думайте, что я боюсь дотронуться до этой еды… и обижать вас я не хочу… Однако мы испытали много странных приключений и знаем, что вещи не всегда бывают тем, чем кажутся. Когда я гляжу на вас, я верю тому, что вы рассказываете, но ведь так же было и с Колдуньей. Как убедиться, что вы нам друг?

— Никак, — сказала девушка. — Вы можете верить мне, можете не верить.

И тут послышался тоненький голосок.

— Ваше величество! — сказал мышиный рыцарь. — Будьте любезны, наполните мне кубок вон из того графина, мне не под силу поднять его самому. Я хочу выпить вина за здоровье нашей прекрасной хозяйки.

Каспиан налил, а Рипичип, стоя на столе, поднял золотой кубок крошечными лапками и произнес:

— За ваше здоровье, миледи!

Он осушил кубок, отщипнул кусочек холодной цесарки — и вскоре вся компания последовала его примеру. Все изрядно проголодались, и еда, хоть и не очень подходила для завтрака, прекрасно годилась для позднего ужина.

— Почему вы назвали этот стол столом Делана? — спросила Люси немного погодя.

— Аслан повелел здесь его поставить, — отвечала девушка, — для тех, кто прибыл издалека. Некоторые называют этот остров краем света, ибо дальше на восток земель нет.

— Как вы храните еду? — спросил практичный Юстэс.

— Её съедают каждый день, и появляется новая, — ответила девушка. — Скоро вы сами увидите.

— Что же нам делать со спящими лордами? — спросил Каспиан. — В том мире, из которого прибыли мои друзья, — и он кивнул в сторону Юстэса, Эдмунда и Люси, — есть сказка о принце, попавшем в спящий замок. Чтобы развеять чары, принцу пришлось поцеловать принцессу.

— А у нас наоборот, — сказала девушка. — Чтобы поцеловать принцессу, надо развеять чары.

— Если так, — воскликнул Каспиан, — во имя Аслана, скажите мне, что делать?

— Это скажет мой отец, — отвечала девушка.

— Отец? — удивились все. — Кто он и где он?

— Смотрите, — сказала девушка и указала на дверь в склоне холма, которая теперь видна была лучше, ибо, пока они разговаривали, звёзды поблекли и серую мглу на востоке прорезали белые лучи.

Глава четырнадцатая

Там, где начинается край света

Дверь медленно отворилась, и появился чело-

век, такой же высокий и прямой, как девушка, но не такой стройный. Свечи у него не было, но сам он излучал свет. Когда он приблизился, Люси увидела, что это старик. Длинная серебристая борода спускалась к его босым ногам, серебристые волосы падали до самой земли, а одежда была соткана из серебристого руна. Он был так величав и кроток, что все молча встали.

Старик тоже молча подошел к ним и остановился по другую сторону стола, напротив дочери. Потом оба подняли руки, повернулись к востоку и запели. Я не знаю слов этой песни, потому что никто из тех, кто был там, не смог её запомнить. Позднее Люси рассказывала, что звуки были высокие, почти пронзительные, но очень красивые. «Такая прохладная, утренняя песня», — говорила она. Пока они пели, серые облака на востоке поднялись вверх, небо посветлело, море заблестело серебром. Время шло, они всё пели и пели, а восток розовел, облака исчезали, из-за моря показалось солнце, пробежав по серебру, и по золоту, и по каменному ножу.

Нарнийцам и прежде казалось, что восходящее солнце в этих морях крупнее, чем у них на родине. Они не ошиблись. Блеск его лучей, сверкающих в каплях росы, графинах и кубках, был почти

невыносим. Как говорил впоследствии Эдмунд, «многое с нами случилось в том плавании, но *самым* удивительным был этот восход солнца». Теперь они точно знали, что здесь начинается край света.

Внезапно им показалось, что из самого центра восходящего солнца к ним что-то летит. Однако смотреть туда они не могли. Вскоре в воздухе послышались голоса, вторившие песне старика и девушки на каком-то неизвестном, гортанном языке. Потом огромные птицы подлетели к столу и опустились на траву, на мощёный пол, на стол, на плечи и головы, словно выпал крупный снег. Подобно снегу, птицы не только убелили всё, но и смягчили, сгладили очертания. Выглянув из-за крыльев, Люси увидела, что одна из птиц подлетела к старику. В клюве она держала небольшой орех — нет, сверкающий уголёк, такой яркий, что на него невозможно было смотреть. И птица вложила его старику в рот.

Тогда остальные птицы перестали петь и принялись за еду. Когда они снова поднялись в воздух, всё, что можно было съесть и выпить, исчезло со стола. Сотнями и тысячами улетали птицы, унося с собой кости, скорлупу, кожуру. Они летели к восходящему солнцу, они не пели,

но от шума их крыльев громко звенел воздух. Стол остался пустым, а три нарнийских лорда по-прежнему спали непробудным сном.

Только теперь старик повернулся к гостям и приветствовал их.

— Государь мой, — сказал Каспиан, — не знаете ли вы, как снять заклятие с этих людей?

— Знаю, сын мой, и с радостью скажу тебе, — отвечал старик. — Для этого надо доплыть до самого края света и вернуться назад, оставив там хотя бы одного из своих спутников.

— А что будет с тем, кто останется? — спросил Рипичип.

— Он продолжит путь и никогда не вернётся в этот мир.

— Я этого и хочу! — воскликнул Рипичип.

— А далеко ли отсюда до края света? — спросил Каспиан. — Что там дальше, на восток от вашего острова? Какие там моря?

— Я видел их давно, — сказал старик, — и с большой высоты. Вряд ли я смогу сообщить вам то, что нужно мореплавателю.

— Вы что, летали? — невежливо спросил Юстэс.

— Я долго жил на небе, сын мой, — ответил старик. — Я — Раманду. Судя по вашему удивле-

нию, вы впервые слышите это имя. Иначе и быть не может, ибо те времена, когда я был звездой, прошли задолго до того, как вы появились в этом мире, и все созвездия успели измениться.

— Вот это да! — сказал Эдмунд. — Звезда в отставке!

— А теперь вы больше не звезда? — спросила Люси.

— Я отдыхаю, дочь моя, — ответил Раманду. — Когда, совсем уж ветхий и дряхлый, я взошёл на небо в последний раз, меня перенесли на этот остров. Теперь я не такой старый, каким был тогда. Каждое утро птица приносит мне с солнца огненную ягоду, и я становлюсь моложе. Когда я стану таким, как только что родившийся ребёнок, я снова взойду на небо (мы ведь на восточном краю земли) и еще раз исполню великий звёздный танец.

— В нашем мире, — сказал Юстэс, — звезда — это гигантский шар раскалённого газа.

— Даже в вашем мире, сын мой, это — не сама звезда, а лишь то, из чего она сделана. А в этом мире вы уже встречались со звездой, ведь вы побывали у Кориакина?

— Он тоже отдыхает? — спросила Люси.

— Не совсем, — сказал Раманду. — Его послали

править охламонами в наказание. Он мог бы еще тысячи лет сиять со мною в южном небе, если бы не один проступок…

— Что же он сделал? — поинтересовался Юстэс.

— Сын мой, — сказал Раманду, — зачем тебе знать, какие ошибки могут совершать звёзды? Итак, решайте. Согласны ли вы плыть дальше, оставив там навсегда одного из вас, и снять заклятие со спящих? Или вы повернёте назад, на запад?

— Ваше величество, — сказал Рипичип Каспиану, — о чём здесь говорить? Мы вышли в плавание, чтобы спасти лордов.

— Я тоже так думаю, — ответил Каспиан. — Да и не будь их здесь, я всё равно отправился бы дальше, на край света. Но не забывай о матросах. Они нанялись к нам на корабль, чтобы искать лордов, больше ни для чего. Если мы отправимся на восток, то будем плыть до самого конца, а никто не знает, как это далеко. Матросы — отважные люди, но я заметил, что многие из них утомлены и страстно мечтают вернуться домой. Я не могу везти их дальше без их ведома и согласия. Кроме того, с нами несчастный лорд Руп. Ему не вынести нового плавания.

— Сын мой, — сказал Раманду, — не пытайся плыть на край света с теми, кто этого не желает. Тогда ты заклятия не снимешь. Все должны знать, куда и зачем они плывут. А что это за несчастный человек, о котором ты упомянул?

Каспиан рассказал Раманду историю лорда Рупа.

— Я могу дать ему то, чего он хочет, — сказал Раманду, — на этом острове можно спать без сновидений. Пусть он сядет с этими тремя и погрузится в забвение до тех пор, пока вы не вернётесь.

— Ах, Каспиан, как чудесно! — воскликнула Люси. — Он будет так рад!

В эту минуту беседу прервали шаги и голоса — приближался Дриниан с матросами. Они с удивлением остановились перед Раманду и его дочерью, а потом, почувствовав их величие, обнажили головы. Кто-то с сожалением поглядывал на стол, уставленный пустыми тарелками.

— Милорд, — сказал король Дриниану, — пошли на корабль матроса и передай лорду Рупу, что его друзья пребывают здесь в глубочайшем сне без сновидений и он может к ним присоединиться.

Когда матрос ушёл, Каспиан велел остальным

сесть за стол и всё им рассказал. Довольно долго царило молчание, прерываемое редким шёпотом. Наконец главный оружейник встал и сказал:

— Ваше величество, многие из нас хотят узнать, как мы доберёмся домой. Сколько мы плывём, дуют западные или северо-западные ветры, если они дуют вообще. Если ветер не переменится, как мы попадем в Нарнию? Идти на вёслах — слишком долго, никаких запасов не хватит.

— Какой же ты моряк, если так говоришь? — воскликнул Дриниан. — Пора бы знать, что западный ветер преобладает в этих морях только летом и осенью, а с Нового года меняет направление. Хватит нам ветра, чтобы вернуться, еще жаловаться будете!

— Это верно, капитан, — подтвердил старый моряк, родом с Гальмы. — В январе и феврале дуют самые мерзкие штормовые ветры с востока. Будь я на вашем месте, я перезимовал бы здесь, а в обратный путь пустился бы по весне.

— Что же вы будете есть всю зиму? — спросил Юстэс.

— На этом столе, — сказал Раманду, — каждый вечер появляется королевское угощение.

— Вот это я понимаю! — закричали несколько матросов.

— Ваше величество, — проговорил Ринельф, — разрешите мне сказать. Среди матросов нет ни одного, которого принудили к плаванию. Мы все пошли добровольно. Но среди нас есть такие, которые с жадностью поглядывают на этот стол и мечтают о королевских трапезах. А не они ли в день нашего отплытия кричали о будущих подвигах и клялись, что не вернутся до тех нор, пока не увидят край света? Там, в Кэр-Паравале, осталось немало людей, готовых отдать всё, лишь бы попасть к нам на борт. Помню, место на нашем корабле считалось почётнее рыцарского звания. Не знаю, понимаете ли вы, что я хочу сказать. А сказать я хочу, что между нами и несчастными охлотопами не будет никакой разницы, если мы вернёмся в Нарнию и объявим, что побоялись плыть до края света.

Некоторые матросы поддержали его, но остальные сказали, что с них хватит.

— М-да… — прошептал Эдмунд Каспиану. — Что будем делать, если половина команды откажется?

— Подожди, — прошептал Каспиан ему в ответ. — У меня есть один козырь.

— Рип, ты хочешь что-то сказать? — спросила Люси.

— Нет, ваше величество, — ответил Рипичип так громко, что многие услышали. — Да и что мне говорить? У меня всё идёт как надо. До сих пор я плыл на корабле, а если он повернёт назад, поплыву на своей лодке. Если она утонет, я поплыву просто так, сам по себе. А не смогу больше плыть, не увижу страны Аслана — утону носом к восходящему солнцу, и во главе говорящих мышей станет Пичичик.

— Слыхали?! — воскликнул матрос. — И я готов сделать то же самое, разве что лодка меня не выдержит! — И тихо добавил: — Чтобы какая-то мышь переплюнула человека… Да ни за что!

Тогда вскочил Каспиан.

— Друзья! — сказал он. — Мне кажется, вы не совсем поняли, чего мы хотим. Вы говорите так, словно мы, подобно нищим, просим вас из милости остаться на корабле. Мы не просим ни о чем. Мои августейшие друзья, их родственник Юстэс, славный рыцарь Рипичип, лорд Дриниан и я, ваш король, отправляемся на край света. Из тех, кто захочет продолжить с нами плавание, мы отберём достойнейших. Не думаю, что всякий подойдет. Словом, я повелеваю лорду Дриниану и боцману Ринсу тщательно отобрать самых отважных, самых благородных, самых верных и

самых примерных. Список будет передан мне, а я просмотрю его и одобрю. — Он помолчал и продолжил: — Клянусь Львиной Гривой! Неужели вы думаете, что где-нибудь можно снискать такую славу? Каждый, кто отправится с нами, получит титул Покорителя Зари и передаст его своим потомкам. А когда мы вернёмся в Кэр-Параваль, ему дадут столько золота и земли, сколько нужно человеку, чтобы быть богатым до самой смерти. Теперь идите. Через полчаса лорд Дриниан принесёт мне список.

Воцарилась тишина. Матросы отвесили королю поклон, разошлись по двое, по трое и тут же принялись обсуждать королевскую речь.

— Теперь займёмся лордом Рупом, — сказал Каспиан.

Но, обернувшись к столу, увидел, что тот уже здесь. Руп подошёл незаметно и сидел теперь рядом с лордом Аргозом. Дочь Раманду стояла рядом с ним, а сам Раманду — позади, возложив обе руки на седую голову несчастного. Даже при свете дня было заметно, что из рук старика струится серебристый свет. На измождённом лице лорда Рупа появилась улыбка. Он протянул одну руку к Люси, другую — к Каспиану, словно хотел им что-то сказать. Потом его лицо озарилось

радостью, с губ слетел глубокий вздох, голова наклонилась вперёд, и он уснул.

— Бедный Руп, — сказала Люси. — Как я рада за него. Наверное, он очень много мучился.

— Лучше об этом не вспоминать, — сказал Юстэс.

Тем временем речь Каспиана (возможно, не без помощи волшебства, царившего на острове) оказала на команду как раз то воздействие, на какое он рассчитывал. Почти все матросы, роптавшие прежде, теперь думали только о том, как бы остаться на корабле. Всякий раз, когда еще один матрос говорил, что хочет плыть дальше, те, кто пока не решился, чувствовали себя всё неудобнее и хуже. Словом, не прошло и получаса, как за Дринианом и Ринсом ходили по пятам матросы и подлизывались к ним (так это называлось, когда я еще учился), чтобы их внесли в список. Скоро из всей команды осталось лишь три человека, которые упорно не хотели плыть дальше и изо всех сил старались переубедить прочих. А еще немного погодя остался всего один человек, да и он в конце концов испугался, как бы его не покинули на острове одного, и переменил решение.

Когда истекло полчаса, матросы снова собрались у стола, а Дриниан и Ринс показали Каспиану список. Каспиан согласился взять в плавание всех матросов, кроме того, который переменил решение последним. Он оставался на острове Звезды, пока другие искали край света, и очень жалел, что не отправился вместе со всеми. Его не занимали беседы с Раманду и его дочерью (как,

прибавим, их не занимали беседы с ним), да и погода была дождливая, и, хотя каждый вечер на столе Аслана появлялось превосходное угощение, оно его мало радовало. Позднее он рассказывал, что у него мурашки по коже бегали, когда ему приходилось сидеть за столом с четырьмя спящими лордами. Когда же корабль вернулся, ему стало так стыдно, что он сбежал на Одинокие Острова, а оттуда перебрался в Тархистан, где и рассказывал о своих приключениях на краю света, пока, наконец, сам в них не поверил. Так что, в некотором смысле можно считать, что и он стал счастливее, чем прежде. Но мышей он терпеть не мог.

Вечером все собрались за столом Аслана, на котором чудом появилась еда, и пировали всласть, а наутро, когда прилетели и улетели птицы, на корабле подняли парус.

— Госпожа моя, — сказал Каспиан, — я надеюсь продолжить нашу беседу, когда сниму заклятие. — А дочь Раманду улыбнулась, глядя на него.

Глава пятнадцатая
Чудеса Последнего моря

Вскоре после того, как наши путешественники покинули остров Раманду, они поняли, что плывут за пределами этого мира. Всё стало другим. Во-первых, они заметили, что для сна нужно теперь гораздо меньше времени. Им не хотелось спать, не хотелось есть, да и разговаривали они очень мало и негромко. Во-вторых, что-то

случилось со светом. Его стало слишком много. Восходящее солнце казалось в два, а то и в три раза больше, чем обычно. И каждое утро (это больше всего удивляло Люси) огромные белые птицы, поющие песни человеческим голосом на незнакомом языке, пролетали над ними и исчезали далеко за кормой, направляясь к столу Аслана. Через некоторое время они возвращались и исчезали на востоке.

— Какая здесь прозрачная вода! — удивилась Люси на второй день пути, склоняясь над бортом.

Так оно и было. Потом Люси заметила тёмный предмет, с башмак размером, и решила, что он плывёт по воде. Но тут кто-то выбросил из камбуза кусок чёрствого хлеба, и он проплыл над загадочным предметом; тогда Люси поняла, что тот — под водой. Внезапно он увеличился и сразу уменьшился снова.

Люси вспомнила, что нечто подобное она уже встречала, но где? Она приложила руку ко лбу и высунула язык, изо всех сил стараясь вспомнить, и, наконец, вспомнила. Если в ясный солнечный день смотришь из окна купе, можно увидеть, как тень поезда несётся по полям с той же скоростью. Вот поезд попадает в ложбинку — и тень

мгновенно подпрыгивает вверх, приближается, увеличивается и, не отставая, летит по косогору. Вы миновали ложбину — тень обретает прежние размеры и, как прежде, несётся по полям.

— Это наша тень! — воскликнула Люси. — Тень корабля бежит по дну моря! Она стала больше, когда попала на склон подводной горы. Значит, вода здесь ещё прозрачнее, чем я думала! Господи, я вижу самое дно, да ещё на такой глубине!

Едва она так сказала, как тут же поняла, что серебристое поле, которое она давно видела, не обращая на него внимания, не что иное, как песок, а тёмные и светлые пятна — не блики на воде, а предметы на дне. Сейчас, например, корабль плыл над какой-то мягкой лиловатой зеленью, по которой извивалась светлая полоска. Зная, что это — морское дно, Люси вгляделась получше и различила тёмные пятна, медленно раскачивающиеся взад-вперёд. «Словно деревья на ветру! — подумала она. — Наверное, так и есть, это подводная роща!»

К светлой полосе присоединилась ещё одна. «Похоже на лесную дорогу, — подумала Люси. — А вот и другая, как бы перекрёсток. Жаль, что я не могу спуститься туда и проверить. Ага! Лес кончился. А дорога всё тянется, теперь уже по

песку. Только цвет изменился, и по краям какие-то пупырышки — наверное, камни. А вот она стала шире».

На самом деле дорога шире не стала, а попросту приближалась к поверхности. Люси поняла это, когда увидела, что увеличилась тень; а дорога — теперь она была уверена, что это именно дорога, — начала петлять, поднимаясь по склону ещё одной горы. Сильно перегнувшись через борт и посмотрев назад, Люси увидела примерно то же, что можно увидеть, если смотришь с горы на извивающуюся внизу дорогу. Ей были видны даже лучи солнца, освещающие сквозь толстый слой воды поросшую лесом долину, похожую на туманно-зелёное пятно.

Однако Люси не стала терять времени, глядя назад — её гораздо больше удивило то, что предстало впереди. По-видимому, дорога достигла вершины и потянулась вперёд. По ней сновали крошечные пятнышки, и, наконец, появилось уже нечто совсем немыслимое — в ярком солнечном свете переливалось на все лады что-то зубчатое, высокое, сверкающее. Люси не понимала, что же это такое, пока не взглянула на тень. Солнце стояло как раз за её спиной, удивительная тень лежала на песке прямо перед ней, и Люси

различила очертания башен, шпилей и куполов.

— Вот это да! — воскликнула Люси. — Город или замок! Почему его построили на вершине высокой горы?

Много времени спустя, уже дома, она говорила об этом с Эдмундом, и они решили так: в море чем глубже, тем холоднее и темнее, а в темноте и холоде обитают морские чудища, скажем — спрут, морской змей или морской дракон. Поэтому в морских долинах опасно селиться, они для жителей моря — как горы для нас, а горы, наоборот, — как для нас долины, там теплее и безопаснее. (Как вы понимаете, горы эти, с нашей точки зрения, — отмели.) Храбрые морские охотники и смелые рыцари спускаются в глубину, а домой возвращаются отдохнуть, поработать и развлечься.

Корабль оставил за кормой подводный город, но морское дно по-прежнему поднималось. Теперь оно было футах в ста от киля. Дорога исчезла. Корабль плыл над каким-то садом, усеянным яркими цветами. И тут — Люси чуть не завизжала от радости — внизу показались люди!

Их было человек пятнадцать-двадцать, все верхом на морских коньках — не на тех, крошечных, которых мы видим в музее, а на больших, как

пони. Люси решила, что это вельможи и рыцари, ибо на головах их поблескивало золото, а за ними, в воде, стлались изумрудные и янтарные полосы.

«Ах ты, рыбки мешают!» — огорчилась она, когда стая толстых рыбёшек проплыла между ней и морскими жителями. И тут случилось самое интересное: из глубины вынырнула хищного вида рыба (Люси никогда такой не видела), бросилась в середину стаи, схватила добычу и быстро уплыла назад, крепко держа её в зубах. А жители моря сидели на своих коньках, внимательно на неё глядя и даже — показалось Люси — смеясь и беседуя. Не успела охотничья рыбка возвратиться к ним, как от них отплыла другая, точно такая же. Люси была уверена, что её послал самый высокий житель моря, сидевший на морском коньке во главе кавалькады, и что перед этим он держал её в руке или на запястье.

— Прямо соколиная охота! — сказала Люси. — Они выплывают с этими рыбками точно так же, как мы когда-то в Кэр-Паравале охотились с соколами. И рыбка летит… то есть плывёт к добыче…

Тут Люси замолчала, потому что зрелище изменилось — жители моря заметили корабль. Рыбы бросились врассыпную, а люди поплыли наверх

посмотреть, что за тёмная глыба плывёт между ними и солнцем. Они поднялись так близко к поверхности, что будь это не вода, а воздух, Люси могла бы с ними заговорить. Там были и мужчины, и женщины, все в коронах, а многие, кроме того, в жемчужных ожерельях, но совсем голые. Тела их были цвета пожелтевшей слоновой кости, волосы отливали тёмно-лиловым. Король (самый высокий, конечно, был король) горделиво и свирепо глянул Люси в лицо и потряс шпагой. Дамы, судя по их лицам, дивились и пугались. Люси поняла, что они никогда не видели ни корабля, ни человека, да и как их увидишь в морях, куда не заплывал никто?

— Что там такое? — раздался голос рядом с ней.

Люси вздрогнула от неожиданности и, обернувшись, заметила, как затекла у неё рука — она долго простояла неподвижно, склонившись над бортом. Сейчас к ней подошли Эдмунд и Дриниан.

— Смотрите, — ответила она.

Оба склонились над водой, и Дриниан тихо сказал:

— Отвернитесь поскорее, ваши величества! Да, вот так, к морю спиной. И не подавайте виду, что

вы говорите о чём-нибудь важном.

— Почему? — спросила Люси, отвернувшись.

— Нашим матросам их видеть нельзя, — сказал Дриниан. — Они влюбятся в морских женщин, захотят попасть в подводную страну — и попрыгают за борт. Я слышал, что в дальних морях бывали такие случаи. На этих людей смотреть нельзя.

— Но мы их уже видели, — сказал Люси. — Когда мой брат Питер был Верховным Королём. Они выплыли из моря в день нашей коронации и пели нам песни.

— Наверное, те были другие, — сказал Эдмунд. — Те могли дышать воздухом, а эти не могут. Иначе они давно бы всплыли и напали на корабль. Смотри, какие у них злобные лица…

— Как бы там ни было… — начал Дриниан, но тут до них донесся громкий всплеск и крик из смотровой корзины: «Человек за бортом!» Тут же закипела работа: одни матросы полезли на рею, чтобы убрать парус; другие поспешили в трюм, чтобы сесть на вёсла, а Ринс, который был вахтенным на юте, изо всех сил принялся крутить штурвал, чтобы корабль описал круг и вернулся назад, к упавшему за борт. Теперь уже все знали, что за бортом не человек, а Рипичип.

— Пропади он пропадом, этот Мыш! — в сердцах вскричал Дриниан. — С ним одним больше хлопот, чем со всей командой. Только случится что-нибудь особенное, так и жди, что он тут как тут. Да будь моя воля, я бы посадил его на цепь; нет, высадил где-нибудь; нет, остриг бы ему усы! Где он, мерзавец?!

Не подумайте только, что Дриниан и впрямь ненавидел мышиного рыцаря. Напротив, он его очень любил и потому за него испугался, а от испуга разозлился, как сердятся на ребёнка, когда он перебегает дорогу перед самой машиной. Другие не очень испугались — Рипичип прекрасно плавал; но Люси, Эдмунд и Дриниан, видевшие, что творится под водой, помнили, какие длинные копья у жителей моря.

Через несколько минут корабль описал круг, и все увидели на воде тёмный комок — Рипичипа. Он возбуждённо кричал, но никто его не понимал, так как он наглотался воды.

— Он всё выболтает, если не заткнуть ему рот, — сказал Дриниан, поспешил к борту и бросил Рипичипу верёвку, а окружавшим его матросам крикнул:

— Все по местам! Я сам его вытащу.

Когда Рипичип карабкался наверх — не слиш-

ком проворно, ибо порядком намок и отяжелел, — Дриниан наклонился над бортом и прошептал:

— Молчи! Ничего не рассказывай!

Когда же промокший Мыш оказался на палубе, выяснилось, что жители моря его ничуть не волнуют.

— Она не солёная… — пищал он. — Пресная…

— Ты о чём? — сердито спросил Дриниан. — Да не отряхивайся ты на меня!

— Вода здесь пресная, — отвечал Мыш. — Морская, но не солёная.

Никто не понимал, как это важно, пока Рипичип не пропел знакомые всем слова своей колыбельной:

…Где вода морская не солона,
Вот там, мой дружок,
Найдёшь ты Восток
Самый восточный Восток…

— Ринельф, подай ведро! — сказал Дриниан.

Тот подал ведро, Дриниан опустил его на верёвках за борт и поднял на палубу. Вода в ведре блестела, словно стекло.

— Ваше величество, — сказал Дриниан Каспиану, — надеюсь, вы испробуете воду первым.

Король взял ведро обеими руками, поднёс его к

губам, отхлебнул немного, потом отпил больше и поднял голову. Глаза его сияли, лицо просветлело.

— Да, — сказал он, — вода не солёная. Просто вода. Не знаю, умру ли я от неё, но, если бы можно было выбирать себе смерть, я бы выбрал такую.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Эдмунд.

— Она похожа на свет, — сказал Каспиан.

— Именно, — согласился Рипичип. — На жидкий свет. Свет, который можно пить. Наверное, наша цель совсем близка.

Минуту стояло молчание. Потом Люси опустилась на колени и отхлебнула из ведра.

— Как вкусно, — сказала она, переведя дух. — И какая она… крепкая. Теперь нам и есть не надо.

Все, один за другим, испробовали воды и долго молчали, слишком было хорошо.

А через некоторое время они заметили ещё одну вещь: как я уже говорил, с тех пор, как они покинули остров Раманду, всё сияло и сверкало; солнце стало больше (хотя и не грело сильнее), море блестело, воздух светился. Теперь свет стал ещё ярче, но, как ни странно, он меньше резал глаза. Более того, они могли, не мигая, смотреть прямо на солнце! Палуба, парус, их собственные лица и тела стали совсем светлыми, и даже канаты сияли. А на следующее утро, когда взошло

солнце (на этот раз оно было в пять или шесть раз больше обычного), они долго смотрели на него и даже видели, как с солнца слетают белоснежные птицы.

За весь день на борту никто не произнёс ни слова, и только к вечеру (обедать не стали, все просто напились воды) Дриниан сказал:

— Ничего не понимаю! Ветра нет и в помине, парус висит, море гладкое, словно пруд, а мы плывем так быстро, словно нас гонит штормовой ветер. Что бы это значило?

— Я тоже об этом думаю, — сказал Каспиан. — Наверное, мы попали в какое-то сильное течение.

— М-да… — пробормотал Эдмунд. — Если у мира действительно есть край и мы к нему приближаемся, хорошего в этом мало.

— Ты считаешь, — спросил Каспиан, — что мы можем… ну, перелиться через этот край?

— Вот именно! — вскричал Рипичип, хлопая от радости в ладоши. — Так я всегда и думал: мир — словно большой круглый стол, и воды всех океанов непрестанно переливаются через его край. Корабль подплывёт к краю, мы заглянем вниз — и стремительно понесёмся туда…

— Что же, по-твоему, нас ожидает внизу? —

спросил Дриниан.

— Вероятно, страна Аслана, — сказал Рипичип, поблёскивая глазками. — А может, никакого низа и нет. Мы будем падать всю жизнь. Да что там, неужели этого мало — хоть на один миг заглянуть за край света?

— Послушай, — не вытерпел Юстэс. — Какая чепуха! Мир действительно круглый, но не как стол, а как шар.

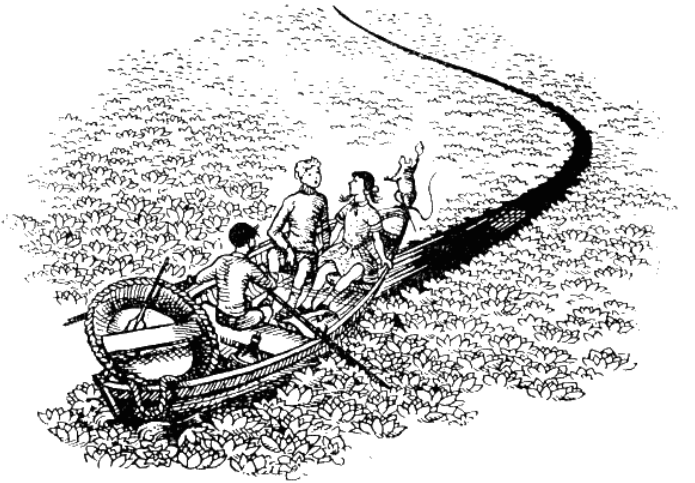
– *Наш* мир, — поправил Эдмунд. — А этот?

— Не хотите ли вы сказать, — спросил Каспиан, — что вы трое прибыли сюда с круглого, как шар, мира? Почему вы раньше не говорили? Я очень любил в детстве сказки о таких мирах. Правда, я не думал, что миры эти есть на самом деле, но очень этого хотел и хотел побывать там. Я бы что угодно отдал… кстати, почему вы попадаете в наш мир, а мы в ваш — нет? Ах, попасть бы туда! Как интересно жить на шаре! А вы бывали в тех местах, где люди ходят вверх ногами?

Эдмунд покачал головой.

— Нет, — сказал он и добавил: — Круглый мир ничуть не интересен, когда ты на нём живешь.

Глава шестнадцатая
Самый край света

Только Рипичип, не считая, конечно, Люси с Эдмундом и Дринианом, заметил жителей моря. Он нырнул в воду, ибо, увидев, как морской король потряс своим копьём, усмотрел в этом угрозу или вызов и решил безотлагательно выяснить вопрос на месте. Обнаружив, однако, что вода не солёная, он разволновался и забыл о морских жителях; и,

прежде чем он про них вспомнил, Люси и Дриниан отвели его в сторону и попросили никому ничего не говорить.

Как вскоре выяснилось, беспокоиться и не стоило, ибо корабль плыл теперь над необитаемой частью дна. Никто, кроме Люси, больше не видел подводных людей, да и она — лишь один раз, и то мельком. Всё следующее утро плыли по довольно мелкой воде, над густыми зарослями. Незадолго до полудня Люси заметила огромную стаю рыб. Все они что-то жевали и медленно плыли в одном направлении. «Совсем как овцы», — подумала Люси и вдруг увидела неподалёку от стаи морскую девочку примерно своих лет — тихую одинокую девочку с хворостиной в руке. Люси решила, что это пастушка, а стая рыб — стадо, которое она пасёт. И рыбы, и девочка были совсем близко от поверхности. Когда девочка и перегнувшаяся через борт Люси оказались друг против друга, пастушка подняла голову и посмотрела Люси прямо в глаза. Никто из них не произнёс ни слова, и секунду спустя девочка осталась далеко за кормой. Но Люси на всю жизнь запомнила её лицо, не злое и не испуганное, как у вчерашних жителей моря. Девочка очень понравилась Люси, и, наверное, Люси понравилась девочке. Они

подружились за один миг. Я не думаю, что они встретятся в этом мире (да и в любом другом), но если встретятся, очень обрадуются.

Потом корабль довольно долго скользил по тихому морю. С каждым днём и с каждым часом свет становился всё ярче и всё мягче. Никто не ел и не спал. Они черпали из моря сверкающую воду, которая была крепче вина и как-то мокрее воды обычной, и молча выпивали её за здоровье остальных. Двое пожилых матросов начали молодеть прямо на глазах. Все радовались, но не той радостью, от которой говорят без умолку. Чем дальше они плыли, тем меньше говорили, и то шёпотом. Спокойствие Последнего моря передалось и людям.

— Милорд, — спросил однажды Каспиан у Дриниана, — что это виднеется впереди?

— Ваше величество, — ответил Дриниан, — вдоль всего горизонта, с севера на юг, тянется что-то белое.

— И я это вижу, — сказал Каспиан, — но никак не пойму, что это такое.

— Если бы мы находились севернее, — сказал Дриниан, — я решил бы, что это льды. Но в этих местах льдов быть не может. Во всяком случае, нам не мешает посадить матросов на вёсла. Те-

чение несёт корабль слишком быстро. Опасно столкнуться с чем-нибудь на такой скорости.

Так они и сделали и медленно поплыли вперёд, но белизна оставалась такой же загадочной. Если это был остров, то весьма странный, ибо он не возвышался над водой. Когда они подошли совсем близко, Дриниан развернул корабль правым бортом к течению и велел грести на юг, чтобы пройти хоть немного вдоль загадочной гряды. Тогда они обнаружили, что течение, которое несло их на восток, не шире сорока футов, а слева от него и справа море спокойно, как пруд. Матросы были довольны, они уже подумывали о том, что обратный путь к острову Раманду против течения будет нелёгким. (Теперь и Люси поняла, почему девочка-пастушка так быстро исчезла за кормой. Она стояла вне течения, иначе она двигалась бы на восток с той же скоростью, что и корабль.)

Но таинственная белизна оставалась непонятной. Пришлось спустить лодку и послать ее вперёд. Те, кто стоял на борту, видели, что лодка легко вошла в белое пространство, потом послышались удивлённые голоса, ясно звеневшие над тихой водой, потом наступило молчание. Видно было, что Ринельф, стоя на носу лодки, делает замеры глубины; а когда лодка возвращалась,

с корабля заметили, что внутри она тоже стала белой.

— Это лилии, ваше величество, — крикнул из лодки Ринельф.

— Что? — переспросил Каспиан.

— Водяные лилии, — сказал Ринельф. — Кувшинки, как в пруду.

— Смотрите! — крикнула Люси, сидевшая на корме, и подняла охапку белых цветов с широкими плоскими листьями.

— А какая там глубина? — спросил Дриниан.

— Как ни странно, капитан, — ответил Ринельф, — по-прежнему большая.

— По-моему, это не кувшинки, — сказал Юстэс.

Возможно, он был прав, но цветы на кувшинки походили.

Когда, посовещавшись, корабль снова повели по течению, сквозь Озеро Лилий или Серебристое Море (из этих двух названий на карте осталось последнее), началась самая удивительная часть плавания. От моря осталась лишь тонкая синяя кайма в западной части горизонта. Со всех сторон их окружали белоснежные, чуть тронутые золотом цветы, и только прямо за кормой бежала дорожка чистой воды, блестевшей, словно тёмно-зёленое стекло. Так и казалось, что ты

у полюса; и, если бы зрение у всех не окрепло, они не выдержали бы блеска на белоснежных лепестках — особенно ранним утром, когда вставало огромное солнце. Даже вечером от этой белизны было светлее, чем обычно. Казалось, цветам не будет конца. Пахли они дивно, и Люси не могла потом описать этот запах — нежный, но не дурманящий, свежий, прохладный запах, проникающий в самую глубину души, и такой бодрящий, что хотелось взбежать на гору или помериться силами со слоном. Люси и Каспиан говорили друг другу: «Нет, больше не могу!.. Ох, только бы он не прекращался!»

Дриниан часто бросал лот, но лишь через несколько дней глубина оказалась меньше. Потом стало быстро мельчать, пока, наконец, им не пришлось выбраться из течения и, медленно гребя, осторожно двигаться вперёд. А ещё через несколько дней они поняли, что дальше на восток корабль плыть не может. Лишь благодаря опыту и искусству Дриниана они до сих пор не сели на мель.

— Спустить лодку! — крикнул Каспиан. — Созвать команду!

— Что он собирается делать? — прошептал Юстэс Эдмунду. — Как странно у него блестят глаза!

— Думаю, мы выглядим точно так же, — сказал Эдмунд.

Они поднялись на ют к Каспиану, а вскоре и все матросы собрались на корме у лестницы, чтобы выслушать речь своего короля.

— Друзья, — обратился к ним Каспиан, — мы достигли цели. Мы нашли семерых лордов, а поскольку Рипичип поклялся не возвращаться, вы обнаружите, когда попадете на остров Раманду, что волшебные чары развеяны и лорд Ревелиан, лорд Аргоз и лорд Мавроморн уже проснулись. Тебе, лорд Дриниан, я повелеваю как можно быстрее возвращаться в Нарнию, ни в коем случае не заходя на Остров Мертвой Воды. Передай Траму, чтобы он выплатил моим товарищам по плаванию всё, что я им обещал. Они это заслужили. На случай, если я не вернусь, воля моя такова: пусть управитель Трам, магистр Корнелиус, барсук Боровик и лорд Дриниан выберут с общего согласия нового короля…

— Ваше величество, — перебил его Дриниан, — неужели вы отрекаетесь от престола?

— Я отправляюсь с Рипичипом на самый край света, — отвечал Каспиан.

Тихий ропот пробежал среди матросов.

— Мы поплывём на лодке, — сказал король. — В

этих местах она вам не нужна, а на острове Раманду вы сделаете новую… Ну, а теперь…

— Каспиан, — сказал Эдмунд с неожиданной строгостью, — ты этого делать не можешь.

— И я считаю, — сказал Рипичип, — что вашему величеству не следует этого делать.

— Я тоже, — сказал Дриниан.

— Вы так думаете? — резко спросил Каспиан и вдруг стал похож на своего дядю Мираза.

— Прощу прощения, ваше величество, — сказал Ринельф с палубы, — но, если бы кто-нибудь из матросов так сделал, это бы называлось дезертирством.

— Ты слишком много себе позволяешь, Ринельф! — крикнул Каспиан.

— Нет, ваше величество, он прав, — сказал Дриниан.

— Клянусь гривой Аслана, — сказал Каспиан, — вы мои подданные, а не наставники.

— Я не твой подданный, — сказал Эдмунд, — но и я говорю, что тебе *нельзя* туда плыть.

— Нельзя? — спросил Каспиан. — Почему?

— Если вы позволите, ваше величество, мы хотим сказать «не надо», — ответил Рипичип и очень низко поклонился. — Вы, король Нарнии, потеряете доверие своих подданных, и особенно

лорда Трама, если не вернётесь вместе со всеми. Вы не вправе тешить себя приключениями, как частное лицо. И если вы не прислушаетесь к голосу разума, каждый из нас докажет свою преданность королю тем, что вместе со мною обезоружит вас, свяжет и будет держать взаперти до тех пор, пока вы не образумитесь.

— Правильно, — сказал Эдмунд. — Так сделали с многомудрым Одиссеем, когда его влекло к сиренам.

Рука Каспиана опустилась на эфес шпаги, но тут Люси сказала:

— К тому же ты обещал вернуться дочери Раманду.

Каспиан долго молчал и наконец произ-нёс:

— Ну, что ж… — Он ещё помолчал немного и крикнул матросам: — Будь по-вашему! Плавание закончено. Мы возвращаемся. Поднять лодку!

— Простите, ваше величество, — заметил Рипичип, — возвращаемся, но не все. Что до меня, я уже говорил…

— Замолчи! — прогремел Каспиан. — Я получил урок, но не желаю, чтобы надо мной ещё и смеялись! Уймите вы эту мышь!

— Ваше величество, вы дали клятву, — сказал Рипичип, — что будете справедливы ко всем

говорящим тварям Нарнии.

— Правильно, — сказал Каспиан. — Говорящим. Но не болтающим без умолку! — Он бросился вниз по лестнице и, громко хлопнув дверью, скрылся в своей каюте.

Однако через несколько минут, когда к нему вошли, его трудно было узнать: лицо его побледнело, в глазах стояли слёзы.

— Как нехорошо, — сказал он. — Я очень виноват перед вами. Со мной говорил Аслан. Нет, он здесь не был, да он бы и не поместился в каюте. Вон та золотая голова ожила и говорила со мной… Это было ужасно… особенно глаза. Нет, он не сердился… только сначала был строг. Но всё равно, это было ужасно. И он сказал… он сказал… самое плохое. Вы четверо — Рип, Эдмунд, Люси и Юстэс — должны плыть дальше, а я — возвратиться. Только я. И сейчас же. Почему это?

— Милый Каспиан, — сказала Люси, — ты ведь знал, что рано или поздно мы должны вернуться в наш мир.

— Да, — ответил Каспиан и всхлипнул. — Но это… слишком рано.

— Тебе станет легче, когда ты вернешься к Раманду, — сказала Люси.

Позже он немного успокоился, но расставаться

было трудно, и я не буду это описывать. Днём, часа в два, лодка с провизией и водой (хотя все думали, что это не нужно) и с лодочкой Рипичипа поплыла на восток, рассекая сплошной цветочный ковёр.

На корабле подняли все флаги и вывесили все щиты. С лодки, окружённой кувшинками, корабль казался уютным и высоким, как дом. Те, кто плыл в лодке, ещё увидели, как он плавно развернулся и медленно двинулся на вёслах обратно, к западу. И хотя Люси всплакнула, печалилась она меньше, чем можно было ожидать. Свет, тишина, благоухание Серебристого Моря, даже само одиночество слишком радовали её.

Никто в лодке не ел и не спал. Грести не приходилось, течение само несло их прямо на восток. Они плыли всю ночь и весь следующий день, а когда занялась ещё одна заря — такая яркая, что ни ты, ни я не смогли бы глядеть на неё даже через тёмные очки, — они увидели чудо. Впереди, между лодкой и небом, появилась зеленовато-серая мерцающая стена. Потом взошло солнце, и стена стала радужной; тогда они поняли, что это — высокая волна, непрестанно проходящая через одно и то же место, словно на краю водопада. Волна была футов в тридцать высотой, и течение

несло к ней лодку. Должно быть, вы думаете, что наши герои испугались — но этого не было, да и никто не боялся бы на их месте. Дело в том, что они увидели что-то не только за волной, но и за самим солнцем. Если бы глаза их не укрепила вода Последнего Моря, они не смогли бы смотреть на солнце в упор, а так — смотрели и ясно различали позади горы, такие высокие, что вершины терялись где-то в небе. Правда, никто не мог потом припомнить никакого неба — должно быть, горы стояли не в нашем мире, ибо у нас гора даже в четыре, нет, даже в двадцать раз меньше, покрыта снегом и льдом. А эти, как высоко ни взгляни, поросли тёмно-зелёным лесом, сквозь который прокладывали путь сверкающие водопады. Вдруг с востока подул ветерок, сбил верхушку волны и осыпал брызгами гладь перед лодкой. Дул он не больше мгновения, но принес благоухание и музыку, которые дети запомнили на всю жизнь. Эдмунд и Юстэс никогда не говорили об этом, Люси могла лишь сказать: «Чуть сердце не разорвалось...» «Неужели, — спросил я, — музыка была такой печальной?» «Ой, совсем нет!» — отвечала мне Люси.

Никто не сомневался, что видит страну Аслана за краем света.

И тут лодка с треском села на мель. Да, здесь было слишком мелко даже для неё.

— Дальше, — сказал Рипичип, — я поплыву один.

Друзья и не пытались его отговаривать — им казалось, что всё это давно предопределено или уже происходило раньше. Они помогли спустить на воду крошечную лодочку. Потом Рипичип вынул шпагу («Больше не нужна», — сказал он) и отбросил её прочь, в гущу кувшинок. Шпага воткнулась в песок и осталась торчать над водой. Рипичип простился с друзьями, стараясь ради них выглядеть грустным, но это ему не удалось — он просто трепетал от счастья. Люси в первый и последний раз сделала то, о чём давно мечтала: взяла его на руки и погладила. Потом Рипичип быстро пересел в лодочку, взял в лапки весло, и течение подхватило его. Среди белоснежных лилий лодочка казалась чёрной. На гладком зелёном склоне волны цветов не было. Лодочка двигалась всё быстрее, наконец она легко взлетела на гребень волны, задержалась там миг-другой и исчезла. С тех пор никто Рипичипа не видел. Но я уверен, что он живым и невредимым вступил в страну Аслана и благоденствует там до сих пор.

Солнце поднялось выше, горы по ту сторону

мира постепенно исчезли. Стена воды стояла по-прежнему, но за ней только синело чистое небо.

Герои наши выбрались из лодки и пошли вброд не к стене, а на юг (стена была от них слева). Они и сами не знали, зачем туда идут, их словно что-то вело. За время плавания они очень повзрослели, но теперь снова почувствовали себя детьми и, раздвигая белые цветы, побежали по мелководью. Вода была тёплой, с каждым шагом становилось всё мельче. Наконец они выбежали на песок, а потом на траву — прямо перед ними раскинулся большой луг, поросший короткой нежной травкой. Луг этот был почти на одном уровне с морем и тянулся во все стороны без единого холмика.

Когда ты стоишь на ровном месте без деревьев, кажется, что небо далеко впереди соединяется с землёй. Однако чем дальше они шли, тем больше убеждались, что это — не иллюзия; а вскоре они уже и не сомневались.

Перед ними, рукой подать, стояло небо — твёрдая ярко-голубая стена, похожая на стекло.

А между ними и основанием неба на зелёной траве лежало что-то столь ослепительно белоснежное, что даже теперь, когда глаза их глядели на солнце, они поначалу заморгали. Дети подо-

шли ближе и увидели, что это — ягнёнок.

— Идите, позавтракайте, — нежно и звонко сказал он.

Только тут они заметили в траве полупогасший костёр, на котором пеклась рыба. Они сели и принялись за еду, впервые за долгое время ощутив

голод. Такой вкусной рыбы им ещё никогда не приходилось есть.

— Простите, ягнёнок, — сказала Люси, — мы попадём отсюда в страну Аслана?

— Нет, — сказал ягнёнок. — Вы попадёте в страну Аслана из вашего собственного мира.

— Как? — воскликнул Эдмунд. — Неужели туда можно попасть от нас?

— В мою страну можно прийти из всех миров, — сказал ягнёнок. И пока он говорил, его снежное руно вспыхнуло золотым пламенем. Он стал быстро расти — и вот перед детьми, сверкая гривой, стоял сам Аслан.

— Ах, Аслан, — сказала Люси, — как же попасть в твою страну из нашего мира?

— Я буду учить вас этому всю жизнь, — ответил Лев. — Сейчас я не скажу, долог путь или короток, знайте лишь, что он пересекает реку. Но не бойтесь, я умею строить мосты. А теперь идите. Я открою дверь в небе и выпущу вас в ваш мир.

— Аслан, — сказала Люси, — прежде чем мы уйдём, скажи нам, пожалуйста, когда мы вернёмся в Нарнию?

— Дорогая моя Люси, — нежно сказал Лев, — ни ты, ни твой брат больше туда не вернётесь.

— Ой, Аслан! — в один голос воскликнули Люси

и Эдмунд.

— Вы слишком выросли, дети, — сказал Аслан, — и должны, наконец, войти в свой собственный мир.

— Дело не в Нарнии! — всхлипнула Люси. — А в тебе. Там тебя не будет. Как мы сможем без тебя жить?

— Что ты, моя дорогая! — отозвался Аслан. — Я там буду.

— Неужели ты бываешь и у нас? — спросил Эдмунд.

— Конечно, — сказал Аслан. — Только там я зовусь иначе. Учитесь узнавать меня и под другим именем. Для этого вы и бывали в Нарнии. После того, как вы узнали меня здесь, вам будет легче узнать меня там.

— А Юстэс тоже сюда не вернется? — спросила Люси.

— Дочь моя, — сказал Аслан, — нужно ли тебе это знать? Идите. Я открываю дверь.

В голубой стене появилась трещина, в неё хлынул ослепительный свет, золотая грива легко коснулась Эдмунда, Люси и Юстэса — и они оказались в Кембридже, у тёти Альберты.

Добавлю лишь немного: во-первых, Каспиан и его матросы благополучно прибыли на остров

Звезды и увидели, что лорды пробудились от сна. Каспиан женился на дочери Раманду, увез её в Нарнию, и она стала великой королевой, матерью и бабушкой великих королей. Во-вторых (уже в нашем мире), все признали, что Юстэс изменился к лучшему и его «совершенно нельзя узнать». Только тётя Альберта считала, что он стал заурядным и скучным, а виноваты, конечно, эти Эдмунд и Люси.